

АРХЕОЛОГИЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
СИБИРИ

Барнаул • 1996

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
Алтайский государственный университет
Научно-исследовательский институт
гуманитарных исследований

Программа «Университеты России»

**Археология, антропология
и этнография Сибири**

*Сборник, посвященный памяти
антрополога А.Р. Кима*

Издательство АГУ
Барнаул 1996

ББК 63.4(2Р5)+63.5(2Р5)

А-876

УДК 902/904

В сборник, посвященный памяти известного исследователя, трополога А.Р. Кима, включены его собственные материалы, мориальные статьи, а также статьи специалистов по проблемам археологии, антропологии и этнографии. В конце опубликован список работ А.Р. Кима. Рассчитан на археологов, антропологов, этнографов, историков и краеведов.

Ответственный редактор
д.и.н., проф. Ю.Ф. Кирюшин

Редакционная коллегия:
чл.-корр. РАН В.И. Молодин, к.и.н. А.Л. Кунгуров,
к.и.н. А.В. Шамшин, к.и.н. Ю.Т. Мамадаков

© Составление Ю.Ф. Кирюшин
© Оформление Д.В. Колдаков, А.В. Максим

Памяти Аркадия Романовича Кима,
замечательного человека
и известного антрополога
посвящен этот сборник

Фото А. Позникова

А.Р. Ким
в экспедиции
в Горном Алтае
в 1986 году.

В.Н. Владимиров

А.Р. Киму

Мы с Вами встречали дожди и туманы
Среди голубеющих гор.
Я Вас обожаю, Аркадий Романыч,
С каких-то неведомых пор.

Вам череп любой не проблема измерить
И массу вопросов решить...
Ах если б так просто Вам было проверить
Людей на изломы души!

Простите за то, что окончилось лето,
За то, что зима впереди.
За то, что мы все не в начале, а где-то
Уже в середине пути.

Пусть снова нам с Вами придется проститься,
Но Вы не сочтите за лезть,
Что будет земля потихоньку крутиться
Пока антропологи есть!

Мы снова встречаем дожди и туманы
Среди голубеющих гор.
Ведь Вы все такой же, Аркадий Романыч,
Все с тех же неведомых пор.

Нам с Вами уже не придется расстаться,
Так к черту обиды и лезть !..
Пусть будет земля как ей надо вращаться-
Средь нас антропологи есть!

Над нами все те же дожди и туманы
И дым убегающих лет...
Простите еще раз, Аркадий Романыч
За этот печальный куплет.

Мы стали друг с другом навеки прощаться —
Такая уж вышла пора...
И только земля продолжает вращаться
Все так же, как будто вчера...

Барнаул — Горный А
1988—1990—

В.А. Дремов, Э.Л. Львова

**Памяти А.Р. Кима
(1946—1993)**

6 мая 1993 г. трагически оборвалась жизнь Аркадия Романовича Кима. Ушел человек удивительных душевных качеств, прекрасный товарищ, ученый в расцвете творческих сил, развернувший в последние годы антропологические исследования в Алтайском крае.

Научная деятельность А.Р. Кима началась и в основном протекала в Томском госуниверситете. Впервые побывав на студенческой антропологической практике на р. Чулыме в 1970 г., А.Р. Ким уже осенью этого года без отрыва от учебы стал работать лаборантом кабинета антропологии, а после окончания университета в 1974 г. был зачислен в постоянный штат проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, где проработал до 1988 г.

С 1975 г. А.Р. Ким включился в планомерные антропологические исследования коренного населения Западной Сибири, организованные Томским госуниверситетом, проводит самостоятельные полевые работы в Томской, Новосибирской, Кемеровской областях и в Алтайском крае. В течение 1975—1982 гг. им собраны уникальные остеологические материалы по чулымским тюркам, багатским телеутам, порцам, барабинским татарам, северным и южным алтайцам, а также данные по дерматоглифике алтай-кижи и одонтологии телеутов. А.Р. Ким кроме того принимал участие в этнографических и археологических экспедициях Томского и Алтайского университетов, Института археологии и этнографии СО РАН, Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Результаты обработки собранных материалов по антропологии современного и средневекового населения Западной Сибири А.Р. Ким докладывал на региональных и всесоюзных конференциях в гг. Москве, Минске, Омске, Томске, Фрунзе, Барнауле, на VI и VII Международных конгрессах финноугроведов в Сыктывкаре и Дебрецене (Венгрия).

Исследования А.Р. Кима внесли существенный вклад в разработку вопросов расовой систематики промежуточных монголоидно-европеоидных типов коренного населения Западной и Южной Сибири. Среди кумандинов, шорцев и телеутов А.Р. Кимом впервые установлен своеобразный североалтайский антропологический вариант, выходящий за пределы вариаций уральского и южносибирского типов и занимающий самостоятельное таксономическое положение в расовой классификации. Материалы по средневековому населению западносибирской лесостепи, относящиеся к VIII-X вв., позволили А.Р. Киму выявить некоторые важные моменты происхождения расовых компонентов, фиксируемых среди современных тюркоязычных пародов Алтае-Саянского нагорья. В 1987 г. А.Р. Ким успешно защитил кандидатскую диссертацию, в которой обобщил итоги проведенных им исследований.

После переезда в г. Барнаул в 1988 г. начался второй этап научной деятельности А.Р. Кима, к несчастью, так внезапно оборвавшийся. Работая в г. Барнауле в особенно тесном контакте с археологами, А.Р. Ким занялся изучением расового состава населения Северного и Горного Алтая начала I тыс. н.э. Строил планы более широкого изучения населения евразийских степей эпохи великих переселений народов.

В Алтайском госуниверситете в полной мере раскрылся талант А.Р. Кима как лектора, ведущего ряд курсов по антропологии и этнографии на разных факультетах и организатора науки. При Музее археологии АГУ А.Р. Кимом налажены научная обработка и хранение костных антропологических коллекций. В последние годы он являлся заместителем директора, а затем директором Института гуманитарных исследований при Алтайском госуниверситете. Установлены научные связи с коллегами-антропологами ряда зарубежных стран — Монголии, Венгрии, США и особенно Кореи (А.Р. Ким был единственным в нашей стране антропологом корейской национальности).

А.Р. Ким обладал редкой притягательной силой, был чрезвычайно общительным и расположенным к людям, готовым в любую минуту оказать помощь словом и делом каждому, кто в ней нуждался. Он умел говорить и нелюбимые вещи, но в его словах никогда не таилось и тени стремления обидеть собеседника. У него всегда и везде было много друзей и совсем не было недоброжелателей... Миновало слишком мало времени после случившейся трагедии и, может быть, не пришли пока еще те слова, какими должно воздать память и любовь человеку, с которым счастливо и надолго свела нас судьба.

Ю.Ф. Кирюшин

Аркадий Романович Ким

Боль. Тупая ноющая боль до сих пор стоит в сердце с того трагического дня 6 мая 1993 г., когда поздно вечером позвонил Г.Я. Ирышников и сказал: «Юра, убили Аркашу». Это было так неожиданно и совершенно никак не укладывалось в сознание, что я инстинктивно спросил: «Какого?». «Аркадия Кима», — последовал ответ. Думая, что это какая-то ошибка или просто недоразумение, позвонил дежурному УВД по г. Барнаулу, представился и попросил уточнить эту информацию. Через некоторое время мне сообщил, что по сводке чрезвычайных происшествий есть сообщение об убийстве сотрудника АГУ А.Р. Кима неизвестными лицами. Разбудил телефонными звонками декана факультета В.Н. Владимирову, одного из близких друзей А.Р. Кима Ю.Т. Мамадакова, я сообщил им эту ужасную новость, договорился с ними, что я сейчас заеду заберу их и попросил Ю.Т. Мамадакова позвонить друзьям семьи Ким В.В. и В.М. Ким и попросить их подъехать к подъезду дома, где жил А.Р. Ким.

Встретившись у подъезда дома уже в третьем часу ночи, мы в никак не могли поверить в эту чудовищную новость и решили, прежде чем идти с ней к семье Аркадия Романовича, удостовериться, что это не ошибка. Каждый в глубине души верил, что может быть это какое-то недоразумение, какая-то нелепая ошибка, которая в сейчас или совсем скоро станет очевидной и развеется как тума. Настолько были они не совместимы, Аркадий Романович и смерть. И только после того, как я увидел тело Аркадия, лежащее на столе в морге, куда меня допустили одного, я понял, чуда не произойдет, это, действительно, Аркадий. И в четвертом часу ночи мы постучались в дверь квартиры семьи Аркадия Романовича Кима. Начались эти страшные два дня. Нужно было обзвонить всех друзей, близких коллег Аркадия Романовича, организации, с которыми он сотрудничал. Проводить его в последний путь приехали его армейские друзья, однокурсники, коллеги и друзья из Томска, Новосибирск

Кемерово, Тюмени, Горно-Алтайска. Свои соболезнования прислали друзья и коллеги из многих городов России.

Сейчас, когда с тех трагических дней прошло уже более двух с половиной лет и боль утраты несколько поутихла, хотя и не прошла, память по-прежнему часто обращается к нему и все отчетливее видно, что потерял не просто хорошего друга и коллегу, но одного из своих самых падежных помощников и единомышленников.

Я познакомился с Аркадием осенью 1970 г., когда он вначале второго курса исторического факультета Томского госуниверситета пришел работать лаборантом кабинета антропологии, я работал в это время директором музея археологии и этнографии Сибири при ТГУ, в помещении которого и находился этот кабинет. В студенческие годы я несколько лет работал лаборантом того же кабинета, поэтому мы с Аркадием были как бы коллегами, к тому же одногодками и быстро подружились. Постоянно встречались на работе, на разных субботниках и воскресниках, часто они приглашали меня к себе в комнату на четвертый этаж общежития на Ленина, 49, где отмечались различные праздники и обязательно день Советской Армии и день Танкиста. Здесь жили ребята, отслужившие в армии, которые в течении ряда лет ездили в экспедиции археологов, антропологов и этнографов ТГУ. Это были Н. Волков, Д. Воронин, Н. Иговцев, Е. Титаренко и другие. И обычно Аркадий был тем центром, который объединял компанию. Он готовил чудесный плов, что сделать в условиях общежития немисливо, различные закуски. Он лучше других разливал в разнокалиберную тару горячительные напитки. Он мог выслушать обиды, погасить вспыхнувший конфликт, дать толковый совет. Причем все это делалось в очень доброжелательной форме, корректно и не вызывало обид. Ребята тянулись к Аркадию.

После окончания университета Аркадий стал работать старшим лаборантом кабинета антропологии, мы часто семьями встречались на различных праздничных мероприятиях проблемной лаборатории где мы работали, ходили вместе с детьми на новогоднюю елку.

В 1977 г., когда я переехал в г. Барнаул и стал работать в Алтайском госуниверситете, в Томске стал бывать только на конференциях и в командировках. Часто с коллегами из других городов приходили к Аркадию в гости на его чудесный плов, допоздна засиживались за разговорами. Почти с самого моего первого приезда в Томск из Барнаула я стал уговаривать Аркадия переехать на работу в Барнаул в Алтайский госуниверситет. Тем болес, что у меня был мощный союзник в лице его жены Евгении Павловны, родители и сестры которой жили в Барнауле, который был и ее

родным городом. Я говорил ему, что в молодом вузе больше возможности для научной работы, что археологи АГУ разворачивают большие новостроечные экспедиции в Горном Алтае и лесостепной зоне, краниологические коллекции будут быстро расти и можно будет создавать свой кабинет антропологии, в который будут передавать материалы и другие археологи, работающие на Алтае.

Мои аргументы зародили размышления у Аркадия и после некоторых раздумий он сказал, что мы вернемся к этому разговору после того, как он защитит кандидатскую диссертацию. Но, видимо, такой вариант для себя он рассматривал. Он стал участвовать в экспедициях Алтайского госуниверситета, часто приезжал на Алтай. Но затем работа на стройке, чтобы заработать себе квартиру, тяжелая болезнь отодвинула его защиту кандидатской диссертации на 1986 г., а в октябре 1988 г. состоялся его переезд на Алтай.

С первых дней своей работы в Алтайском госуниверситете (12.10.88 г.) Аркадий Романович разворачивает работы по созданию кабинета антропологии при АГУ. Вместе с директором музея археологии при АГУ Г.Л. Нехведавичюсом, его активным помощником на все оставшиеся годы, он готовит помещение под хранение коллекций, договаривается с учеными, ведущими археологические исследования на Алтае, о передаче краниологических коллекций в Алтайский госуниверситет, разбирает, реставрирует и систематизирует имеющиеся и поступившие материалы. Он мечтал со временем издать каталог краниологических коллекций АГУ, как это было сделано им совместно с В.А. Дремовым в Томском госуниверситете. Очень быстро он стал своим человеком не только в лаборатории археологии, но и на историческом факультете, органически вписавшись в коллектив преподавателей и сотрудников. К нему потянулись студенты, он стал вести с ними занятия. Через два года он был избран старшим преподавателем кафедры археологии, этнографии и источниковедения, а еще через год доцентом той же кафедры. У него появились свои ученики, курсовики, дипломники, он стал проводить учебные практики. С 1991 г. он являлся начальником Катунской археологической экспедиции. С этого момента у Аркадия особенно ярко проявился талант организатора. В наше трудное время в экспедициях, возглавляемых им, никогда не было никаких проблем. Все было четко организовано: работа, питание, транспортировка, транспорт и отдых. Начиная с зимы за ним ходили буквально толпы студентов, и не только из АГУ, с просьбой взять их с собой в экспедицию в Горный Алтай. Часто количество взятых им с собой людей превышало плановые на 10-15 человек. На мои упреки, как мы будем содержать

такую ораву, как мы ее прокормим, разместим и переправим на место работ, он обычно отвечал с немпого виноватой улыбкой: «Не волнуйся, ребята согласны работать и без оплаты, только за полевое довольствие, проезд часть оплатит сама, а часть отправим грузовой машиной с экспедиционным оборудованием». И, действительно, все оказывались устроены, на всех хватало спальников хотя бы стареньких, все были сыты и все были довольны. На следующий год количество просителей увеличивалось, потянулись люди из других городов, возникли те же проблемы и снова они были решены спокойно, без надрыва и без каких-то сверхусилий.

Коллеги по кафедре и лаборатории любовно звали его «Романыч» И, поэтому, когда встал вопрос о назначении исполняющего обязанности директора научно-исследовательского института Гуманитарных Исследований, он однозначно был решен в пользу кандидатуры Аркадия Романовича. В качестве научного руководителя мне пришлось вместе с Аркадием Романовичем заниматься проблемами становления института, созданием его отделов и секторов, формированием его научных направлений. И мне отчетливее чем кому-либо другому было видно как ярко проявились организаторские и человеческие качества Аркадия Романовича. Его быстро узнали и полюбили в университете. Я бы даже сказал, что сформировался своеобразный феномен Аркадия Романовича, в хорошем смысле этого слова, который будет жить пока будут жить люди, знавшие его.

Нелегко говорить, что все эти годы Аркадий был моим близким другом и помощником. Мы вместе ездили в экспедиции, в командировки, встречались семьями. Строили планы по развитию института и его научных исследований. Но эта трагедия оборвала Аркашину жизнь на самом взлете. Одно меня мучает и будет мучить всю жизнь, что это я уговорил Аркадия переехать в Барнаул Единственное, что меня хоть как-то утешает, это наш разговор за несколько дней до его смерти. Он мне сказал, что очень быстро растратил свою зарплату. Я его спросил, куда же ты ее дел, вел только что получил? Он ответил: «Купил подарки детям, племянникам, ведь приятно делать подарки. Перед этим он делал мелкие подарки коллегам. Я ему сказал: «У меня такое ощущение что ты будто прощаешься, будто собрался куда-то уезжать». И что он ответил: «Ну, что ты». Я его еще спросил: «Аркаша, а ты никогда не жалеешь, что уехал из Томска?». «Ну что ты, я только здесь себя по настоящему почувствовал человеком и ученым!»

Мне бы и хотелось закончить этот очерк словами Аркадия Романовича, который всегда был Человеком с большой буквы и тем ким навсегда остался в нашей памяти.

В.И. Молодин

Аркадий

*Что-то проходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник.
Каждую ночь в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик...*

Н. Гумилев. «Товарищ»

Я несколько раз принимался за этот очерк об Аркадии Киме. И не получался он у меня никак. Писал, откладывал, а потом, возвращаясь к написанному, безжалостно браковал. Не нравилось. Все было не то. Я и сейчас не уверен, что у меня получилось что-нибудь, хотя на йоту стоящее памяти Аркаши. Точнее сказать, даже уверен, что и сейчас не получилось...

Но ничего не написать в этот сборник, посвященный его памяти, я тоже не мог. Слишком дорога для меня память об этом человеке, слишком тяжела наша утрата.

Поэтому, да простят меня близкие Аркадия Романовича, которые ждали от меня, быть может, нечто иного, более сильного что ли, или более достойного этого удивительного человека.

Да простят меня наши общие друзья. Как невероятно трудно писать о таких людях! Их можно (и нужно!) называть Великими, Замечательными, Удивительными, но эти слова, громкие слова, все равно словно мишура, и сказав их все равно чувствуешь, что не хватает способностей, таланта, умения написать об этих людях так, как подобает, как они достойны того, чтобы о них говорили!

Прости и ты меня, Аркаша. Может быть я напишу что-то неуместное или бестактное, а может быть просто недостойное тебя. Но все что скажу — от сердца. Все эти эпизоды, касающиеся нас — хранит память. Они дороги мне и я даже не знаю, почему именно они сохранились в душе. Почему я пишу именно о них? Наверное кому-то это покажется мелким, неинтересным, но для

меня эти штрихи наших отношений были значимы тогда, когда ты был жив, значимы они и сейчас...

Прости меня, дорогой...

...Он был из категории людей, которых в народе называют святыми, отмеченными печатью Божественного. Я не знаю, верил ли Аркадий в Бога — мы никогда не говорили об этом, но то что жил он, руководствуясь Высшими заповедями — несомненно. Причем мораль эта была присуща ему как бы от рождения. Во всяком случае, я всегда знал его как носителя этой Высшей морали и когда мы только познакомились и в последние, отпущенные ему годы и дни.

К сожалению, мы не были близкими друзьями и, поэтому, я не так уж много знаю о каких-то подробностях его жизни, но то, что мне известно о нем позволяет уверенно сказать — да, это был уникальный человек, редкой доброты и порядочности, наделенный неисчерпаемым человеколюбием, обладающий талантом пытливого исследователя. В то же время, это был человек с непросто трудной, но трагичной судьбой, хранящий в себе, однако, такие качества души, которые позволяли ему с честью преодолеть начало жизненных невзгод и лишений.

Свела нас наука. Аркадий занимался антропологией эпохи средневековья Западной Сибири, а у меня были довольно представительные коллекции. И вот, на какой-то конференции в г. Томске нас познакомил Владимир Анатольевич Дремов — учитель Аркадия. А.Р. Ким хотел приехать в г. Новосибирск, поработать с материалом. И, действительно, он вскоре приехал, и я пристроил его работать у нас на чердаке, где хранилась антропология. Мы почти не общались тогда, но меня подкупала та работоспособность, которую каждодневно демонстрировал мой томский коллега. Мы часто засиживались на работе до восьми-девятого вечера, потом курили на лестничной площадке, я грел чай, перед дорогой домой (а жил я тогда в г. Новосибирске), поил Аркадия и выспрашивал его соображения по поводу тюрок. Потому я уезжал, а Ким еще оставался в Институте. На следующий день, когда я появлялся на чердаке часов около десяти, Аркадий сидел уже на своем рабочем месте обмеряя или склеивая очередной череп.

Он очень был загружен в тот приезд и, тем не менее, когда я попросил его проверить мои половозрастные определения антропологической коллекции Илимского острога, сделанные в поле, Ким немедленно согласился и убил на это не менее трех дней.

Он не стеснялся спрашивать и делал это как-то настолько деликатно, что мне хотелось на каждый его вопрос ответить как можно

более исчерпывающе. Он и слушал-то как-то по своему, с таким не поддельным интересом, что говорить с ним было одно удовольствие.

Потом он уехал в г. Томск и мы не виделись довольно долго. Ребята говорили мне, что Аркадий серьезно болен — что-то с легкими, как-то даже привет от него передавали.

Уже сейчас не помню, через какое-то время мы снова встретились, наверное через несколько лет. Опять в г. Томске. Теперь уж как старые знакомые. Он потащил нас с Юрой Кириушиным к себе в гости, домой, в новую квартиру, куда недавно вселился. Он сам построил себе жилье, работая на стройке, работал на износ потому, что совмещал стройку с наукой (другим путем в г. Томске получить квартиру работнику университета, да еще без степени, было немислимо). Ким кормил нас с Юрой какими-то божественными курами, которых сам приготовил по хорошо ему известным восточным рецептам, пловом, поил водкой. Много говорил о науке, о проблемах этногенеза сибирских народов. Я буквально не узнавал Аркадия. Он поразительно вырос со дня наших городковских разговорчиков на лестничной площадке. Кажется теперь он завершал работу над диссертацией.

Вскоре я получил от Аркадия автореферат, он защищался в г. Москве и я, даже не знаю сам почему, написал на него отзыв.

Уже потом академик В.П. Алексеев — выдающийся ученый, антрополог, очень лестно отзывался о диссертации Кима. Валерий Павлович прочил ему блестящее будущее в науке. Так оно, конечно, и было бы...

Шли годы. И Ким стал бывать у нас все чаще. Полным ходом шли раскопки уникального памятника — Сопки-2, с богатейшим и интереснейшим материалом, в том числе и антропологическим. Вместе с В.А. Дремовым и Т.А. Чикишевой Аркадий проделывал огромную работу, преимущественно черновую, по обработке коллекций. Именно тогда наше, в общем-то формальное общение, переросло в нечто большее. Именно тогда у нас возник настоящий творческий союз. Достаточно будет сказать, что в трех книгах, которые я сделал вместе с коллегами, по проблемам средневековой археологии Барабы, Аркадий написал прескрасные разделы, посвященные исторической интерпретации антропологических материалов. А ведь это легко сказать, три книги. Сколько нужно было обработать черепов, порой собирая их из мельчайших осколков. Склеить, измерить, сопоставить данные и, наконец, интерпретировать. Сколько труда за этим стояло!

Интересно, что мы никогда не спорили с Аркадием ни по научным, ни по житейским проблемам. Даже не знаю почему, может

быть детальные предварительные обсуждения тому причиной, но выводы наши, построенные на разных источниках — удивительно совпадали. Конечно, и поэтому тоже, мне было приятно творчески работать с ним. Я всегда ощущал его не оппонентом, а единомышленником.

Мне кажется Аркадию особенно удалась работа по позднесредневековым памятникам Барабии. Он выявил различия в антропологическом материале, которые давали возможность серьезно аргументировать наши с В.М. Соболевым и А.И. Соловьевым этнические реконструкции. Уверен, что к этой работе Кима постоянно будут обращаться специалисты, занимающиеся проблемами этногенеза.

Как раз в это время я переехал в Академгородок. Почти в каждый свой приезд Аркадий заходил к нам, а несколько раз оставался почевать. Никакой мебели у нас тогда не было, но квартира была большая и Наташа, моя жена, стелила ему на полу (больше было не на чем) в комнате, где одиноко стоял стеллаж с книгами. Мы с Натальей чувствовали себя неудобно, а Аркаша, со свойственной только ему обворожительной улыбкой говорил, что лучше и удобнее он в жизни никогда не знал.

Вообще, с Наташей у него сложились какие-то особые отношения. Они оба любили поэзию и Аркадий всегда привозил ей в подарок редкий в то время (точнее уникальный!) томик Ахматовой, Цветаевой или Гумилева. Запомнились и наши разговоры о литературе, которыми всегда сопровождался его приезд к нам.

Почему это запомнилось? Наверное потому, что я, в который уже раз, ощутил его глубокую культуру, разностороннюю образованность, и, наверное, самое главное — способность тонко понимать прекрасное, или лучше сказать — тонко чувствовать прекрасное. А ведь это то, как раз, может быть самое главное, чего многим из нас не хватает в жизни и мы, даже не ощущая чего лишены, чего не дал нам Господь, преспокойно существуем, не осознавая, что лишены-то мы в этой жизни самого главного...

Кажется, уже в это время Аркадий переехал в г. Барнаул. Там сложилась жизнь, что нужно было все сменить и Юра Кирюшин помог Аркадию и с работой, и с квартирой.

В Алтайском госуниверситете способности Кима заблестели во выми яркими красками. Именно здесь в нем раскрылось еще одно удивительное качество — талант педагога. К нему потянулись студенты, у него появились ученики и, как вероятно, жалко, что уходом Кима и эти ребята осиротели...

В это время у меня в аспирантуре учился Юра Мамадаков — один из самых близких друзей Кима. Если бы Вы знали, как не

вероятно трогательно заботился о нем Аркадий! Любая наша встреча или телефонный разговор сразу после приветствия начинался словами Аркадия Романовича: «Ну, Слава, как там у Юры дела?» В шутку я отвечал, что тебе-то мол лучше знать, как у него дела, ты его видишь каждый день, а я на аспирантских отчетах. Всегда удивительно тонко понимающий шутку, Аркадий не принимал моего тона и продолжал говорить со всей серьезностью.

Как-то они с Мамадаковым приехали ко мне в поле, на Денисову пещеру. Встреча эта запомнилась тем, что мы сели ужинать часа в три ночи. Сначала мы с Юрой поехали к его другу за бараном. Вернулись уже поздно вечером. Потом стали этого барана разделывать, потом жарить шашлык. Все мои попытки ограничиться нашим обычным экспедиционным ужином — успеха не имели. Так, все-таки под утро, мы этого барана и съели.

А Мамадаков написал хорошую диссертацию и защитился успешно. Уверен, что без дружеской поддержки и помощи Аркадия было бы это не так скоро и не столь ярко.

Последние годы общения с Аркадием Романовичем запомнились мне еще тем, что он страстно мечтал побывать на своей, что называется исторической Родине, в Корее. Однажды мы чуть было не поехали туда вместе. Мой друг, профессор Сонг Нав Ри из Орегона, предложил мне сделать доклад на международной конференции в г. Ири. Я с радостью согласился и написал ему об Аркадии. К сожалению, приглашение из Кореи запоздало и я был на конференции без Кима... А как ему хотелось там побывать! Потом он расспрашивал меня о каких-то мельчайших, как мне казалось порой, несущественных подробностях жизни и быта корейцев, о корейской науке, археологии. Он начал заниматься корейским языком, чтобы полностью восстановить уже имеющие место пробелы. И кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба, судьба его семья, близких, побывай он хоть раз на своей исторической Родине. Не довелось...

А ведь его, как ученого, успели узнать в Корее. В нашей последней с ним встрече было что-то мистическое. Весной 1993 г. к нам в Институт прилетел директор Бельгийского Королевского музея профессор Ван Ноттен. Вместе с академиками А.П. Деревянко и Ю.И. Шохиним мы принимали его на нашей институтской базе, на Алтае, близ Денисовой пещеры.

Домой возвращались вертолетом через Барнаул. Каково же было наше удивление, когда на площади перед аэропортом к нам подошел улыбающийся Аркадий. Мы обнялись (сейчас мне все время кажется, что обнялись мы как-то особенно крепко).

— Юрий Федорович сказал мне, что Вы будете садиться в Барнауле. Сам он приехать не смог — экзамены принимает, а я все напросился, привез Вам тезисы конференции...

Мы о чем-то говорили минут пять.

— Привет Наташе с Ванюшкой и жду тебя в Барнауле, — и мы снова обнялись. В последний раз.

Через несколько дней, ночью, меня разбудил телефонный звонок. Звонил Ю.Ф. Кирюшин:

— Беда у нас, Слава, Аркадия нет...

Пожалуй, ни одна смерть не потрясла меня так, не доводила физической боли (буквально), как смерть Аркаши...

Ну да что говорить об этом...

Но ведь как чувствовал он! И не должен он был в аэропорт ехать (это потом мне Юра Кирюшин рассказал), а узнал случай, что мы летим, бросил все дела и примчался...

И обнялись мы тогда, все-таки, как-то не так, как всегда. Печался он со мной... А за палаткой моей стоит удивительный октябрь

Необыкновенно теплый, солнечный для Сибири и божественно красивый. Все в золоте берез и голубизне неба! И на душе милая грусть и до слез обидно, что никогда больше на этом свете не увижу я этого милого, симпатичного человека, не подойдет ко мне и не скажет своим тихим голосом: — «Ну, здравствуй Слава, как же давно мы с тобой не виделись...»

Л.Н. Смердина,

А.Р. Ким

Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал)

Изучение изолированных этнических групп представляет интерес с точки зрения познания механизма развития и наследственной передачи морфологических признаков различных систем человеческого организма.

В изолированных, ограниченных по размеру популяциях нарушается случайность выбора супружеских пар и, как следствие, возникает определенный уровень кровного родства, что в свою очередь ведет к интенсификации генетико-автоматических процессов в популяции и концентрации морфологических признаков и генетически обусловленных заболеваний [1].

Исключительно удобной морфологической основой подхода к анализу малых изолированных этнических групп с выраженным инбридингом является зубочелюстная система [2, 3], так как с помощью определения концентрации одонтологических признаков можно выявить особенности этнической группы, уточнить некоторые этиологические вопросы и в конечном счете улучшить диагностику, профилактику и лечение заболеваний у представителей малой изолированной этнической группы [4, 5, 6].

К малой изолированной группе с резко выраженным инбридингом относятся бачатские телеуты, проживающие на территории Кемеровской области.

С целью изучения состояния зубочелюстной системы бачатских телеутов в историческом аспекте, в частности выяснения влияния мезиодистальных размеров зубов на формирование зубных рядов у телеутов, нами изучалась краниологическая коллекция кабинета антропологии Томского госуниверситета.

Краниологическая коллекция бачатских телеутов собрана в 1975 г. А.Р. Кимом в результате раскопок заброшенного кладбища

некрещеных телеутов конца XIX века — начала XX века в деревне Челухоево, Беловского района, Кемеровской области [7, 8].

Материал и методика исследования

Осмотрена вся краниологическая коллекция бачатских телеутов, включающая 85 полных черепов. Для изучения отобраны 55 черепов с постоянным прикусом (29 мужских и 26 женских). На каждый измеряемый череп заполнялась карта краниометрического и краниоскопического исследования черепов, краниологический бланк.

Мужские и женские черепа группировались по состоянию зубочелюстной системы на черепа с ортоганическим прикусом и черепа, имеющие аномалии положения зубов.

Из краниологических показателей отобраны те, которые в какой-то мере могут оказать влияние на состояние зубочелюстной системы (ширина основания черепа, верхняя ширина лица, скуловой диаметр, средняя ширина альвеолярной дуги верхней челюсти, ширина неба, мышечковая ширина, угловая ширина) и изучалось их состояние у черепов с аномалиями положения зубов и черепов с ортоганическим прикусом.

Анализ краниологических показателей проводился с предварительным распределением черепов по половому признаку, так как сравнение средних данных краниологических показателей показало достоверное различие между большинством показателей мужских и женских черепов. Для количественного выравнивания проводилось суммирование по обоим полам черепов с ортоганическим прикусом с использованием средних поправок на половой диморфизм [9].

На черепах измерялись мезодистальные размеры сохранившихся зубов, ширина зубных дуг в области первых премоляров и первых моляров, ширина апикального базиса верхней и нижней челюстей.

Сравнение полученных данных между параметрами зубов, зубных рядов, апикального базиса у черепов с ортоганическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов, проводилось без деления по половому признаку, так как сравнение средних значений указанных параметров показало отсутствие достоверной разницы между мужскими и женскими черепами ($P > 0,05$).

Полученные данные обрабатывались вариационно-статистическим методом на электронно-вычислительной машине в кабинете вычислительной техники кафедры ортопедической стоматологии Кемеровского государственного медицинского института.

Результаты и их обсуждение

Аномалии зубочелюстной системы обнаружены у 41 черепа (74,5%). Преобладающими аномалиями являются аномалии положения зубов при недостатке для них места в зубном ряду. Такие аномалии имеются у 37 черепов, что составляет 67,3% всех черепов и 90,2% среди черепов с аномалиями. аномалии прикуса — у 4 черепов (7,2%).

Аномалийное положение (в мужских и женских черепах) занимают только центральные и боковые резцы на верхней и нижней челюстях, которые располагаются вестибулярно, небно-язычно, с поворотом вокруг оси.

Последующая статистическая обработка указанных параметров выявила достоверное увеличение мезиодистальных размеров центральных и боковых резцов, клыков, первых и вторых премоляров на верхней и нижней челюстях у черепов с аномалиями положения зубов (табл. 1).

Увеличенные мезиодистальные размеры зубов приводят к значительному нарушению формирования зубных рядов.

Ширина зубной дуги в области первых премоляров, первых моляров, ширины апикального базиса верхней и нижней челюстей в сравниваемых группах не имеют достоверного различия ($P > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны ширины зубных дуг и апикального базиса у черепов с аномалиями положения зубов.

Анализ краниологических показателей не выявил достоверного различия краниологических показателей при ортогнатическом прикусе с показателями при аномалиях положения зубов ни в группе мужских, ни в группе женских черепов ($P > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны лицевого скелета при нарушении зубных рядов (табл. 2).

Отсутствие изменений лицевого скелета, ширины апикального базиса верхней и нижней челюстей, ширины зубных дуг, сочетающееся с увеличением мезиодистальных размеров зубов верхней и нижней челюстей (кроме первых моляров), позволяет утверждать о решающем значении мезиодистальных размеров зубов и формировании зубных дуг бачатских телеутов.

Высокая частота аномалий положения зубов у черепов бачатских телеутов, обусловленная макродентией почти всех зубов, дает основание говорить о концентрации этого морфологического признака в этнической группе бачатских телеутов.

Таблица 1

Сравнение мезиодистальных размеров зубов, ширины зубных рядов, ширины апикального базиса черепов бачатских телеутов с ортогнатическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов

Параметры	череп с ортогнатическим прикусом			череп с аномалиями положения зубов			Р
	х	σ	т	\bar{x}	σ	т	
Зубы верхней челюсти							
Центральные резцы	7,96	0,38	0,120	8,80	0,32	0,074	<0,001
Боковые резцы	6,23	0,67	0,123	7,01	0,46	0,098	<0,001
Клыки	7,32	0,22	0,074	7,59	0,28	0,065	<0,0
Первые премоляры	6,62	0,18	0,062	7,02	0,40	0,093	<0,00
Вторые премоляры	6,24	0,28	0,095	6,54	0,33	0,072	<0,0
Первые моляры	10,48	0,66	0,22	10,41	0,69	0,155	>0,0
Зубы нижней челюсти							
Центральные резцы	5,25	0,13	0,046	5,46	0,21	0,045	<0,00
Боковые резцы	5,77	0,15	0,055	6,11	0,25	0,053	<0,00
Клыки	6,48	0,25	0,085	6,11	0,42	0,091	<0,0
Первые премоляры	6,46	0,23	0,078	6,77	0,44	0,094	<0,0
Вторые премоляры	6,68	0,21	0,072	6,91	0,41	0,091	<0,0
Первые моляры	10,68	0,62	0,208	11,06	0,66	0,152	>0,0
Ширина зубной дуги							
В области 4/4 зубов	35,64	2,27	0,685	35,47	1,13	0,276	>0,0
В области 6/6 зубов	48,22	2,72	0,821	46,54	2,56	0,640	>0,0
Ширина апик. базиса							
Верхняя челюсть	38,23	1,56	0,450	39,24	1,56	0,403	>0,0
Нижняя челюсть	32,59	1,43	0,430	32,84	1,67	0,394	>0,0

Сравнение средних краниологических показателей черепов бачатских телеутов (ортогнатический прикус) с аномалиями положения зубов

Краниологические показатели	Ортогнатический прикус			Аномалии положения зубов			P
	\bar{x}	σ	n	\bar{x}	σ	n	
11. Ширина основания черепа	122,0	5,45	1,091	121,2	6,38	1,77	>0,05
43. Верхняя ширина лица	101,9	2,09	0,447	100,2	1,61	0,447	>0,05
45. Скуловой диаметр	126,8	4,30	0,861	126,3	4,23	1,174	>0,05
46. Средняя ширина лица	95,1	2,70	0,540	93,5	2,30	0,638	>0,05
61. Ширина альвеолярной дуги верхней челюсти	62,2	2,74	0,599	62,0	3,11	0,985	>0,05
63. Ширина неба	40,2	2,35	0,539	39,6	2,05	0,684	>0,05
65. Мыщелковая ширина	114,9	6,22	1,269	114,6	5,63	1,563	>0,05
66. Угловая ширина	96,0	6,39	1,332	95,4	5,41	1,632	>0,05

Заключение

Предки ныне живущих телеутов имели высокую частоту аномалий зубочелюстной системы с преимущественным нарушением формирования зубных рядов, связанных с аномалиями положения зубов.

Аномалии положения зубов возникают за счет увеличенных мезиодистальных размеров зубов, являющихся репаяющим этиологическим фактором аномалий у бачатских телеутов.

Концентрация одонтологического признака в малой изолированной этнической группе с резко выраженным инбридингом является основанием для предположения о генетической природе данного признака.

Примечания

1. Дубинин Н.П. Общая генетика. — М., Наука, 1976. — 590 с.
2. Зубов А.А. Этническая одонтология. — М., Наука, 1973. — 200 с.
3. Зубов А.А., Халдеева А.И. (ответ. редакторы). Этническая одонтология СССР. — М., Наука, 1979. — 256 с.
4. Миргазизов М.З., Кошкин Г.А. О значении антропологии в стоматологии. В кн.: «Материалы по этнографии Сибири». — Томск, 1972. — С. 162-166.
5. Смердина Л.Н. Этнические аспекты зубочелюстных аномалий В кн.: «Профилактика, диагностика и лечение заболеваний человека». — Кемерово, 1981. — С. 515-518.
6. Смердина Л.Н. Зубочелюстные аномалии у бачатских телеутов (клинико-биометрическое исследование). Автореф. дисс... канд мед. наук. — Омск, 1983. — 18 с.
7. Ким А.Р. Материалы и краниология телеутов. В кн.: «Вопросы археологии и этнографии Сибири». — Томск, 1978. — С. 151-163.
8. Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая. Автореф дис... канд. истор. наук. — М., 1987. — 17 с.
9. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М., Наука, 1964. — 128 с.

О.Б. Беликова

**Материалы А.Р. Кима
по археологии Чулыма
(поселение Малиновский Борик-1)**

Чулым — наиболее значительный приток Оби. Образованный слиянием рек Белый Июс и Черный Июс, он на большом протяжении протекает по Западно-Сибирской равнине. Причुлымье, достаточно легкодоступное и близкорасположенное к культурным центрам, издавна изучалось специалистами по этнокультурной истории. Обращение автора к археологии Среднего Чулыма еще на этапе сбора материала привело к экспедиционным дневникам томских антропологов В.А. Дремова (1970, 1972–1974 гг.) и А.Р. Кима (1971 г.).

С Чулымом связана первая самостоятельная экспедиция Аркадия Романовича Кима: лето 1971 г., антропологическая разведка в Тегульдетском, Зырянском и Первомайском районах Томской области, в среднем и нижнем течениях р. Чулым. После окончания II курса историко-филологического факультета Томского госуниверситета Аркадий Ким и его однокурсник Евгений Татаренко с 10 по 25 июня провели разведку по маршруту Тегульдет—Туталы — Алтайка — Берегаево — Малиновка — Каптаково — Чердаты — Альмяково — Томск. Разведка входила составной частью в работы по Чулыму и ее притокам, начатые проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири летом 1970 г. [1]. После успешных июльских работ последовало продолжение. В июле, будучи в составе этнографической экспедиции Э.Л. Львовой в р.ч. Зырянское, Аркадий Ким, вместе с А. Смирновым, частично возвращается к пройденному в июне маршруту, а также продолжает его. Разведка проводилась тремя выездами — в Малиновку, в Арышево и Больше-Дорохово, в Берлинку. Ценность результатов экспедиции 1971 г. определяется не только полученными антропологическими материалами, но и собранными сведениями по археологии, этнографии. Так, помимо данных о шести кладбищах «ясашных» (чулымских тюрков) были пополнены сведения о ранее

известных археологических памятниках: Берегаевском курганно-могильнике, поселениях и городище у д. Семеновка. Открыты новые памятники: Больше-Жировский курганный могильник [2] (поселение на месте Малиновского «старинного инородческого кладбища») (поселение Малиновский Борик-1) [3]; «искусственный курган» (на нем последующими экспедициями выявлено Малиновское — II поселение) [4]. От информатора получены сведения о возможном поселении у д. Берлинка на р. Куя.

При обследовании А.Р. Кимом Малиновского инородческого кладбища внешних следов погребений прослежено не было. Заложено два раскопа, вскрыто одно погребение в колодце. В 1972 г., когда кладбище исследовал В.А. Дремов, кроме 35 могил XVII–XIX в. обнаружены фрагменты орнаментированной керамики, каменные отщепы, тесло, Обломок каменного орудия [4] (коллекция в МАЭ автором не выявлена). Во время работ 1971 г. А.Р. Кимом была собрана средневековая керамика от одного сосуда — артефакт поселения Малиновский Борик-1. Ее находки в дневнике не упомянуты, но в происхождении коллекции № 7223 Музея археологии и этнографии именно с этого объекта убеждают два факта. В первых, запись в регистрационной книге фондов МАЭС: «Сбор керамического материала на месте позднего кладбища в Зырянском районе под д. Малиновка. Место называется “Борек”. В фрагменты от одного сосуда. Сбор 1971 года. От Ким А.Р.» В вторых, в разведочном археологическом шурфе 1963 г., заложенном Р.В. Андреевым и О.Б. Беликовой на месте бывшего Малиновского инородческого кладбища, была обнаружена керамика [4] от того же сосуда, что и собранная А.Р. Кимом.

Находки оригинальной керамики, необходимость выяснения характера памятника, вызвали вторичное появление археологов: в поселении Малиновский Борик-1 — разведку 1985 г. О.Б. Беликовой [6]. Сегодня археологический объект, выявленный на основе сбора керамики А.Р. Кимом, с учетом разведочных данных 1963 и 1985 гг. описывается следующим образом.

Поселение Малиновский Борик-1 (рис. 1) расположено в 1 км северо-востоку от бывшей деревни Малиновка Зырянского района Томской области, на землях Чердатского сельсовета. Находится в пойме среднего течения Чулыма, на останце длиной около 125 м шириной 40 м, высотой до 1,5 м, который ориентирован по линии северо-восток-юго-запад. С западной, обрывистой стороны к останцу подходит река. Четких западин на площади гривы не выявлено. Рекогносцировочный раскоп размерами 5×4 м² 1985 г., заложенный в северо-западной части памятника, включал шурф 1983 г. II;

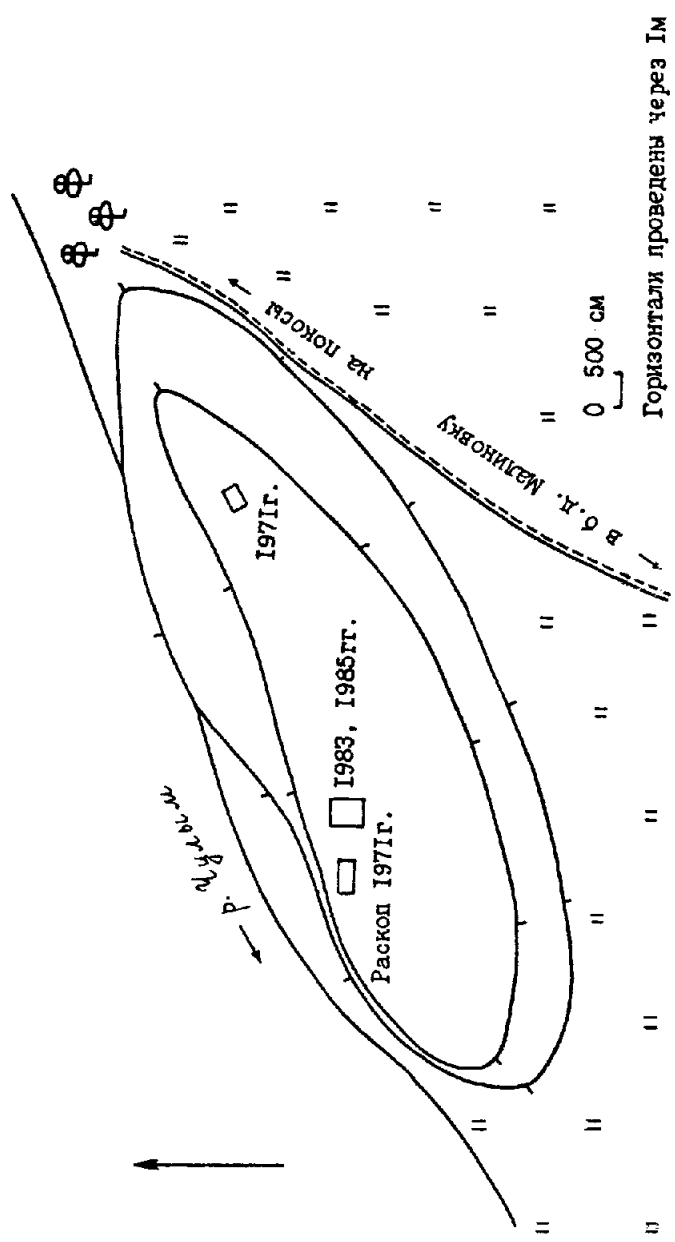

РИС. I ПОСЕЛЕНИЕ МАЛИНОВСКИЙ БОРИК - I

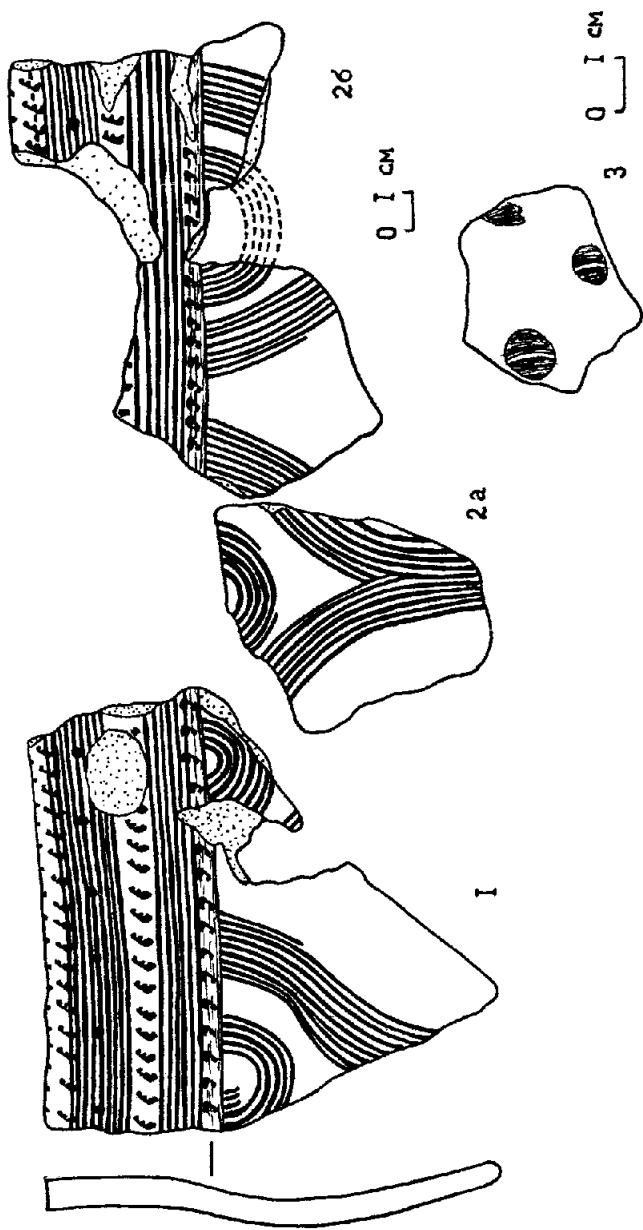

РИС.2 ПОСЛЕДНИЕ МАЛИНОВСКИЙ БОРИК - I. КЕРАМИКА:
 I - из шурфа 1983г.; 2а, б - сборы А.Р. Кима 1971г.; 3 - из раскопок 1985г.

выборе обнаружено: кость животного (?), фрагмент челюсти человека (следы от кладбища «ясашных»), фрагмент керамики (рис. 2, 3). Стратиграфия: дерн, мощность 3–5 см; песок белого цвета, намывной, 5–35 см; погребенная почва, 5–27 см; супесь серого цвета (культурный слой), 10–43 см, с находкой упомянутой керамики; песок желтого цвета. Сохранность памятника позволяет продолжить его исследование, несмотря на бедность культурного слоя (возможно, это характерно для межжилищного пространства).

Керамика, выявленная в 1971 и 1983 гг. принадлежит одному сероглинянному горшку диаметром по венчику около 30–32 см. Восстановлены две стенки сосуда (рис. 2, 1,2). Плечико горшка слабо-выпуклое, шейка слабопрофилированная, срез венчика прямой. Дно, по-видимому, было округлым. Орнаментальная композиция разворачивалась от среза венчика до придонной части. Углы среза венчика украшены оттисками 2-зубого гребенчатого штампа. По шейке нанесены две полосы из неглубоких желобков, выполненных протягиванием 9-зубой и 7-зубой (?) гребенки. Между ними и по ним нанесены три ряда оттисков углом гребенки, ряд оттисков палочки. Плечики украшены полукругами из полос протянутой 9-зубой гребенки в обрамлении подобных же полос, но фигурного расположения — опускаются от плечиков к придонной части.

Сосуд оригинален для Среднего Чулыма, для юга Западной Сибири. Автору неизвестны достаточно полные аналоги (по форме и орнаменту) и из сопредельных регионов. По форме горшок сходен с керамикой из близлежащего памятника — Калмакского курганного могильника, погребения кургана 28 конца X–XII вв. (материалы О.Б. Великовой). Отдаленное орнаментальное сходство (по композиционному построению, по группировке, включающей спускающиеся ко дну элементы) прослежено с отдельной керамикой типа III памятников V–VIII вв. Томского Приобья [7], могильника Релка VI–VIII вв. Нарымского Приобья [8]. По присутствию мотива полукруг отмечается сходство с керамикой кузнецкого типа селищ XVII в. близ г. Новокузнецка [9].

Ориентируясь на профилировку верхней части сосуда поселение Малиновский Борик-1 датируется концом I — началом II тыс. н.э. Отсутствие прямых аналогов затрудняет решение вопроса об его культурной принадлежности. Не исключено, что памятник относится к среднечулымскому варианту культуры енисейских кыргызов X–XIII вв., локализуемому в районе устьев рр. Яя и Кия.

Примечания

1. Ким А.Р. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1971 г. Чулым, Хакассия. — Архив кабинета антропологии ТГУ.
2. В материалах О.Б. Беликовой (Кокориной) ошибочно указывалось неверное название этого памятника — Воронино-Яйский курганный могильник.
3. С памятником соотносится объект Малиновские находки I: (Ю.И. Ожередов, Я.А. Яковлев). Археологическая карта Томской области. — Томск, 1993. — Т. II, № 1003.
4. Дремов В.А. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1972 года. Уень, Чулым, Тымск, Хакассия. — Архив кабинета антропологии ТГУ. — С. 173–200.; Андреев Р.В. Дневник разведочной группы Средне-Чулымского археологического отряда за 1983 год. — Архив ТГУ, № 902. С. 39–47; С памятником соотносится объект Малиновские находки II: Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Указ. работа, № 1005.
5. Андреев Р.В. Указ. работа, с. 47.
6. Беликова О.Б. Отчет о полевых исследованиях Средне-Чулымского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета 1985 года. — Архив МАЭС ТГУ, № 959. — С. 46–47.
7. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н.э. — Томск, 1983. — Рис. 91–4; 97–1, 2, 4, 6; 100–1, 6; 102–2.
8. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. — Томск, 1977. — Рис. 38–1.
9. Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. — Томск, 1992. — Рис. 6–1, 4, 6, 9.

А.П. Деревянко, В.Т. Петрик

**Стратиграфия палеолита
южного Хангая
(Монголия)**

В археологии каменного века Монголии сложилась своеобразная ситуация. К сегодняшнему времени в Монгольском, Гобийском Алтае, Хангае, Хэнтее, Восточной и Южной Гоби найдено и обследовано более тысячи памятников эпохи палеолита. Только начиная с 1988 г. открыто более 600 комплексов каменной индустрии. Но, к сожалению, за редчайшим исключением коллекции каменного века собраны на поверхности.

Своеобразие ситуации определяется состоянием источниковой базы. В свою очередь состояние источников определяется спецификой природных условий Центральной Азии. Территория Монголии представляет собой часть обширного региона Евразии, где процессы денудации явно преобладают над процессами аккумуляции рыхлых отложений. Это особенно касается четвертичного периода, со временем которого совпадает развитие человеческого общества.

Комплексы каменной индустрии, найденные на поверхности, многочисленны по количеству изделий и представляют все хронологические подразделения эпохи камня: ранний, средний и поздний палеолит. Благодаря огромному числу комплексов каменного инвентаря и его апалитической приработке на уровне технико-типологического метода, открывается возможность решить целый ряд важнейших крупных проблем. К таким проблемам могут быть отнесены: во-первых, установление морфологического облика индустрий; во-вторых, выявление основных линий развития; в-третьих, территориальное распространение сходных между собой комплексов; в-четвертых, общий темп эволюции каменной индустрии, а также ряд и других существенных проблем. Работа по решению обозначенных проблем по палеолиту Монголии ведется своим энергичным образом.

Но, к сожалению, при решении большинства задач палеолитоведения Монголии нужно обращаться к материалам эпохи палеолита сопредельных, а иногда, удаленных на тысячи километров территорий. Отсутствие четкой датировки каждого комплекса, независимым от типологического метода датирования, приводит к тому, что мы выстраиваем эволюцию каменной индустрии в несколько огрубленном виде, не выявляя внутреннюю динамику этого процесса, а, следовательно, и исторической действительности, имевшей место на территории Монголии. Мы не можем точно установить время появления той или иной индустрии, ответить, существовали они независимо или последовательно и т.д. Все эти вопросы возможно решать лишь имея точную дату существования того или иного комплекса, а это возможно, если культурные слои залегают в рыхлых отложениях и на этих памятниках возможно сделать стратиграфические наблюдения и датировать обнаруженные комплексы самостоятельными методами (геология, палеонтология, палинология, изотопное датирование).

Здесь имеется еще одно существенное обстоятельство: залегание культурных слоев в рыхлых отложениях позволяет исследовать их комплексно и, благодаря этому, представить тот природный фон, сообразуясь с которым и жили люди. Возможно так же восстановить и бытовую деятельность: тип жилищ, основные занятия, хозяйственную направленность, сезонность ведения хозяйства или наоборот его стабильность, а в некоторых случаях восстановить и некоторые стороны духовной культуры.

Таким образом, очевидно, чтобы представить, основываясь на археологических данных, исторический процесс в древности в целом, необходимо иметь для анализа различные по своему качеству источники, которые дополняя друг друга, выявляют картину древнейшего прошлого Центральной Азии.

Нельзя сказать, что памятников, культурные слои которых залежали в стратиграфических условиях на территории Монголии, не было. Еще в 1949 г. А.П. Окладников открыл на левобережье р. Орхон (Южный Хангай), рядом с древней столицей монголов Кара-Корумом (современный Харахорин) интереснейший памятник Мойлтын-ам, который исследовался раскопками в течение нескольких полевых сезонов — 1960, 1961, 1963, 1964 гг. [1, с. 115]. Но, к сожалению, долгое время этот памятник оставался единственным и, естественно, что в 1985 г. отряд по изучению каменного века Монголии (ОИКВМ) Совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (ОСМИИЭ) продолжил работы на этом памятни-

ке, благодаря им удалось уточнить ряд наблюдений и получить новый оригинальный материал.

Во время стационарных работ на Мойлтын-аме проводилась детальная разведка в долине р. Орхон. Был обнаружен ряд памятников эпохи палеолита. Наиболее интересны памятники, получившие название Орхон 1 и 7, в 1986–1989 гг. исследовались раскопками. Полученные материалы очень многочисленны и их значение огромно, оно далеко выходит за рамки территории Монголии. Результаты этих работ в полном объеме готовятся к печати, сегодняшняя же публикация посвящена лишь данным, полученным по раскопу 1, II памятника Орхон 1, на котором хорошо прослеживается соотношение индустрии мустьерского возраста с индустрией, относящейся к начальной поре позднего палеолита. Этот переходный период имеет особую важность, поскольку он определяет во многом облик многообразных позднепалеолитических культур Центральной Азии.

Памятник Орхон 1 расположен на 2-й надпойменной террасе р. Орхон, в 1 км выше по течению от памятника Мойлтын-ам (рис. 1). Культурные слои обоих памятников связаны с одной и той же террасой. Бровка террасы приподнята над уровнем р. Орхон на 12 м, сама она прислонена к высокому скальному берегу, сложенному зеленовато-серыми хлоритосодержащими сланцами, реже песчаниками. Породы сжаты в интенсивные складки и пронизаны прожилками белого кварца. На памятнике после предварительной шурфовки было заложено три раскопа. Раскопы 1, II смыкаются, их площадь 110 кв. м (11×10 м). Ширина террасы, где расположен памятник, от ее бровки до тылового шва составляет 70–80 м. Наклон поверхности в сторону русла реки около 10°. К террасе прислонены сегменты высокой поймы, а также конусы выноса ложкового аллювия, мощностью до 3 м. Ширина низкой поймы на левобережье, в районе памятника 150–200 м.

В процессе раскопок в раскопах 1, II наблюдалась следующая стратиграфия* (рис. 2):

Слой 1. Современная почва. Суглинок коричневый, темно-коричневый с буроватым оттенком в крошке и желтоватым в подошве. Суглинок гумусированный, песчанистый, включает в себя обломки песчаников и сланцев местных пород, размером 1–2 см. Суглинок пористый, со столбчатой отдельностью. Иногда мелкий обломочный материал присутствует в породе в виде линз и прослоев.

*Описание выполнено к.г.-м.п. С.В. Николаевым, старшим научным сотрудником ИИФиФ СО АН СССР.

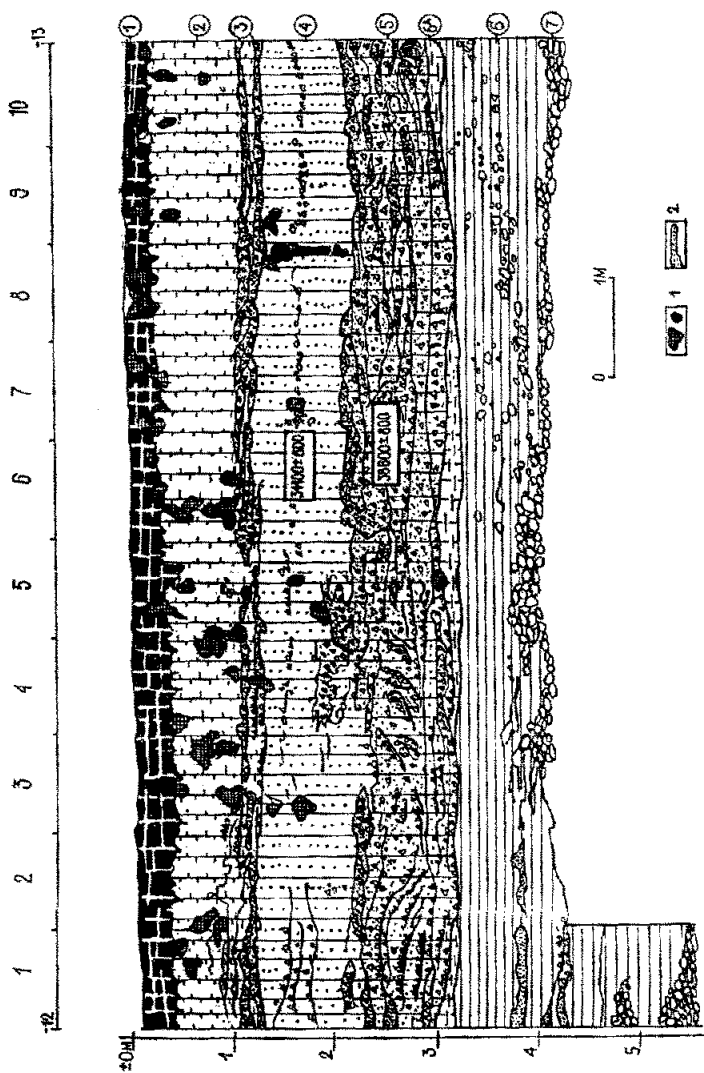

Рис. 1. Памятник Орхон I.

Разрез по западной стенке раскопов I, II.

Начиная с 1 по 7 — номера слоев, объяснение в тексте;

8 — норы животных, заполненные гумусом; 9 — прослойки песка

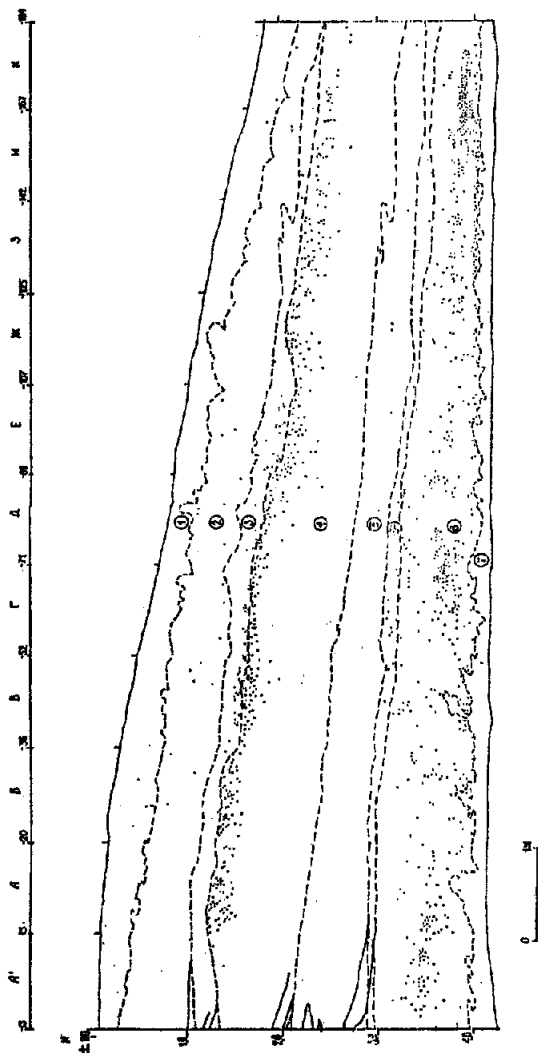

Рис. 2. Памятник Орхон I.
 Схематический профиль северной стенки раскопа II
 с проецируемыми на него находками артефактов
 согласно глубинам залегания.

Слой 2. Суглинок серовато-палевый, коричневатопалевый, светлый, белесый в кровле. Суглинок лессовидный, пористый, со столбчатой отдельностью, песчанистый. Порода хорошо держит стенку. По своему слою в суглинки включены дресва и щебень сланцев в количестве 5-7% от объема породы у кровли и до 10-15% у подошвы. В кровле переход к почве резкий, через осветленный горизонт. Кротовины опущены в слой с поверхности современной почвы.

Слой 3. Горизонт гравия и дресвы сланцев, реже песчаников, сцементированный серовато-палевым и коричневатопалевым песчанистым, карбонатным суглинком. В целом, размерность обломочного материала от 0,3-0,5 до 1-2 см. Иногда горизонт разделяется на два, верхний больший по мощности. Порода горизонтально и волнисто слоистая. Границы кровли и подошвы резкие, особенно кровли. Наблюдаются мерзлотные деформации.

Слой 4. Суглинок серовато-палевый, коричневатосерый, светлый, до желтоватокоричневого (во влажном состоянии). Суглинок песчанистый, пористый. Главное свойство горизонта — переслаивание суглинка, линз песка, гравия и щебня кварца, хлористых сланцев и песчаников. Часто обломочный материал залегает в форме раздутый и карманов, обусловленных криогенными процессами. Слоистость наблюдается весьма отчетливо. Обломочный материал слабо выветрелый, не окатан, но в кровле встречаются тонкие линзы серой и зеленоватосерой супеси — коры выветривания по местным коренным. Снизу вверх интенсивность коричневой окраски убывает, сменяясь сероватой, палевой, белесой. Светлые тона часто имеют и гравийные прослои.

Слой 5. Горизонт дресвы и гравия местных пород. Обломочный материал представлен кварцем, грязно-зеленоватосерыми окварцованными сланцами, реже песчаниками, слабо окатан, ожелезнен. Преимущественный размер 0,5-1,0 см, но встречаются отдельные обломки до 5 см. В целом, размерность материала крупнее, чем в слое 3. Порода слабо сцементирована грязнокоричневым, тусклым, песчанистым суглинком, в отличие от серых тонов слоя 6. Граница кровли подчеркнута переходом к светло-желтоватопалевым песчанистым суглинкам. Содержание обломочного материала в породе составляет 60-70%. Отчетливо наблюдается горизонтальная и слабо волнистая слоистость, подчеркнутая гранулометрически, а также мерзлотными деформациями. Граница подошвы волнистая.

Слой 6. Суглинок желтоватосерый с грязно-зеленым оттенком, пористый, слабо песчанистый, средней плотности и пластичности. В породе обильны белые, овальные концентрации карбонатов, ха-

характерны охристые точки, примазки и разводы гидроокислов железа. По всему слою наблюдаются включения выветрелых, неокатанных обломков зеленовато-серых сланцев и песчаников, размером 10–12 см., а также ожелезненных галек руслового аллювия Орхона, размером 5–7 см. Карбонаты сконцентрированы в средней части слоя. В кровле отмечается потемнение, вызванное, вероятнее всего, повышенной гумусацией. Он выделен в составе подгоризонта ба.

Границей подошвы служит русловый галечник. Несомненно, что нижняя часть слоя — это пойменная фация террасы, на которой постепенно, импульсивно накапливался ложковый аллювий, сложенный местным обломочным материалом. В стенках раскопа селективным выветриванием подчеркнута горизонтальная и слабо волнистая слоистость, особенно в верхней части слоя.

Слой 7. Русловый галечник террасы, сложенный кремнистыми породами серого и голубовато-серого цвета сланцами, песчаниками, гнейсами, гранитами, диоритами, кварцем, эффузивами, красными япмоидами. Окатанность галечника средняя и хорошая. Размер — от 1–2 до мелких валунов в 0,4 м. Гальки крупнокристаллических разновидностей гранита значительно выветрены. На гальках наблюдается белая карбонатная патина.

В разрезе выделяется несколько литологических фаций, начиная с почвы (сл. 1) и до слоя 5. Это типичные покровные отложения с большой долей субаэрального материала, переработанного делювиальным процессом. На некоторых уровнях (слой 3, 5) делювиальные процессы имели подавляющее значение.

Ниже идет пойменная фация (слой 6, ба), которая залегает на русловом аллювии (слой 7).

Культурные остатки в разрезе фиксировались на двух уровнях (рис. 2). Верхний культурный горизонт связан с кровлей слоя 4, некоторая часть находок заходит в слой 3 и совсем немного в слой 2. От нижележащего горизонта верхний горизонт находок отделен почти 1,5-метровой толщей накоплений. Нижний культурный горизонт полностью связан с отложениями поймы древнего Орхона.

Описание культурных горизонтов дано снизу вверх. В пойменной фации были обнаружены остатки двух небольших очажков. Несмотря на некоторые повреждения, они сохранились и показывают, что значительного перемещения вещевого материала в плане не наблюдалось. Наибольшая концентрация каменных изделий наблюдалась на уч. и, к 7–10 около очажка, в северо-восточном углу раскопа II. Здесь собрано наибольшее количество выразительных образцов нуклеусов леваллуазского облика.

Всего в 3-ем культурном горизонте обоих раскопов найдено 968 экз. каменных изделий. Большая часть из них представлена отходами производства. Нуклеусов найдено 21 экз., орудий и их обломков 62 экз. Весь инвентарь изготовлен из галек, немного кремнистого песчаника и алевролитов.

Среди нуклеусов ведущими являются леваллуазские (16 экз.) различных вариаций. По крайней мере 6 экз. нуклеусов связаны с получением леваллуазских отщепов (рис. 3, 1, 2, 4, 6), но есть нуклеусы для снятия пластин (рис. 3, 3, 5, 7). По всей вероятности с нуклеусов (рис. 3, 5, 7) могли сниматься на определенной ступени использования и леваллуазские отщепы. В коллекции есть три нуклеуса, приспособленных для снятия треугольных острий.

Кроме леваллуазских нуклеусов есть два многоплощадочных, но они явно играют подчиненную роль.

Орудийный набор состоит из следующих типов изделий: сколы леваллуа — 6 экз., пластины с ретушью и их обломки — 22 экз., нож с обушком — 1 экз., выемчатые орудия — 7 экз., зубчато-выемчатые орудия — 2 экз., клювовидные орудия — 5 экз., скребла — 6 экз. и сколы с эпизодической и утилизационной ретушью — 10 экз., обломки орудий — 3 экз.

Леваллуазские отщепы иногда имеют мелкую ретушь (рис. 4, 17), но чаще они без вторичной обработки (рис. 4, 14, 18, 19). Леваллуазские острия (2 экз.) ретушированы по краю мелкими сколами (рис. 4, 8, 16).

Среди орудий, изготовленных из пластин леваллуа, выделяется два орудия с носиком (рис. 4, 1, 11), хорошо ретушированные пластины (рис. 4, 7, 9) или обломки пластин (рис. 4, 12; 5, 1), но чаще ретушь нанесена не по всему краю, а лишь отдельными участками (рис. 4, 5, 13, 15). Значительная часть пластин ретуши не имеет (рис. 4, 2-4, 6). Оригинальное изделие со своеобразной вторичной обработкой также изготовлено из пластины, дистальный край обработан с дорсала крутой ретушью, при этом выделен крупный зубчик, а один из боковых краев обработан чередующейся, мелкой, приостряющей ретушью (рис. 4, 10).

Нож с обушком изготовлен на крупном сколе. На острие утилизационная ретушь, самый кончик дистального конца подработан, а обушок имеет поперечную подправку ретушью (рис. 5, 3).

Орудия с выемками, за исключением одного из пластины, изготовлены из относительно крупных отщепов. Для них характерна одна выемка (анкош) с последующей подработкой мелкой ретушью (рис. 5, 4, 6).

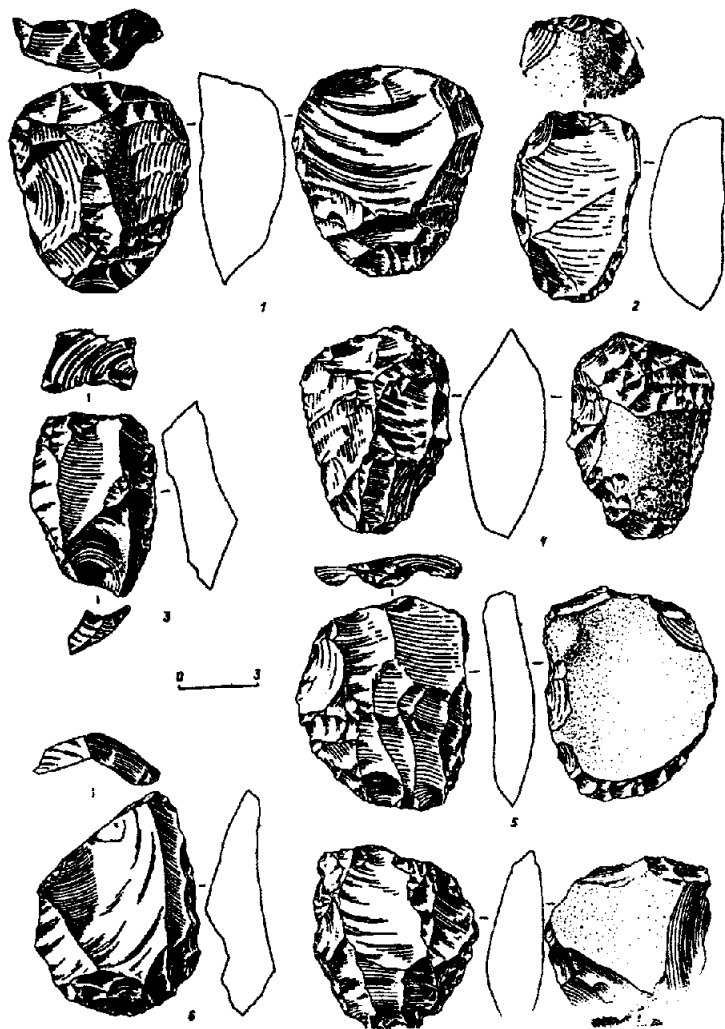

Рис. 3. Памятник Орхон I.
 Нижний мустье́рский слой.
 1-7 — нуклеусы леваллуазские.

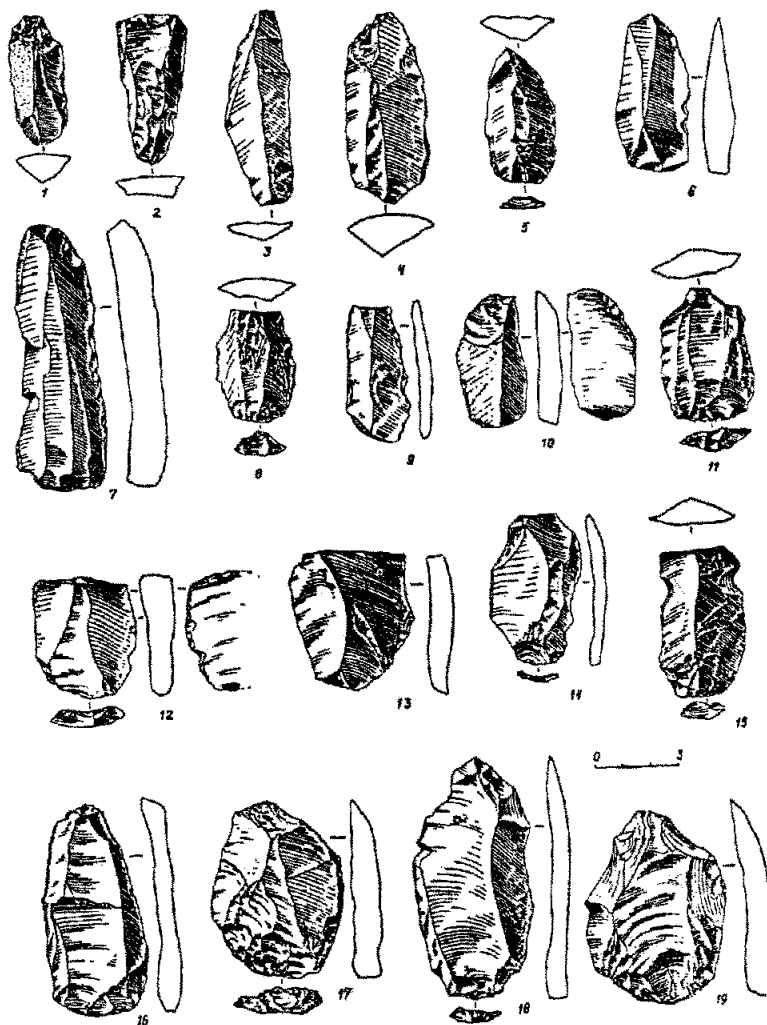

Рис. 4. Памятник Орхон I.

- 1, 11 — орудия с носиком; 2-4, 6 — пластины без ретуши;
 5, 13, 15 — пластины ретушированные не по всему краю;
 7, 9 — пластины с ретушью; 8, 16 — леваллуазские острия;
 10 — оригинальное изделие; 12 — обломок пластины;
 14, 17-19 — леваллуазские отщепы.

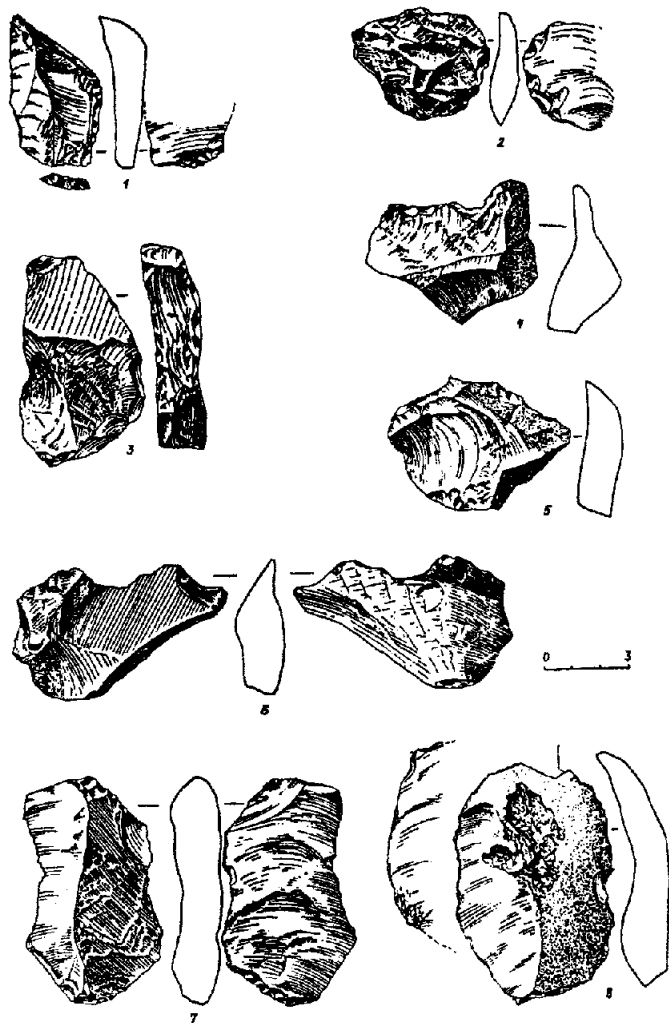

Рис. 5. Памятник Орхон I.
 2, 5 — скребла, 1 — ретушированный обломок пластины,
 3 — обушковый нож; 4-6 — выемчатые орудия;
 7, 8 — зубчато-выемчатые орудия.

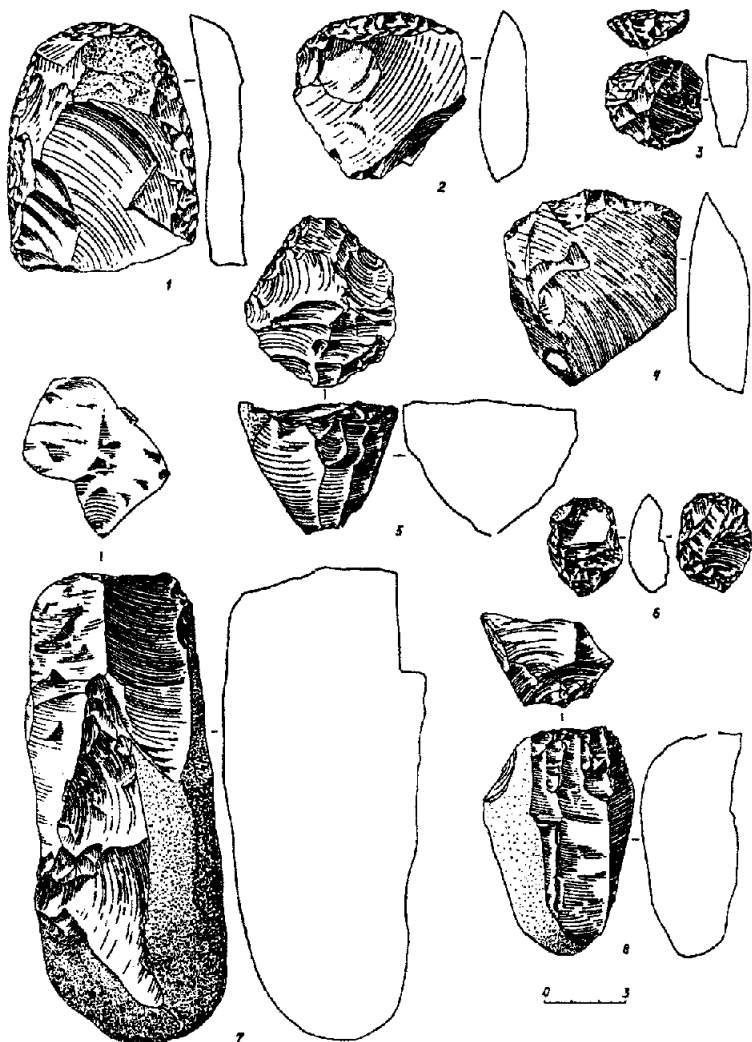

Рис. 6. Памятник Орхон I.
 1, 2, 4 — скребла; 3 — скребок;
 5, 7, 8 — нуклеусы; 6 — долотце.

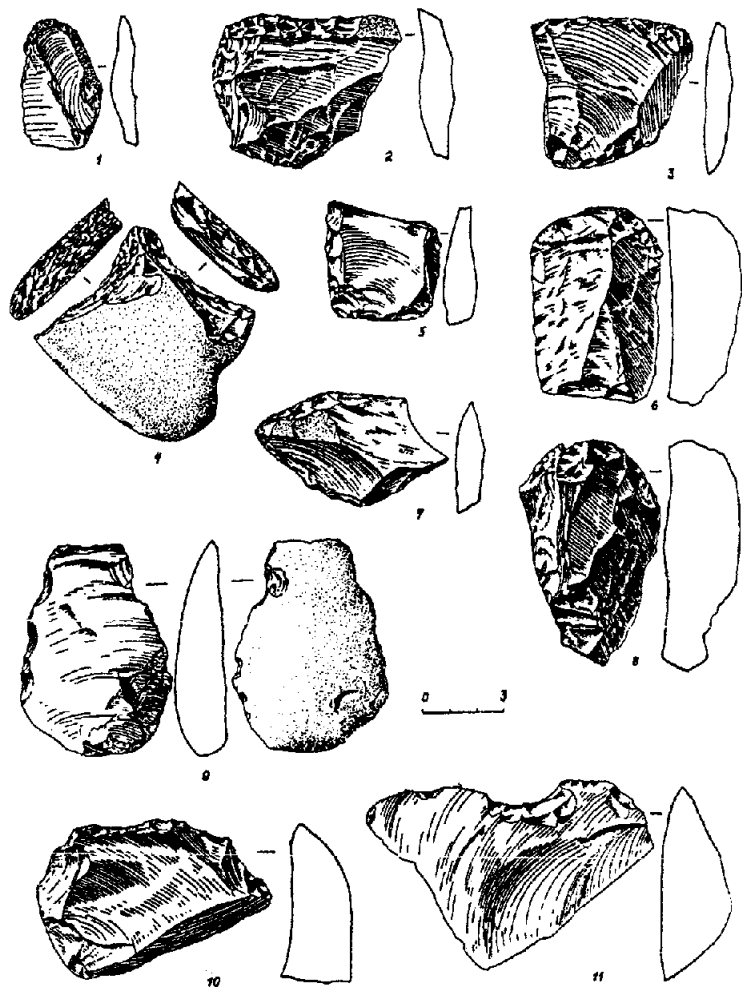

Рис. 7. Памятник Орхон I.
 1, 6, 8 — скребки; 2-4, 10 — скребла;
 5, 7 — сломанные скребла;
 9 — зубчато-выемчатое орудие;
 11 — выемчатое орудие.

К этой группе близки зубчато-выемчатые орудия, представляющие собой удлиненные сколы. Обработка мелкой ретушью велась как с дорсальной (рис. 5, 8), так и вентральной сторон (рис. 5, 7).

Очень выразительна группа клювовидных изделий. Рабочий край, как правило, выделен ретушью, обычно на углу скола. В основном использовались для ее изготовления первичные и вторичные сколы.

Скребла коллекции крайне невыразительны. Изготовлены из крупных сколов, чаще всего ретушь крутая однорядная. Лезвие зачастую неровное и занимает лишь часть края (рис. 5, 2,5). Эта группа очень близка к типу зубчато-выемчатых изделий.

Сколы с эпизодической и утилизационной ретушью крупных размеров, ретушь некрупная, неровная.

Характеризуя комплекс в целом, следует отметить его наиболее характерные черты. В основе первичного расщепления лежит леваллуазский принцип раскалывания, причем леваллуазские нуклеусы весьма вариабельны по форме и типам снятых с них вторичных заготовок.

Среди орудий явно преобладают сделанные на пластинах. Значительный удельный вес занимают выемчатые, клювовидные орудия. Немаловажным обстоятельством является то, что леваллуазские нуклеусы и изделия из пластин некрупных размеров.

Что же касается наиболее позднего культурного горизонта, то по характеру залегания они близки к картине, что наблюдалась и для нижнего слоя (рис. 2).

Всего найдено в раскопах 1, II каменных изделий — 1186 экз. Нуклеусов крайне мало — 3 экз. Орудийный набор — 59 экз., состоит из нескольких довольно устойчивых типов изделий, а также единичных орудий. Скребла — наиболее представительная группа артефактов — 19 экз., скребков — 7 экз., сломанных пластин с ретушью — 9 экз., выемчатых орудий — 5 экз., зубчато-выемчатых — 1 экз., долотце — 1 экз., сколов, обработанных эпизодической ретушью — 15 экз., 3 экз. — обломки орудий. Имеется также несколько микроорудий, но их характеристика здесь не приводится, поскольку поверхность изделий требует очистки от известковой корочки, чтобы можно было определить характер вторичной обработки.

Нуклеусы служили для снятия пластин в параллельном направлении (рис. 6, 7,8), иногда укороченных (рис. 6, 5). Два нуклеуса близки к леваллуазским нуклеусам для снятия пластины (рис. 6, 7,8). Третий нуклеус близок призматическому типу.

Скребла представлены несколькими типами: галечными — 3 экз., одинарными с выпуклым лезвием и обушком — 3 экз., одинарными с прямым лезвием — 5 экз. Остальные скребла найдены в обломках, но судя по ним, в инвентаре имелись скребла и других типов (рис. 7, 3, 5, 7).

Наиболее представительны скребла с прямым лезвием, ретушь оформляющая рабочий край, полукруглая, однорядная или двурядная, всегда нанесена с дорсальной стороны (рис. 7, 2).

Для скребел с полукруглым лезвием характерно наличие обушка и то, что у двух экземпляров ретушь расположена с вентральной плоскости (рис. 6, 2, 4). У последнего скребла этого типа полукруглой рабочий край имеет неровный характер и этим близок к зубчато-выемчатым орудиям (рис. 7, 10).

Выразительными формами обладают два скребла. Одно из них наиболее близко к типу конвергенных выпуклых, но есть отличие — на дистальном конце имеется самостоятельное лезвие (рис. 6, 1). Второе скребло относится к типу конвергентных вогнутых (рис. 7, 4). Оно изготовлено из плоской гальки, ретушь оформления лезвия очень крутая, многорядная.

Скребки делятся на три типа. К первому отнесены крупные, массивные изделия из пластинчатых сколов (рис. 7, 6, 8). Ретушь лезвия крутая, само лезвие правильной полукруглой формы. Два скребка близки этому типу, но они меньших размеров и для них характерной особенностью является наличие своеобразного обушка по одному из боковых краев (рис. 7, 1). Два последних скребка изготовлены из отщепов (рис. 6, 3). У одного полукруглый рабочий край, у второго — прямой.

Пластины с ретушью представлены обломками — дистальными концами (6 экз.) и медиальными частями (3 экз.). Ретушь нанесена с дорсальной стороны.

Выемчатые орудия сделаны из крупных сколов. Для них характерно наличие одной выемки (апкоша), иногда крышных размеров, с последующей подработкой ретушью (рис. 7, 11).

Из единичных изделий отметим долотце небольших размеров (рис. 6, 6) и зубчато-выемчатое орудие из первичного скола (рис. 7, 9).

Не останавливаясь на описании обломков орудий и сколов с эпизодической обработкой подведем некоторые итоги.

Первичное расщепление, как показывают нуклеусы, основывается на пуклеусах параллельного принципа расщепления. В орудийном наборе явно преобладают скребла и скребки различных

типов. Выемчатые орудия и пластины с ретушью также характерны для комплекса.

Прежде чем перейти к сравнительной характеристике комплексов, остановимся на проблеме их датирования. Первая из них получена из средней части слоя 4 (34400 ± 600), вторая — из слоя 5 (38600 ± 800). Между собой они хорошо коррелируются. Дата 34400 ± 600 л.н. происходит из слоя, лежащего несколько ниже верхнего культурного горизонта и позволяет предполагать, что культурные остатки появились там чуть позднее, поскольку залегают в том же литологически однородном слое, откуда получена дата.

Что же касается нижнего культурного горизонта, то его датировка затруднена. Он явно древнее нижней даты 38600 ± 800 л.н. и бесспорно относится к мустьерскому времени. Существенно подчеркнуть, что культурные находки лежат в слое, относящемся к пойменной фации накопления, что предполагает значительный хронологический разрыв, отделяющий эту фазу осадконакопления от фазы покровных отложений. Не исключено, что этот разрыв может равняться не одному десятку тысячелетий. Во всяком случае палицо явно крупный отрезок времени, что разделяет верхний и нижний культурный горизонты.

Косвенно это подтверждается и споро-пыльцевым анализом, проведенным Е.М. Малаевой, выделяющей в разрезе пять фаз развития растительности. Нижняя фаза связана с русловым аллювием и явно относится к теплomu времени (межледниковье). Лежащая выше фаза связаны с постепенным похолоданием и иссушением.

Пойменные отложения (нижний культурный горизонт) связаны со 2-й фазой, т.е. началом похолодания, а отложения, содержащие второй культурный горизонт, относятся уже к 4 фазе растительности.

На значительный хронологический разрыв между двумя этими комплексами указывает и их облик. Они обнаруживают весьма мало сходства практически по всем показателям. Явно леваллуазская техника первичного расщепления отсутствует в материалах верхнего горизонта, то же самое можно сказать и о типах орудий. Сходства обнаруживают лишь выемчатые орудия и в какой-то мере пластины с ретушью, но и то в верхнем горизонте они более крупные и их значительно меньше. Именно в верхнем горизонте появляются многочисленные скребла, скребки, причем их типологический набор благодаря вариабельности, однозначно указывает на развитость этих категорий орудий.

Но при всех имеющихся различиях, принципиально важно, что мы можем, имея два различных по времени комплекса каменной

индустрии, установить направление изменений типов изделий от мустьерского времени к начальной поро верхнего палеолита. На наш взгляд между этими двумя комплексами явно выпадает соединяющее звено или несколько звеньев, которые предстоит еще выявить, чтобы получить цельную картину развития индустрии в Южном Хангае в эпоху палеолита.

Примечания

1. Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. — 115 с.

Ли Хонджон

**К вопросу о зарождении
микропластинчатой техники
в северо-восточной Азии**

Проблема возникновения микронуклеусов в позднем палеолите является одной из наиболее существенных для данной территории. Довольно часто исследователи сообщают об обнаружении микронуклеусов, относящихся к ранним этапам верхнего палеолита. В Сибири материалы памятников Макарово IV [1, с. 205]. Усть-Каракол [2], Мальта [3, с. 222–226] содержат древние формы микронуклеусов, отличающиеся от микронуклеусов более позднего времени. В Китае также найдены изделия, напоминающие по форме микронуклеусы. Стоянка Хузиалю, хронологически более поздняя чем местонахождения 1 и 15 Джоукоудянь, содержала материалы близкие материалам Джоукоудяня. На этой стоянке был найден один клиновидный нуклеус [4, с. 80]. Памятник Шивэй также дал микронуклеусы [5].

Проблеме возникновения микронуклеусов уделяли внимание многие исследователи. В связи с ней представляется возможным выделить несколько основных точек зрения. А.П. Окладников высказал предположение о том, что клиновидные нуклеусы берут свое начало в леваллуазской технологии. В.Т. Петриным высказано мнение о том, что микронуклеусы являются продуктами техники резцов [6; 7, с. 106–108]. Дзян Сеншу выдвинул гипотезу о развитии техники микропластин из техники пластин. Стоянки, содержащие микропластины, и стоянки, содержащие пластины, были отнесены им к единому культурному комплексу. Это представление близко точке зрения Кимуры, который высказал мысль о том, что возникновение микронуклеусов связано с уменьшением размеров пластин [3, с. 224–226]. Более детально эта проблема была рассмотрена Гай Пэем [4, с. 79–80]. По его мнению, для возникновения микронуклеусов должны были существовать следующие предпосылки: 1) преобладание артефактов небольших разме-

ров, намечающее тенденцию к появлению более мелких клиновидных микропунклеусов; 2) наличие орудий с двусторонней ретушью; 3) мелкие размеры конечных продуктов производства двуполярных отщепов и резцовых сколов, удлиненные или небольшие пластинчатые отщепы, приводившие к производству микропластин; 4) определенная последовательность процедур при производстве артефактов.

На самом деле проблема происхождения нуклеусов является более сложной и многосторонней, нежели предлагаемые варианты ее решения. Основной вопрос состоит не столько в происхождении, сколько в причинах, по которым микропунклеусы не были распространены на ранних этапах верхнего палеолита. Несважно, на какой стоянке и в каком районе в целом они появились раньше. Можно выделить три момента, существенных при рассмотрении этой проблемы: 1) необходимость изготовления микропунклеусов; 2) новые формы адаптации, вызванные изменением экологических условий; 3) накопление технологических «поу-хау».

Для того, чтобы эта технология появилась, был необходим определенный технологический комплекс, включающий технику изготовления резца и концевых скребков с лезвием, оформленным крутой ретушью от вентрала к дорсалу, отжимную технику, а также технику торцового нуклеуса для снятия пластин. Последняя наиболее распространена в Сибири и на Дальнем Востоке. Менее эта техника известна в Китае, где широко распространены отщеповые комплексы. Торцовый нуклеус, как правило, подготавливался с узкой торцовой части, а латеральная поверхность была длинной. Эта техника является наиболее продуктивной для получения большого количества первичных продуктов. Как представляется, эта техника подразумевала крепление нуклеуса на какой-то основе. У многих торцовых нуклеусов нижняя часть узкая, а фронт имеет субклиновидную форму. Для древнего человека эта техника была более удобной для получения пластин с полировкой ударной площадки. Она была более экономной в плане использования сырья.

Можно предположить, что техника клиновидных микропунклеусов тоже связана с креплением. Для этого у нуклеуса нижняя часть должна была быть острой, а фронтальная часть не очень широкой. Этому требованию удовлетворяли бифасы.

Действительно, попытки изготовить микропунклеусы могли делаться и в более раннее время, несмотря на проблемы, связанные с их стратиграфической привязкой. Но необходимость их изготовления на более ранних этапах верхнего палеолита, не была обуслов-

лена экологическими причинами и тормозилась отсутствием достаточной технологической базы. Поэтому для периода 40–25 тыс. лет можно говорить о незнании настоящей технологии получения микронуклеусов древним человеком. В настоящее время появление микронуклеусов исследователи связывают с территориями современной Монголии, Забайкальем, Хепей (Китай), бассейном Алдана. Но данные точки зрения могли быть обусловлены изучением только отдельных элементов подготовки микронуклеусов. Местом зарождения микронуклеусов китайские ученые относят к провинции Хепей. Наиболее древним памятником здесь является стоянка Шию. В материалах этого памятника действительно имеются следы применения микролитической техники. Но единственный обнаруженный здесь, на этой стоянке экземпляр микронуклеуса, является дискуссионным [8, с. 128].

Таким образом, если исключить материалы данной, единственной в этом роде стоянки, то появление и распространение использования микронуклеусов в Китае начинается только после 20 тыс. лет назад. Для подтверждения гипотезы появления использования микронуклеусов именно на китайской территории, китайские исследователи прилагают большие усилия. Но достаточно убедительных материалов пока не обнаружено.

Начиная примерно с 25–20 тыс. лет т.н. (сильные климатические изменения в Сартанский период) древний человек [9], накопивший описанные выше технологические знания и навыки для получения микропластин с определенной целью, сталкивался с необходимостью адаптации к новым экологическим условиям. Как представляется, техника микронуклеуса во многом зависела от мастера, который создавал каменное изделие. При производстве микронуклеуса древний человек исходил из знаний существовавшей технологии, понимания определенной последовательности технологических операций. Основой для выработки микролитической техники могла быть техника торцового нуклеуса, широко известная и весьма продолжительное время применявшаяся в это время в Сибири [10, с. 19–21]. В течение короткого периода времени микролитическая техника получила очень широкое распространение, что свидетельствует о ее насущности. Эта технология могла быть перенесена в результате миграционных процессов, непосредственных и косвенных контактов между различными группами Северо-Восточной Азии.

Примечания

1. Lipnina L.A., Medvedev G.I. «Micro splitting», «Micro cores» «Universal preforms» // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 191–206.
2. Шуньков М.В. Личная беседа, 1993.
3. Kimura Hideaki. The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 217–229.
4. Gai pei. Microblade Gores of Late Paleolithic Period in China // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 76–90.
5. Ан чи-мин. Мезолитическая стоянка Хаилао: происхождение традиции микролитов // Каожухуэбао-3, 1978. — С. 289–316 (на китайском).
6. Петрил В.Т., Чевалков Л.М. О возникновении микролитической торцовой техники скалывания на примере палеолитической стоянки Кара-Бом // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. — Красноярск, 1992.
7. Petrin B.G. The Origin of the Microlithic Tradition in the Altai-Butt Cores and Burins in the Kara-Bom Site // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia, Sapporo, 1994. — С. 106–111.
8. Chen Chun, Wang Xiang-Qian. Upper Paleolithic microblade industries in north China and their relationships with Northeast Asia and North America // Arctic anthropology. — v. 26 — № 2, 1989. — С. 127–156.
9. Абрамова З.А. Клиновидные нуклеусы в палеолите Северной Азии // Палеолит и неолит. — Л., 1986. — С. 11–17.
10. Derev'anko A.P. Formation and Development of Microblade Industries in Southeastern part of Far East // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 19–33.

Т.И. Нохрина

**Сосуды-тигли
с энеолитических памятников
Южного Урала**

Культурные остатки поселений энеолитического времени Южного Урала наряду с обломками глиняной посуды, каменным инвентарем, всевозможными поделками из глины и талька, содержат единичные медные предметы. В основном это ножички, реже слиточки меди, шилья, медная проволока [1, с. 26; 2, с. 121; 3, с. 114]. Иногда встречаются производственные остатки — капельки меди, обломки посуды с медными каплями на стенках [3, с. 115; 4]. Эти факты, а также спектральный анализ металла позволили Е.Н. Черныху при выделении древней уральской горно-металлургической области выдвинуть гипотезу «о самостоятельном и не связанном ни с какими импульсами зарождения собственной металлургии меди у местных охотничье-рыболовческих племен... кысы-кульской культуры» [5, с. 124], что в дальнейшем было подтверждено работами Л.Я. Крижевской [6] и Г.Н. Матюпина [7]. Л.Я. Крижевская, обосновывая самостоятельность южно-уральского металлургического очага, выделила предпосылки, способствующие этому: во-первых, обширная сырьевая база, во-вторых, высокосовершенное горное дело, в-третьих, высокий уровень технологии производства каменных орудий [6, с. 103–104]. Металлургия энеолитических племен представляет собой примитивную ступень развития, близкую к зачаточным формам, что проявляется, с одной стороны, в отсутствии литейных форм, льячек, а с другой — в единичных находках незамысловатых предметов, сделанных из металлургически «чистой меди» [5, с. 108, 161, табл. X].

При изучении ранних этапов становления металлургического производства Южного Урала можно выделить ряд проблем, среди которых время его появления, приуроченность производства металла к одному или нескольким центрам, либо повсеместное его распространение, способы получения металла, связь с конкретны-

ми археологическими культурами и многие другие. Появление новых данных, способствующих решению какой-то одной или част проблем, связанных с историей металлургии, интересны и заслуживают введения в научный оборот.

В статье использованы материалы, полученные автором Л.А. Дробиной, В.Т. Петриным, А.Ф. Шориным [8] в процессе раскопок семи археологических памятников, расположенных на побережье островов водохранилища Аргазы в Аргаяшском районе Челябинской области. В основном это полихронные поселения, имеющие широкий хронологический диапазон — от неолита до ранней железного века. Находки энеолитического слоя наряду с обычным поселенческим комплексом содержат также остатки металлургического производства, металлическое изделие.

Единственное изделие — медный ножичек размером 68×15 мм изготовленный методомковки, найден на поселении Малый Липовый X (рис. 1, 1). Он аналогичен по форме медному ножу поселения Карагайлы 1 [3, рис. 1, 12].

Самая многочисленная группа находок, связанная с процессом металлургического производства, — 122 фрагмента керамики причем на некоторых из них бесспорные следы контакта поверхности с металлом, а некоторые отнесены в эту группу с известной долей условности. Было отмечено, что поверхность обломков сосудов с капельками меди или оплакованностью изменена — беловатого цвета и шероховатая на ощупь. Это обстоятельство позволило выделить из керамического материала группу фрагментов, цветом и характером поверхности аналогичных вышеописанному. Распределение находок по памятникам следующие: стоянка Осиновый остров III — два фрагмента с капельками меди, девять — беловатого цвета; поселение Аргазы VII — пять оплакованных фрагментов и 39 — беловатого цвета; Березки Vв — три оплакованных фрагмента, девять — беловатого цвета; М. Липовый X — пять фрагментов беловатого цвета; Березки II — один фрагмент беловатого цвета; Березки V — два фрагмента беловатого цвета.

Вся керамика очень фрагментарна, причем преобладают стенки сосудов (104 фр.), нескольких шеек (10 фр.) и придонных частей (8 фр.). Судя по сохранившимся частям, использовались сосуды гораздо меньших размеров, чем те, которые обычно представлены в поселенческих комплексах энеолитического времени, однако по форме, ни орнаментацией от них не отличающиеся. Едва намечающаяся шейка слегка отогнута наружу, либо прямая (рис. 1, 8), в некоторых случаях с внутренней стороны орнаментирована от-

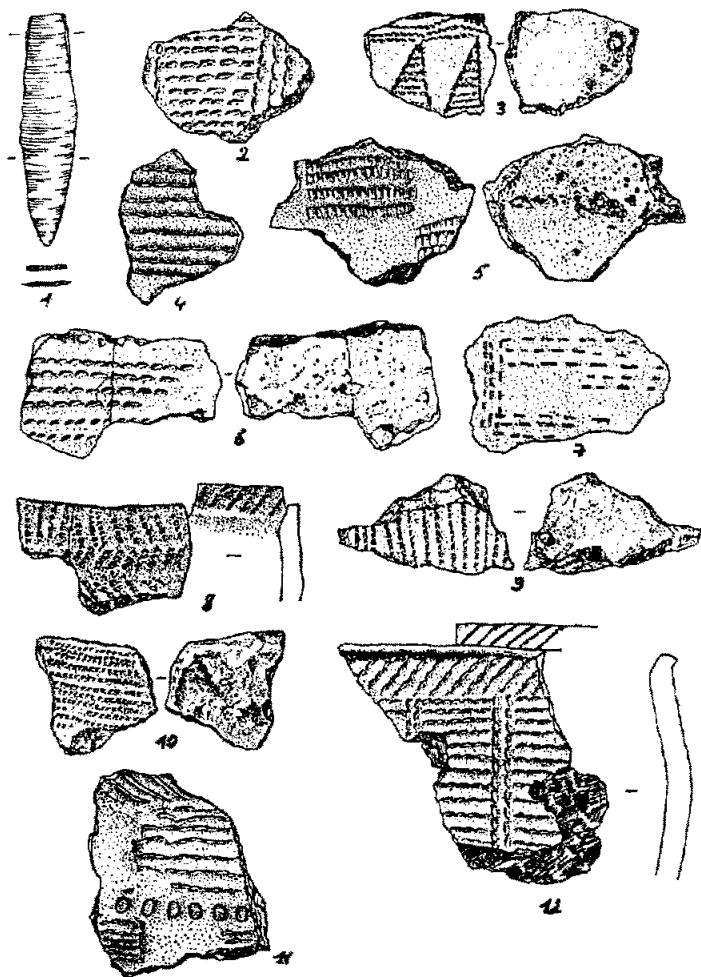

Рис. 1. Медный нож (1) и обломки сосудов-тиглей (2-12):
 1 — М. Липовый X; 2, 10 — Березки Vв;
 3, 7, 9 — Осиновый остров III;
 4, 5, 11, 12 — Березки I;
 6, 8 — Аргази VII.

тисками гребенчатого штампа. Венчик округлый, плоский или приострен. Имеющиеся фрагменты придонных частей позволяют предположить, что дно было округлым или слегка уплощенным. Верхняя часть сосудов подчеркнута косо и прямо поставленными отгисками гребенчатого штампа, либо «ложным шнуром». Получить полное представление о декоре затруднительно из-за фрагментарности сосудов. Можно лишь отметить его вертикальное или горизонтальное членение (рис. 1, 11), с сочетанием незаполненных или заполненных зон, образованных взаимопроникающими треугольниками (рис. 1, 3), рядами прямых, либо наклонных отгисков. Разделительные вертикальные или горизонтальные пояски состоят из одной или нескольких прямых, волнистых, зигзагообразных линий. Орнамент выполнен гребенчатым штампом (рис. 1, 5, 7-10), иногда «шагающей» гребенкой, прочерчиванием или «ложношнуровой» (рис. 1, 2-4, 6, 11, 12). Техника выполнения орнамента и композиция характерны для посуды липчинско-суртандинского круга, причем гребенчатая и «ложношнуровая» керамика залегают совместно, а на некоторых сосудах орнаменты, выполненные в этих техниках, даже взаимовстречаются.

Количественный спектральный анализ (табл. 1) двух капель на сосудах и ножа показал, что они медные, без каких-либо искусственных добавок и могут быть отнесены к группе зауральской меди, как и все образцы с эполеитических поселений Южного Урала.

По всей видимости, описанная здесь керамика представляет собой обломки глиняных сосудов-тиглей, в которых производилась плавка металла. Отсутствие на поселениях шлаков, руды или ее следов, мощных кострищ, позволяет предположить, что непосредственная выплавка меди производилась или в специально отведенном месте на территории поселения, или за его пределами, возможно в местах добычи руды. Выплавка меди производилась небольшими порциями в сосуде-тигле, который разбивался для извлечения остывшего металла. Такой способ считается одним из древнейших. Как отмечает Ю.С. Гришин, следы тигельной плавки обнаруживаются иногда на очень древних памятниках [9]. Размеры встречаемых там сосудов-тиглей невелики, что свидетельствует о низкой технологии получения металла. Интересно отметить, что способ получения металла в сосудах на Урале фиксируется даже в раннем железном веке, наряду с существованием высокоразвитой технологии металлургического производства [10, с. 92; 11, с. 109].

Спектральный анализ металла
энеолитических памятников Аргазинского водохранилища*

Химический состав	Предмет, поселение, шифр лаборатории		
	Нож, М. Липовый X (1912) 25575	Капля меди Осиновый о-в III (1901/205), 27925	Капля меди Осиновый о-в III (1901/58), 27926
Cu	Основа	Основа	Основа
Sn	0,002	0,03	0,015
Pb	< 0,0004	≥ 0,0008	≥ 0,0007
Zn	—	?	—
Bi	—	?	—
Ag	0,004	0,35	0,009
Sb	—	—	—
As	—	—	—
Fe	0,03	2,0	1,8
Ni	0,002	0,03	0,04
Co	—	< 0,002	< 0,002
Mn	—	—	—
Au	—	< 0,001	—

К сожалению, в большинстве случаев мы не располагаем памятниками добывающей отрасли, которые могли бы быть соотнесены с ранним этапом металлургического производства. Характеризуя группу зауральской меди, Е.Н. Черных связывает ее с месторождениями, разбросанными от Южного до Среднего Урала [5, с. 15]. Однако, идентификация медных изделий и образцов руд затруднена, а зачастую невозможна, поскольку многие месторождения полностью исчерпаны русскими промышленными разработками XIX — начала XX вв. или же сохранили следы разработок в более позднее время (бронзовый, либо ранний железный век), которые уничтожили свидетельства более древних разработок.

*Анализы выполнены в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР Е.Н. Черныхом и С.В. Кузьминых, которым, пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность.

Можно предположить, что источниками сырья для аргазинских поселений энеолитического времени были месторождения Медная гора, Березовая гора, расположенные в радиусе 40 км или Карабаша, до которых менее 20 км. По сведениям Ф.П. Доброхотова, в Кыштымском округе (Соймоновская долина) медные руды залегали в тальковой глине в спая известняка с талько-хлоритовыми сланцами и состояли из медного колчедана, малахита и самородной меди [12, с. 87]. В связи с сообщением Ф.П. Доброхотова о сопутствующей меди породе интересно отметить, что практически на всех памятниках, где найдены обломки сосудов-тиглей, обнаружены и скопления кусков талькового камня, а на некоторых памятниках как Аргазии VII и Березки I, где более всего обломков тиглей (41 и 49 фрагментов соответственно) больше всего и скоплен тальковых кусков, хотя этому может быть и другое объяснение.

Подводя итоги, еще раз отметим, что в материалах, происходящих с археологических памятников Аргазинского водохранилища, фиксируется ранний этап металлургического производства — использование металлургически «чистой» меди, плавка сырья в сосудах-тиглях небольшого размера, бедность ассортимента медных изделий и их типологическая невыразительность. Вместе с тем, выплавка меди на Южном Урале в эпоху энеолита носила, по видимому, повсеместный характер и связана со средой кыскульско-липчинско-суртандинского населения.

Примечания

1. Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1962. — Т. 1. — С. 26.
2. Матюшин Г.Н. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья // КСИА. — 1971. — № 127. — С. 117–125.
3. Крижевская Л.Я. Поздне- и посленеолитическое время на Южном Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М., 1973. — С. 110–117.
4. Матюшин Г.Н. Стоянка Мурат на оз. Узункуль // СА. — 1965. — № 1. — С. 135–153.
5. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. — 1970. — № 172. — 180 с.
6. Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. — Л., 1977. — 137 с.
7. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. — М., 1982. — 328 с.

8. Автор приносит глубокую благодарность Л.А. Дрябиной, В.Т. Петрицу и А.Ф. Шорину за возможность использовать данные их раскопок.
9. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. — М., 1980. — 100 с.
10. Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. — Свердловск, 1963. — 92 с.
11. Крижевская Л.Я. Сосуд анавьинского времени для плавки металла // КСИИМК. — 1959. — № 77. — 109 с.
12. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний и Южный. — Пг., 1917. — 87 с.

Н.Ф. Степанова, С.В. Цыб

Погребение эпохи бронзы у с. Кара-Коба

Эпоха бронзы Горного Алтая до сих пор остается слабоизученной. Долгое время считалось, что в это время Горный Алтай вообще не был заселен или же там проживали «афанасьевцы», сохранившие свою культуру в законсервированном виде с IV—III тыс. до н.э. по I тыс. до н.э. Подобные точки зрения имели право на существование, так как памятники эпохи бронзы были неизвестны.

К настоящему времени ситуация изменилась. Известно более 20 памятников этого времени, не считая петроглифов и случайных находок (местонахождений). Картографирование показывает, что памятники найдены по всему региону: в Онгудайском районе — могильники Северное [1, 2], Каракол [3], Улита [4], в Чемальском — поселения Малый Дуган [5], Усть-Куюм [6], Сары-Бел, Тыткескень-II, III, VI [7, 8], в Усть-Канском — Денисова пещера [9], в Турочакском — поселение Лебедь-1 [10] и др. К сожалению, все раскопанные могильники находились в аварийном состоянии, что не дало возможности проследить полностью погребальный обряд, да и количество раскопанных погребений незначительно. На поселениях не удалось проследить стратиграфию. Все это затрудняет решение проблем эпохи бронзы, в особенности относительной хронологии и позволяет лишь наметить пути решения. Поскольку в ближайшие годы, вероятнее всего, крупномасштабные археологические исследования невозможны, поскольку представляют интерес все имеющиеся материалы, которые до сих пор не опубликованы и, на первый взгляд, не являются уникальными, но относятся к эпохе бронзы.

В 1979 г. раскопана оградка 4 на могильнике Кара-Коба-1 в Онгудайском районе. Могильник Кара-Коба-1 находится в 1,5 км юго-восточнее с. Кара-Коба. Расположен на правобережной террасе р. Урсул, в северной части урочища Нижний Тюмечин. Оградка

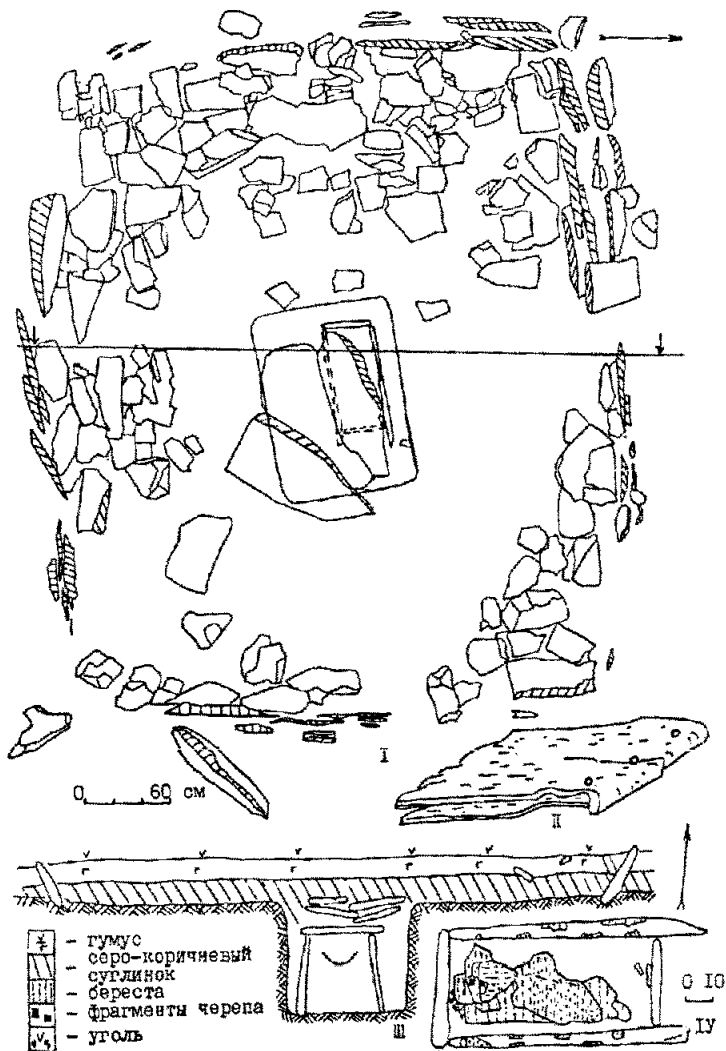

Рис. 1. Могильник Кара-Коба-1. Ограда 4.

расположена в юго-восточной части могильника, на второй надпойменной террасе р. Урсул.

Ограда прямоугольной формы из вертикально поставленных плит, размерами 5,2×4,6 м. Ориентирована с З на В. В южной и юго-западной части прослежено скопление камней (рис. 1-1). В центре ограды — могила прямоугольной формы, ориентированная с ЗЮЗ на ВСВ, размерами 1,4×1,0 м, глубиной в материке — 0,8 м. Перекрыта тремя плитами, кроме того могилу заполняли еще 4 плиты, перекрывающие ящик. Размер плит от 60×51, 75×26 см до 110×40 и 120×55 см. В могилу вшпунен ящик из четырех вертикально поставленных плит (рис. 1-III). Размеры ящика — 85×45 см, глубина по плитам — 60 см. Погребен ребенок, который был завернут в бересту. Сохранились только фрагменты черепа, по которым можно предположить, что головой он был ориентирован на ЗЮЗ. У северной и западной стенок найдены угольки (рис. 1-IV). На бересте сохранились отверстия, через которые она была прошита (рис. 1-II).

Датировать погребение можно только по погребальному обряду, так как инвентаря не найдено. Прямоугольные или квадратные ограды зафиксированы в с. Озерном на могильнике, датированном эпохой бронзы [2, с. 49]. Погребения в каменных ящиках, вшпуненных в грунтовые могилы, с использованием бересты характерны для эпохи бронзы, в том числе для могильника Озерное [1, с. 80-84; 2, с. 49-50]. В тоже время для раннескифских памятников характерны каменные ящики, сооруженные на древней дневной поверхности или слегка заглубленные в материк и не отмечено использование бересты, надмогильные сооружения представляют собой насыпи из камней, а не ограды из вертикально поставленных плит [11, с. 80; 12, с. 49; 13, 14]. Отличается ограда 4 из Кара-Кобы-1 по погребальному обряду и от памятников кара-кобинской группы по надмогильным конструкциям и тем, что каменные ящики у кара-кобинцев вшпунены в глубокие грунтовые могилы — от 1,4 м в материке и более [15, 16, 17]. Поскольку аналогии известны только среди памятников эпохи бронзы и датировать ее можно эпохой бронзы.

Примечания

1. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1979. — С. 80-84.

2. Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерное // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 49–51.
3. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск, 1988. — 172 с.
4. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к всесоюзной научной конф. Барнаул, 1991. — С. 57–59.
5. Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган — памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. — Барнаул, 1990. — С. 73–86.
6. Кунгурова Н.Ю. Новая стоянка на р. Куюм // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). — Барнаул, 1990. — С. 34–35.
7. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинина Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катуня // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 39–40.
8. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескенъ-6 на Катуня // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. — С. 111–123.
9. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. 1. — Новосибирск, 1994. — 261 с.
10. Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 18–23.
11. Степанова Н.Ф. Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 79–81.
12. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 35–67.
13. Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. — Барнаул, 1994. — С. 37–43.
14. Тишкин А.А., Харченко Т.В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). — Барнаул, 1990. — С. 67–70.

15. Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-1 // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 42-52.
16. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 52-89.
17. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа // Проблемы хронологии и культурного разграничения. — Горно-Алтайск, 1988. — 215 с.

В.В. Бобров

Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлево 1

В 1986–1987 гг. отряд Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета проводил реконсцировочные и стационарные исследования в зоне строительства опытно-промышленного утлепровода Белово—Новосибирск в окрестностях д. Журавлево Промышленновского района Кемеровской области. Географически этот микрорайон локализуется в западной части Кузнецкой котловины и приурочен к контактной ландшафтной зоне лесостепи и предгорной тайги. Здесь расположена северная периферия Салаирского кряжа, который ограничивает котловину с юго-запада и к которому примыкает озеро Танай. Северный берег его — открытые безлесные пространства, южный — горнотаежный. По берегам озера и террасам невдалеке от него открыто 18 археологических памятников, из них 11 курганных могильников, которые расположены вдоль северного берега и тянутся цепочкой далее на восток на протяжении четырех километров. В зону строительства попадали могильники Танай I, Танай II, Журавлево 1, Журавлево 5. Обращает на себя внимание насыщенность микрорайона археологическими объектами, что требует научного объяснения, которое возможно после планомерных полевых исследований. Первые раскопки, хотя и охранный характер, на западе Кузнецкой котловины в предгорной зоне трудно переоценить.

Курганный могильник Журавлево 1 расположен в двух километрах к юго-востоку от д. Журавлево, слева от автодороги республиканского значения Ленинск—Кузнецкий—Новосибирск. Местонахождение памятника связано с древней террасой, возвышающейся над согрой на два метра. Могильник занимает обширную площадь. Три кургана расположены цепочкой по линии запад-восток в непосредственной близости от дороги, один курган — на склоне чашеобразной промоины и четыре — на противоположном южном участке за ней,

которые образовывали один ряд. В зону строительства попадало пять курганов.

Курган 1 расположен около промоины, на склоне. На современной поверхности он выделялся незначительной круглой в плане всхолмленностью. Диаметр кургана — 14 м, высота — 0,3 м.

В двух метрах к западу от центра кургана, почти на уровне материка, были расчищены хаотично лежавшие кости скелета взрослого человека. Часть костей в обломках, многие отсутствовали. Соответственно установить характер погребения невозможно.

Курган 2 расположен на противоположной стороне оврага и представлял собой небольшой, едва выраженный холмик, высотой 0,25 м. В плане он круглой формы, диаметром 7 м (рис. 1). В центре кургана на уровне материка расчищены остатки двух погребений, располагавшихся в ряд по линии запад-восток с незначительными отклонениями.

Могилы 1 находилась в полутора метрах к западу от центра кургана. Здесь на материковом уровне обнаружены: обломок бедренной кости, плечевая и две локтевые кости, фрагмент черепа подростка, около которого стоял небольших размеров сосуд (рис. 3,1,2). По расположению костей можно предположить, что захоронение произведено на правом боку, скорченно, головой на юго-запад. Возле локтевых костей найдены обломки бронзового кольца (рис. 9,4,5).

Могилы 2 располагалась в центре кургана. На небольшом участке были расчищены лежавшие в анатомическом порядке кости скелета взрослого человека. Только череп находился в 1,8 м к юго-востоку от них, а кости рук отсутствовали. Судя по сохранившимся костям скелета, захоронение произведено в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Сопроводительных вещей нет (рис. 3,3).

Курган 3 расположен в пяти метрах к востоку от вышеописанного и представлял собой круглую в плане всхолмленность, едва заметную на поверхности. Диаметр 14 м, высота 0,3 м. В кургане обнаружены две могилы, образующие ряд по линии северо-запад и две пары ям — в его западной и северной частях (рис. 2).

Могилы 1 находилась на расстоянии 2,8 м к юго-востоку от центра кургана. На древней поверхности (0,18 м выше уровня материка) была сооружена деревянная рама, от которой сохранились остатки северо-западного и юго-западного бревен. Вероятные размеры рамы 1,7×0,9 м. Внутри нее в анатомическом порядке лежали кости скелета человека. Он был погребен скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Степень скорченности сильная (рис. 3,4).

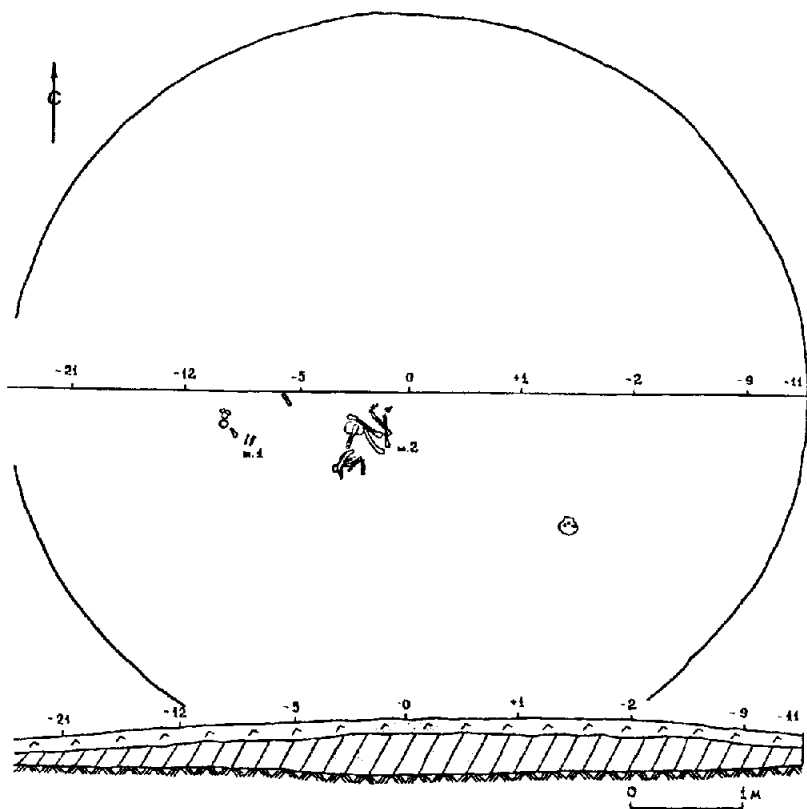

Рис. I План и профиль кургана 2

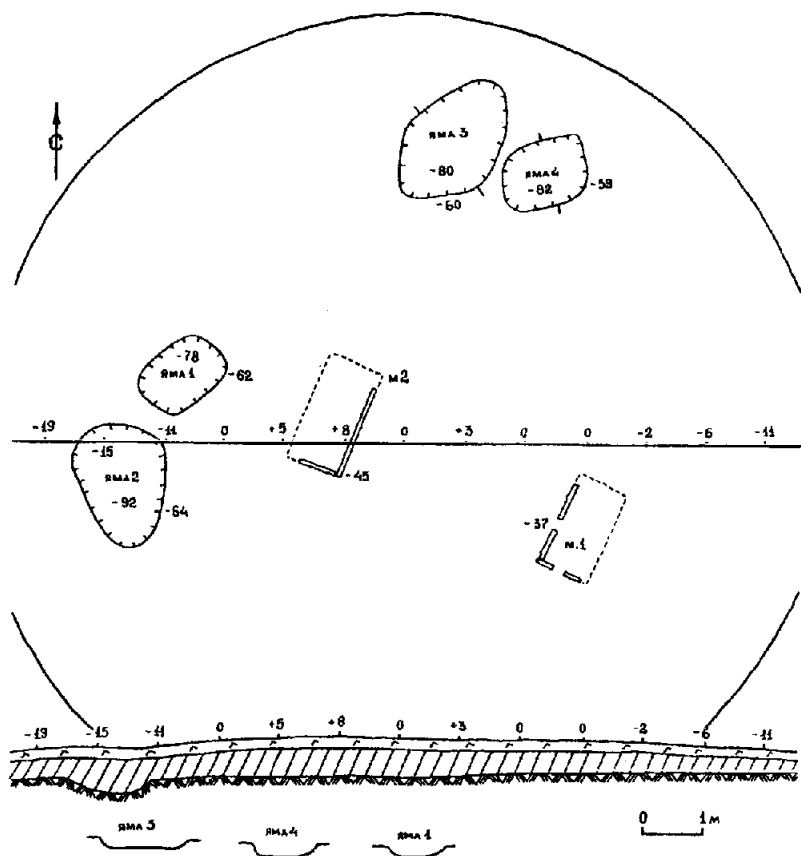

Рис.2 План и профиль кургана 3

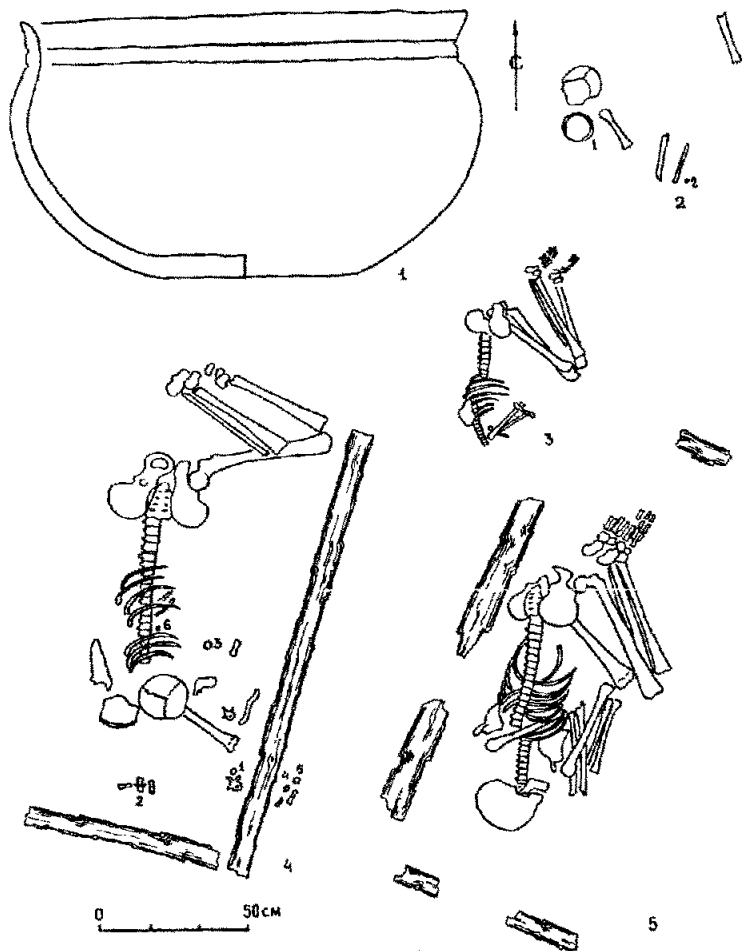

Рис.3 1 - осуд из могилы 1 кургана 2;
 планы могил: 2 - могила 1 кургана 2; 3 - мо-
 гила 2 кургана 2; 4 - могила 1 кургана 3;
 5 - могила 2 кургана 3

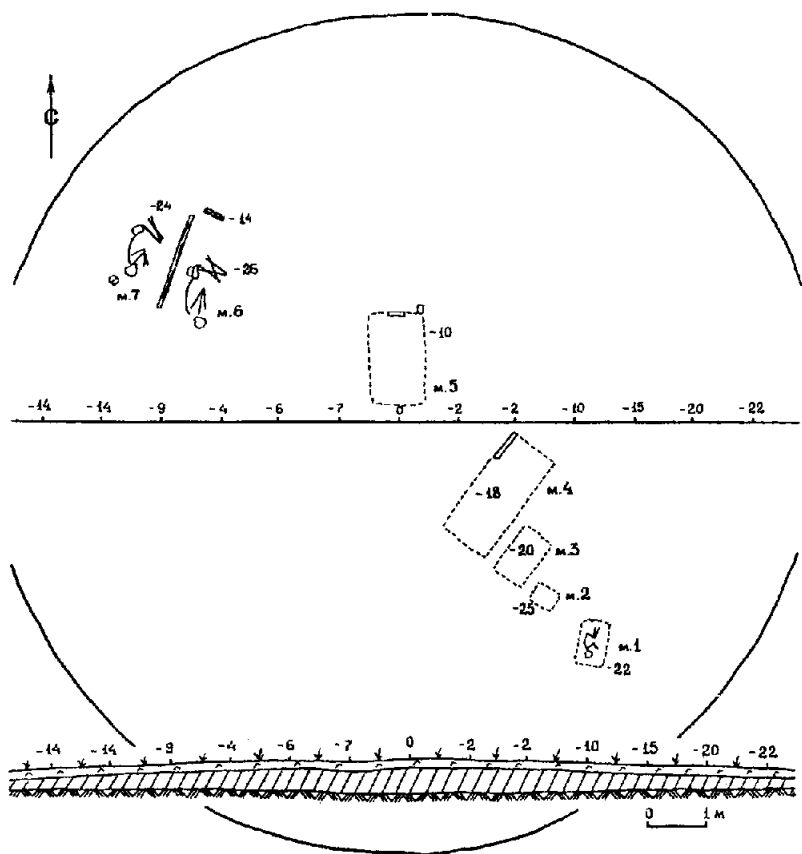

Рис.4 План и профиль кургана 4

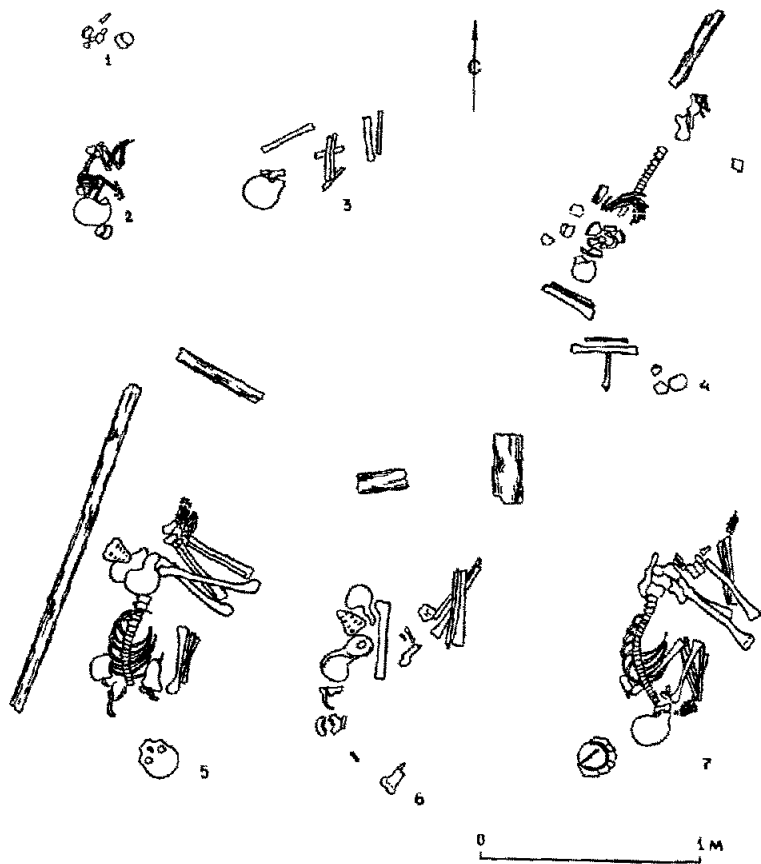

Рис.5 Планы могил кургана 4: 1 - могила 2;
 2 - могила 1; 3 - могила 3; 4 - могила
 4; 5 - могила 6; 6 - могила 5; 7 - мо-
 гила 7

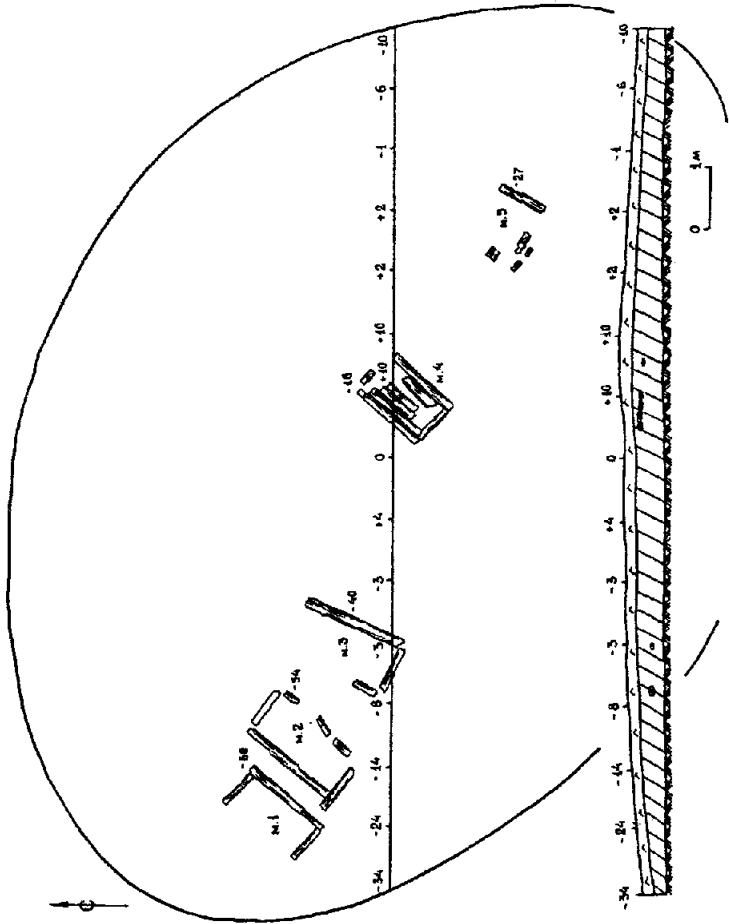

Рис.6 План и профиль кургана 5

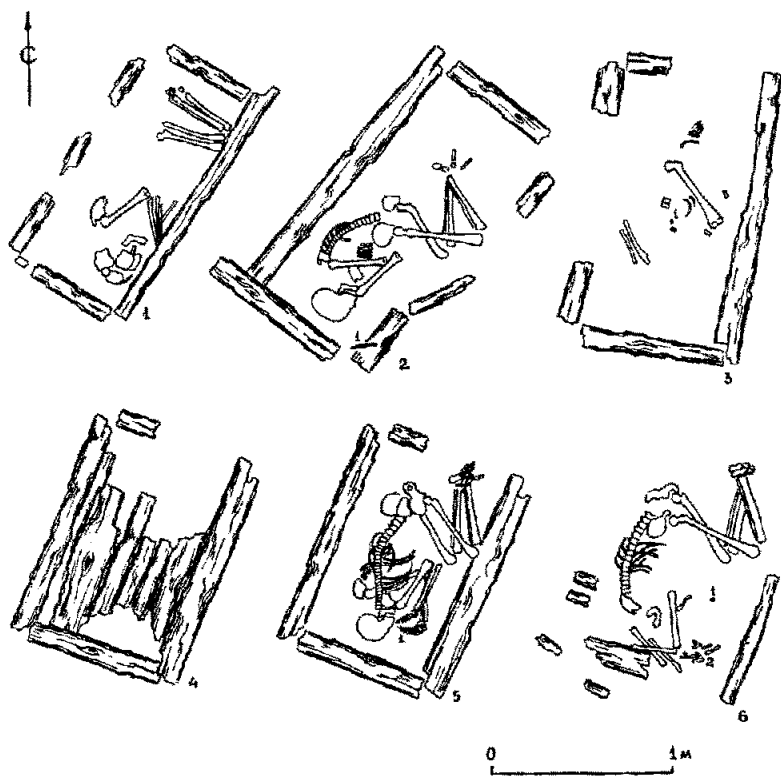

Рис.7 Планы могил кургана 5: 1 - могила 1;
 2 - могила 2; 3 - могила 3;
 4,5 - могила 4; 6 - могила 5

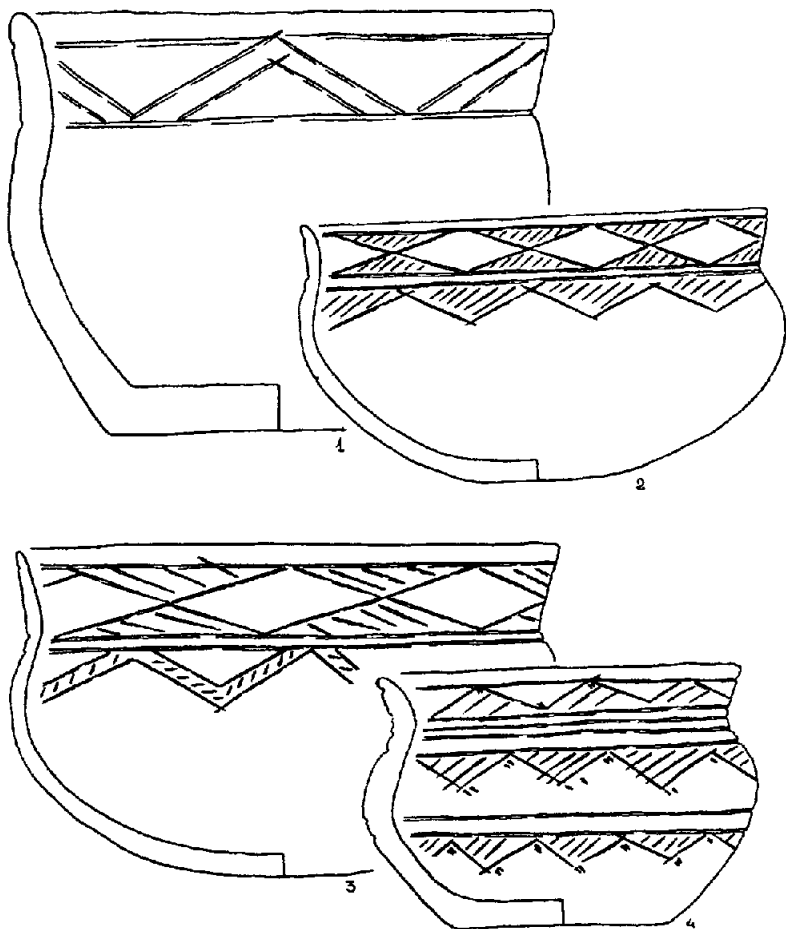

Рис.8 Сосуды из погребений кургана 4:
 1 - МОГИЛА 2; 2 - МОГИЛА 4;
 3 - МОГИЛА 7; 4 - МОГИЛА I

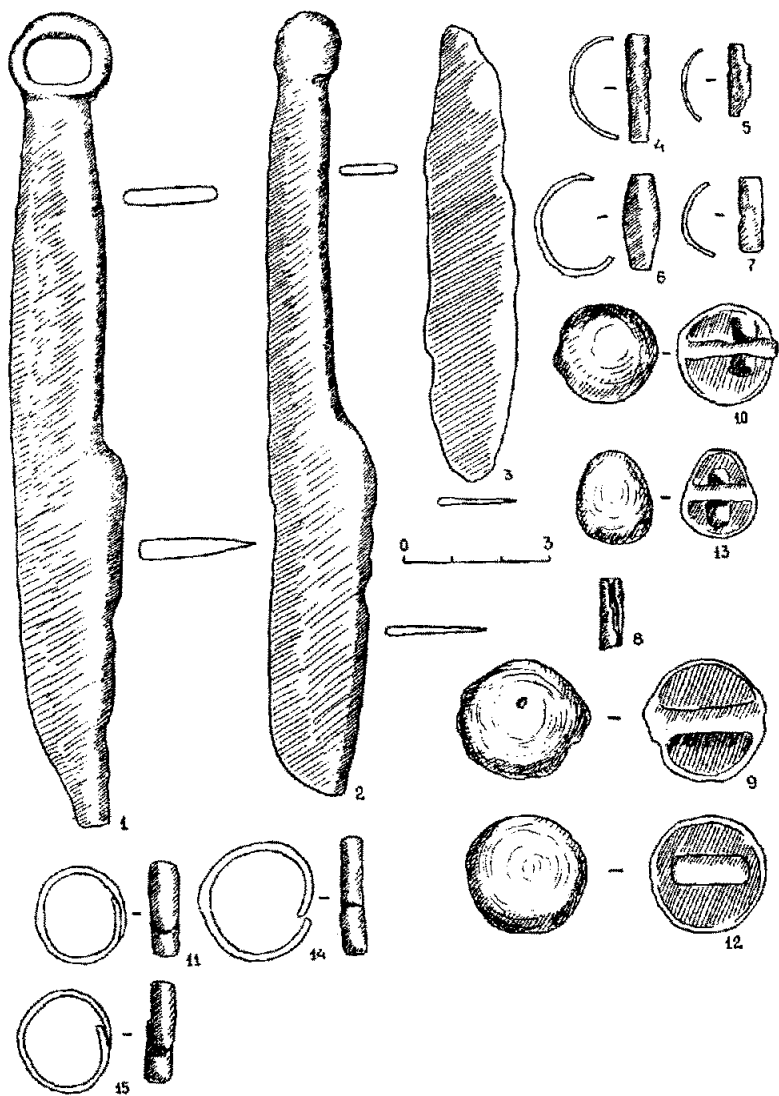

Рис. 9 Бронзовый инвентарь
 из погребений Куравлево I

Могила 2 расположена в центре кургана. Захоронение произведено выше уровня материка на 0,12 м в деревянной раме, от которой сохранились остатки юго-восточного и юго-западного бревен. Предполагаемые ее размеры 1,8×0,9 м. Внутри рамы расчищены кости скелета взрослого человека. Верхняя часть скелета нарушена: некоторые кости отсутствовали, сохранившиеся разбросаны и лежали на разной глубине. Позвоночник и кости нижней части скелета находились в первоначальном положении. Они свидетельствуют, что погребение совершено скорченно, на правом боку, головой на юго-запад (рис. 3,5). С погребенным были найдены три бронзовых кольца, лежавших среди костей в разрушенной части скелета (рис. 9,6,7,11,14). Еще одно кольцо и бронзовая пуговица обнаружены с внешней стороны рамы вместе с двумя фалангами пальцев рук (рис. 9,9,15). Около ребер лежала пронизка, а возле юго-западного бревна рамы — обломок ножа (рис. 9,8,3).

Мы уже отмечали о месторасположении ям в кургане. Все ямы имели в плане неправильную форму, пологие стенки и ровное дно. Размеры их: первой — 1×1,4 м, глубина 0,17 м; второй — 2×1,4 м, глубина 0,28 м; третьей — 2,3×1,5 м, глубина 0,19 м; четвертой — 1,4×1,1 м, глубина 0,23 м. Находок в яме не было.

Курган 4 расположен в восьми метрах к востоку от кургана 3. Это круглое в плане незначительное возвышение с пологими склонами. Диаметр — 14 м, высота — 0,3 м. В кургане, видимо, на уровне древней поверхности, обнаружено семь погребений, расположенных в ряд, который ориентирован по линии северо-запад — юго-восток (рис. 4).

Могила 1 находилась в начале ряда с юго-востока. Выше уровня материка на 0,1 м были расчищены лежавшие в анатомическом порядке кости скелета ребенка. Захоронение произведено в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Около черепа стоял плоскодонный сосуд горшковидной формы, украшенный резной техникой (рис. 5,2). По венчику помещен ряд заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх, а по тулову два пояса треугольников, но обращенных вершинами вниз (рис. 8,4).

Могила 2 находилась в 0,8 м от вышеописанной. Здесь немногим выше материка лежали обломки черепа и плечевая кость младенца. Около них стоял плоскодонный сосуд с орнаментом по венчику в виде двойного зигзага (рис. 5,1; 8,1).

Могила 3 располагалась в полуметре от могилы 2. На 0,12 м выше уровня материка лежали череп, длинные кости рук и берцовые кости ноги, остальных не было. Возможно, перед нами факт

вторичного захоронения, которое соответствовало погребению в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Предметов не найдено (рис. 5,3).

Могила 4 залегала выше уровня материка на 0,2 м, в 0,4 м от третьей могилы. Здесь на небольшой площади были расчищены кости неполного скелета человека. В юго-западной части находились берцовые кости ноги, длинные кости рук и обломки черепа. Северо-восточнее их располагались остатки черепа и раздавленный сосуд, украшенный резной техникой (рис. 8,2). Около сосуда лежали ребра и часть позвоночного столба в сочленении, а к северо-востоку от них обнаружены обломки тазовых костей, возле которых найден кусок бревна. Погребение явно нарушено. Однако можно полагать, что захоронение было произведено на правом боку, скорченно, головой на юго-запад (рис. 5,4).

Могила 5 находилась в центре кургана. Выше уровня материка на 0,23 м, на участке 1,7×0,8 м, в беспорядке лежала часть костей скелета взрослого человека. Все же некоторая связь в их расположении позволяет предполагать захоронение в скорченном виде, на правом боку, головой на юго-запад. Около костей были найдены два небольших кусочка дерева. Не исключено, что погребенный был внутри деревянной рамы (рис. 5,6). Вещей нет.

Могила 6 расположена в четырех метрах к северо-западу от центра кургана. На 0,1 м выше уровня материка были расчищены кости скелета, лежавшие в анатомическом порядке, и остатки деревянной рамы, от которой сохранились северо-западное и северо-восточное бревна. Погребенный был захоронен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Вещей нет (рис. 5,5).

Могила 7 расположена вплотную с северо-запада к вышеописанной.

Складывается впечатление, что бревно рамы шестой могилы разделяет два погребения. Расчищенные кости скелета находились на том же уровне. Скелет сохранил анатомический порядок. На этом основании можно установить, что погребенный был сильно скорчен и положен на правый бок, головой на юг. Около лобной кости черепа лежала бронзовая бляшка-пуговица (рис. 9,10), а у теменной — очень плохой сохранности сосуд (рис. 8,3), внутри которого находился бронзовый нож (рис. 9,2).

Курган 5 представлял собой овальную в плане всхолмленность хорошо выраженную с западной стороны. Курган вытянут по линии северо-запад-юго-восток. Размеры 16×11 м, высота 0,35 м. В курган на разных уровнях было обнаружено 5 захоронений, которые распо-

гались в ряд по линии наибольшей протяженности кургана. Все могилы имели деревянные конструкции различной степени сохранности.

Могила 1 — первая с северо-запада в ряду могил. На уровне 0,15 м выше материка была сооружена деревянная рама, углами ориентированная по сторонам света. Размеры 1,6×0,8 м. Внутри сооружения лежали раздавленный череп и в анатомическом порядке длинные кости рук и ног. Остальные кости скелета отсутствовали. Однако можно утверждать, что погребение совершено скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Вещей нет (рис. 7,1).

Могила 2 расположена в тридцати сантиметрах к юго-востоку от первой и на том же уровне. Могила представляла собой сложенную из бревен раму размерами 1,8×1,0 м. Внутри нее в анатомическом порядке лежали кости скелета взрослого человека. Не было только локтевых костей и кистей. Погребенный был положен скорченно на правом боку, головой на юго-запад (рис. 7,2). В южном углу рамы найден бронзовый нож с кольцевым навершием (рис. 9,1).

Могила 3 представляла собой деревянную раму, остатки которой расчищены на уровне 0,15 м выше материка. Она длинными сторонами ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Размеры ее 1,7×1,0 м. Внутри рамы, в центральной части, лежала лучевая кость левой руки, две фаланги, два позвонка; обломки двух ребер, бедренная кость правой ноги и кости стопы (рис. 7,3). Между костей найдена бронзовая бляшка-пуговица (рис. 9,12). Можно только полагать, что погребенный лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-запад.

Могила 4 в виде деревянной рамы была сооружена выше остальных могил — 0,3 м над уровнем материка. Рама прямоугольной формы, сложена из четырех бревен встык и сверху покрыта положенными продольно шестью горбылями. Одна треть покрытия в северо-восточной части сооружения не сохранилась. Размеры рамы 1,4×1,0 м. Углами она ориентирована по сторонам света (рис. 7,4). Под покрытием внутри рамы лежали кости скелета взрослого мужчины, сохранившие анатомический порядок. Умерший был погребен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад (рис. 7,5). На фаланге пальца левой руки было бронзовое кольцо.

Могила 5 — последняя в ряду могил. Захоронение было произведено на уровне 0,2 м выше материка. Могила представляла собой деревянное сооружение, сохранность которого очень плохая. С юго-востока от скелета и параллельно ему лежали остатки бревна длиной 0,8 м, которое могло являться стороной рамы. Перпендикулярно ему, в 0,4–0,9 м к северо-западу, находились пять

обломков дерева, возможно, связанных с поперечным покрытием. Все же о конструкции судить невозможно. Растащенные на этом участке кости скелета сохранили анатомический порядок. Потревоженной была только верхняя часть: в беспорядке лежали длинные кости рук, череп отсутствовал. Можно констатировать, что умерший был погребен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад (рис. 7,6). Из вещей в могиле найдены: бронзовое кольцо на фаланге пальца и бронзовая бляшка, находившаяся недалеко от коленного сустава (рис. 9,13).

В исследованных курганах могильника Журавлево 1 выделяют два типа могильных сооружений: погребения в деревянных рамах и грунтовые. Количественное соотношение их таково: грунтовых — 7, деревянных рам — 10, из которых два случая более чем сомнительные. Наличие около погребения одного-двух мелких фрагментов дерева еще не повод для целостной реконструкции. Не исключено, что в некоторых случаях мы фиксируем лишь факт необходимости присутствия с погребенным дерева, которое могло быть положено как при сооружении рамы и которое несло какую-то иную функциональную или смысловую нагрузку. При этом могли существовать комбинированные сооружения, когда одна или две стороны были дерновыми, а остальные из бревен. Показателен в этом отношении пример погребений 6 и 7 кургана 4, которые разделяло бревно. Если определять погребения в деревянных рамах хотя бы по остаткам трех сторон, то количество сооружений этого типа в составе могильника сократится до пяти. Погребения с грунтовыми сооружениями располагались на уровне древней поверхности. В деревянных рамах, на таком же уровне, за исключением одного случая (курган 5, могила 3), когда рама и погребение не только то, что рама была сделана из более толстых бревен, но и то, что это единственное сооружение в могильнике с плотным покрытием.

Таким образом, как по характеру надмогильных сооружений, так и по количественному соотношению разных типов, могильник Журавлево 1 практически не отличается от других подобных на мятников ирменской культуры Кузнецкой котловины. Отличительной чертой можно считать отсутствие камня в могильных сооружениях, который как строительный материал не часто, но использовался населением, оставившим могильники Иваново-Родионово, Пьяново [1], Титово [2, с. 50]. Каменные ящики составляют локальную особенность ирменской культуры в пределах Кузнецкой котловины.

Захоронения во всех могилах произведены в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад (у трех погребенны

ориентация на юго-юго-запад). Эта погребальная обрядовая черта также свойственна ирменской культуре. Какой-либо закономерности между типом надмогильного сооружения и степенью скорченности, как это было установлено для Титовского могильника [3, с. 58], здесь не наблюдалось. Возможно, недостаточна серия для ее выявления. Также нет возможности установить связь между типом надмогильного сооружения и бронзовым сопроводительным инвентарем. Скорее всего, эта связь определена половозрастной и социальной традицией. Посуда же была найдена только в грунтовых могилах. Не исключено, что это особенность данного памятника ирменской культуры. При этом сосуды ставили как взрослым, так и детям. Очень редко они находились в погребениях мужчин, а в женских захоронениях являлось необходимым предметом сопроводительного инвентаря.

Бронзовый инвентарь представлен украшениями — кольцами, бляшками, пронизкой и ножами. Украшения представленных типов имеют широкое распространение. Они характерны для ирменской культуры, а также известны в памятниках ряда других культур эпохи бронзы на территории Западной Сибири [1, рис. 4; 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Ножи более специфичная категория археологических материалов, которая является одной из составных частей, определяющих хронологический и культурный облик памятника. Нож из могилы 2 кургана 5 — с кольцевым навершием, прямым обушком и выделенной уступом от лезвия рукоятью. Жало обломано, но ясно, что оно было острым и оформлено изменением под тупым углом линии обушка. Рукоять в средней части имеет незначительное плавное расширение. Этот экземпляр является одной из первых находок такого типа ножей в ирменских памятниках. Ближкие ему формы известны среди случайных находок [3, рис. 13-1], а также в памятниках еловской культуры [5, рис. 56-2,3]. Особенно близок журавлевскому ножу по форме и навершию негатив ножа литейной формы из Еловского поселения [5, рис. 60-2,7]. В целом следует отметить, что пластинчатые ножи с кольцевым навершием появляются на территории евразийских степей в переходную эпоху к поздней бронзе и продолжали существовать в последующее время. Другой нож, отлитый в односторонней литейной форме, иного типа. У него лезвие широкое, рукоять узкая с округлым плоским навершием. Конец лезвия тупой и имеет близкую к вальной форму. Нож с аналогичным навершием найден в Еловском Втором могильнике (к. 18, м. 2) в погребении, которое относится к ирменской культуре [3, рис. 88-5]. По форме лезвия нож из могильника Журавлево 1 аналогичен ножам еловской культуры

и из памятников поздней бронзы Восточного и Центрального Казахстана [9]. Таким образом, ножи, найденные в курганах 4 и 5, позволяют датировать могильник Журавлево 1 в пределах первой трети I тыс. до н.э., что согласуется с общепринятой широкой хронологией культуры в целом.

Сосуды по форме и орнаментации типичны для ирменской культуры. Два сосуда круглодонные и один с уплощенным дном. Такое соотношение формы посуды в одном памятнике является характерной особенностью культуры на территории Кузнецкой котловины, где более 50% сосудов круглодонные [9, 10]. Орнамент выполнен резной техникой. Он помещен в верхней части сосуда и соответствует зонам — венчику и плечикам, только в одном случае украшено тулово. На круглодонных сосудах венчик орнаментирован заштрихованными треугольниками, соединенными вершинами. Орнаментальный пояс ограничен горизонтальными бороздками. Также бороздкой отделен пояс на плечиках от шейки. На одном сосуде эта зона орнаментирована заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз, на другом — зигзагом, выполненным лестничным мотивом. Плоскодонные сосуды значительно отличаются декоративными схемами. На сосуде из кургана 4 могилы 2 украшен только венчик. Композиция довольно проста — между двумя горизонтальными бороздками помещен двойной зигзаг (его можно рассматривать как вписанные треугольники). Этот орнаментальный мотив очень редко встречается в зоне венчика, а среди керамических материалов эпохи поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья зафиксирован впервые. Другой сосуд маленький, со сложной декоративной схемой. Венчик украшен рядом заштрихованных треугольников, обращенных вершиной вверх. Орнаментальный пояс обрамлен бороздками. По шейке навесены еще две бороздки. Плечики и тулово сосуда украшены рядами заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз. По вершинам треугольников помещены наколы. Подобная орнаментация также типична для ирменской культуры. На сосуде из кургана 2 орнамент представлен двумя горизонтальными бороздками в зоне шейки. Посуде из могильника Журавлево 1 и ее декоративной схеме можно привести довольно большой список аналогов из памятников эпохи поздней бронзы лесостепных районов Западной Сибири. Приведенное описание и рисунки материалов вряд ли могут вызвать сомнения в достоверности культурной принадлежности.

Анализ погребальных сооружений, формы посуды, ее орнаментации, набора бронзовых предметов, который представляет собой устойчивый комплекс, позволяет определить место могильника Жу-

равлево 1 среди других памятников ирменской культуры на территории ее ареала. Большая связь устанавливается с памятниками Кузнецкой котловины. При этом описанный памятник имеет отличительные особенности, которые заключаются в отсутствии камня для сооружения могильных конструкций, в типах ножей, не встречающихся в других погребальных памятниках котловины. Не исключено, что одним из аспектов подобных отличий может быть хронологический.

Примечания

1. Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник. — Новосибирск, 1966. — С. 168–174.
2. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник / К вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 47–62.
3. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). — Ч.4. — Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. — Томск, 1974. — Вып. 12 (приложение). — Рис. 32–5, 7, 8; 67–2; 72; 89.
4. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск, 1985. — Рис. 63–9, 10, 17–26.
5. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981. — Рис. 59–7, 8, 9, 10, 11, 16, 21, с. 179.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 129, 131.
7. Комарова М.Н. Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — Рис. 2–13–16, 23, 24, 26.
8. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — М., 1972. — Табл. 34–13,15; 37–36; 39–7.
9. Маргулан А.Х. Бегазы-даңдыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979. Приложение, табл. 1–2, 4, 6, 7, 12, 13.
10. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. — Новосибирск, 1981. — С. 131–132.
11. Бобров В.В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. — Кемерово, 1985. — С. 29.

О.И. Горюнова

Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья

Период позднего бронзового века на территории Прибайкалья* выделен А.П. Окладниковым на материалах Шиверского могильника на р. Ангаре, в комплексе которого найдено медное втульчатое изделие в виде изображения змея [1; 2 с. 125]. По названию могильника этап получил наименование «шиверский». Время его существования определено XIII–IX вв. до н.э. В виду малого количества инвентаря, этот период остался слабо охарактеризован. Раскопки А.П. Окладникова [3] и М.М. Герасимова [4] на могильнике Фофаново в западном Забайкалье добавили материалы единичных захоронений к общим сведениям по позднему бронзовому веку Прибайкалья. Тем не менее до начала 70-х гг. фактологическая база практически не пополнилась. Раскопки Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета, проводимые с начала 70-х гг. на многослойных поселениях и могильниках Прибайкалья, позволили выделить новые памятники, сопоставимые с карасукским временем [5, 6, 7, 8, 9]. Их комплексы характеризуют, в основном, два признака: сохранение каменного и костяного инвентаря глазковского облика, а в металлообработке — изготовление изделий карасукских типов.

В настоящее время на территории Прибайкалья выделяется несколько локальных групп, датируемых поздним бронзовым веком [10, 11]: собственно шиверская, шумилихинская, мухорская, фофановская и северобайкальская (рис. 1).

Шиверская группа представлена 12 погребениями одноименного могильника, исследованного А.П. Окладниковым [12]. Захоро

*Под Прибайкальем понимается территория верхнего течения рр. Ангары и Лены, западного побережья оз. Байкал и нижнего течения р. Селенги [1; 2, с. 9].

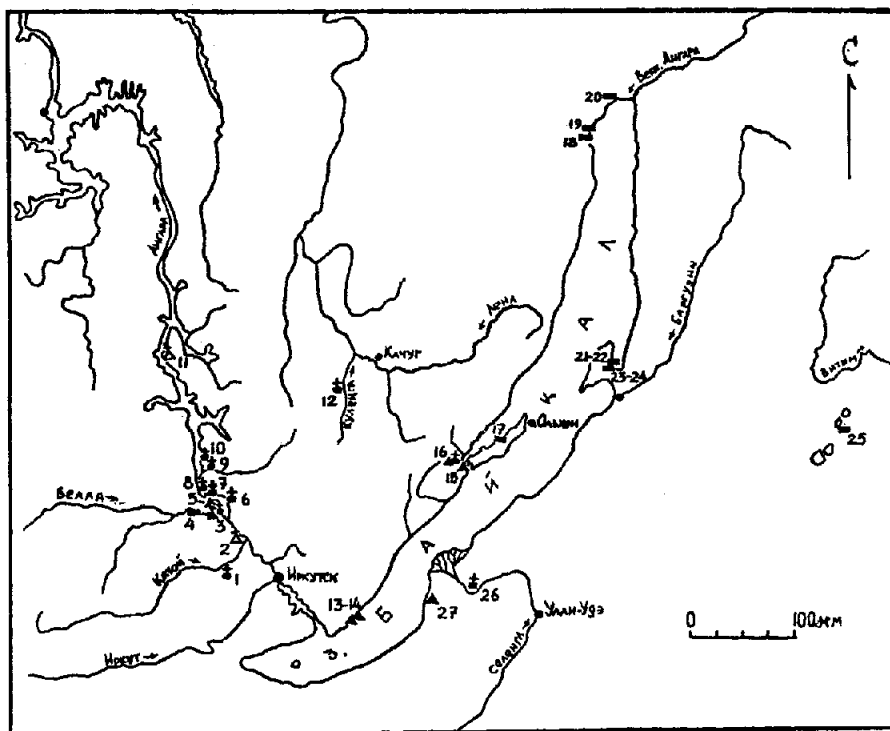

Рис. 1. Карта расположения основных памятников позднего бронзового века Прибайкалья (▲ — погребения шиверской группы; 2 — Идап, 11 — Шиверский могильник; ▲ — поселения мухорской группы: 5 — Усть-Белая, 13 — Обухенка, 14 — Мал. Сенная, 15 — Улан-Хада, 16 — Улярба, 27 — Посольская, ▲ — погребения мухорской группы: 3 — Шумилиха; ● — погребения шумилихинской группы: 1 — Ода, 3 — Шумилиха, 5 — Усть-Белая, 6 — Пономарево, 7 — Лесковка, 8 — Частая, 9 — Усть-Ида, 10 — Городище, 12 — Обхой, 16 — Шидэ I и Улярба; ■ — поселения северобайкальской группы: 4 — Горелый лес, 17 — Шаманский мыс (Шаманка), 18 — Богучанская, 19 — Байкальское, 20 — Лысая Сопка, 21 — Окуеная 4, 22 — Окуеная 3, 23 — Катунь 1, 24 — Соропсыя, 25 — Харга I.

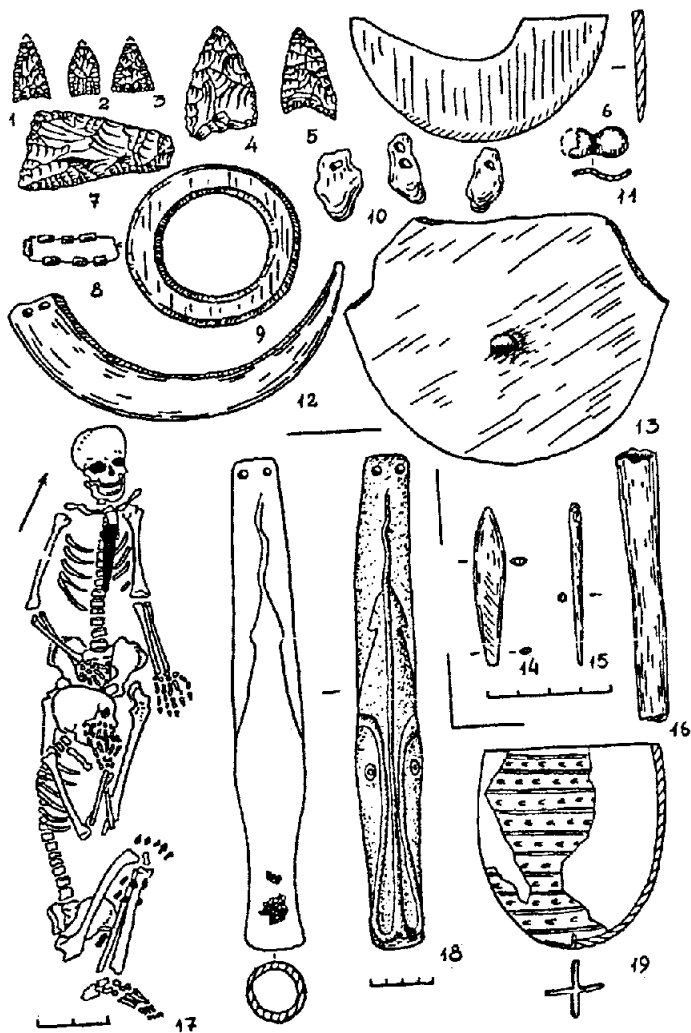

Рис. 2. Комплексы шиверской группы
 (1-10, 12, 14-19 — Шиверский могильник № 1, 5-8;
 11, 13 — Идан № 1-2).

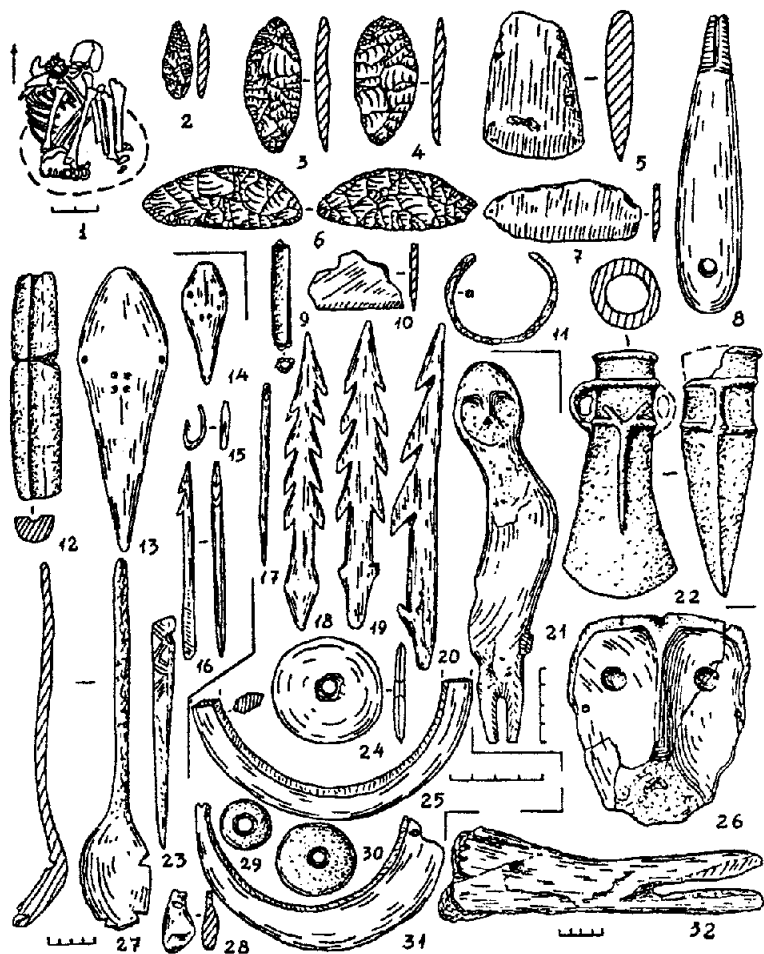

Рис. 3. Комплексы шумилихинской группы:
 (1-32 — Шумилиха №№ 9, 14, 19, 25, 29
 31-33, 37-38, 43, 45).

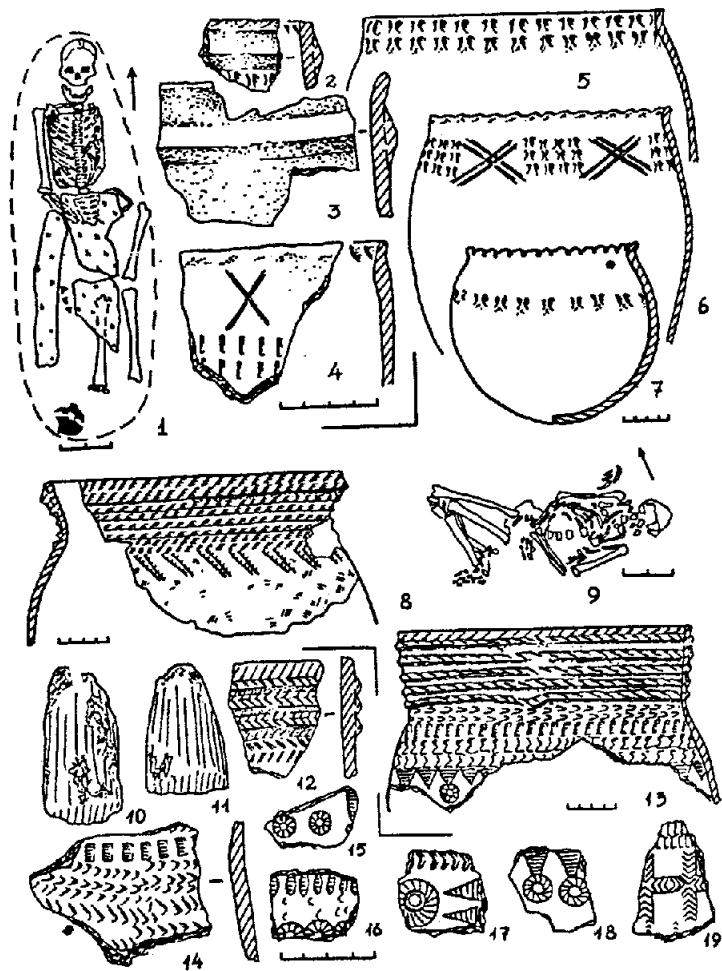

Рис. 4. Комплексы позднего бронзового века:
 1-7 — мухорская группа (1, 7 — Шумилиха № 1,
 2-6 — Улан-Хада, I верхний слой); 8, 12-19 — северобайкальская
 группа (8 — Горелый мыс, I слой 12, 14-16, 19 — Катунь I, IV слой;
 13 — Окуневая 3, II слой; 16-17 — Шаманский мыс (Шаманка);
 9-11 — фофановская группа (Фофаново).

нения располагались под надмогильными сооружениями, выложенными из плит породы. Трупомещение, в основном, вытянутое на спине; в двух случаях (№ 5 и 11) — в скорченной позе, на боку. В могиле № 5 (двойное погребение) — оба трупомещения встречены вместе (рис. 2-17), что свидетельствует о их существовании в одном хронологическом срезе. Вероятно, к этой же группе следует отнести захоронения с трупомещением в скорченной позе, на боку, исследованные в 1956 г. в местности Идан [13, с. 184-185]. Ориентация погребенных — головой на северо-запад (вниз по течению реки). Преобладают одиночные захоронения; в двух случаях (№ 5, 7) — двойные (оба взрослых; взрослый и ребенок). Детские захоронения встречаются и индивидуальные (№ 9, 10). В могиле № 5 — ярусное размещение костяков; внизу — вытянутое на спине, поверх его (в районе нижней половины туловища) — скорченный костяк, расположенный на левом боку. Тазовые кости последнего подвергнуты действию огня. Сопровождающий материал немногочислен: костяная игла (рис. 2-15), игольники (рис. 2-16), наконечники стрел (рис. 2-14), обойма вкладышевого орудия с кремневыми вкладышами, каменные ножи — бифасы (рис. 2-7), пластинчатые ножи из нефрита (рис. 2-6), каменные наконечники стрел с вогнутой и прямой базой (рис. 2-1-5), кольцо и диск из светлого нефрита (рис. 2-9), украшения из клыков марала (рис. 2-10) и расщепленных клыков кабана (рис. 2-12), бусинки из пирафиллита (рис. 2-8) и перламутра [12, с. 121-133]. В целом инвентарь повторяет типологические формы, известные в глазковских памятниках раннего развитого бронзового века Прибайкалья.

В одном погребении (№ 1) зафиксирован круглодонный сосуд, простой, закрытой формы (рис. 2-19). Керамика гладкостенная. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Узор состоит из горизонтальных прочерченных линий, между которыми пояски, состоящие из овальных оттисков штампа. Расположение орнамента — зональное. На дне сосуда крестом пересекающиеся линии, изображающие солярную символику [12, с. 122-123]. Изделия из металла обнаружены в трех погребениях: № 5 Шиверского могильника, №№ 1 и 2 в местности Идан; в погребении № 6 Шиверского могильника отмечен окисел меди на костяке. Металлический предмет из Шиверского могильника представляет собой втульчатое изделие из меди, отлитое в двусторонней форме (рис. 2-18). Оно выполнено в виде стилизованного изображения змси. Вероятно, предмет служил штандартом-навершием [12, с. 126, 167]. По стилистическим и технологическим признакам

литое изображение «змея» ближе всего к карасукским художественным изделиям [2, с. 125], что позволило А.И. Окладникову датировать этап XIII-IX вв. до н.э.

В погребении № 1 могильника Идан найден обломок бронзового зеркала круглой формы, на одной из сторон которого сохранились следы отлетевшей рукоятки, крепившейся к зеркалу на четырех стерженьках (рис. 2-13). В погребении № 2 того же могильника обнаружена ложечковидная подвеска восьмеркообразной формы, изготовленная из бронзы (рис. 2-11). Подобные изделия находят аналогии в карасукских памятниках и датируются поздним бронзовым веком.

Шумилихинская группа выделена в начале 70-х гг. О.И. Горюновой [5], на материалах основной группы захоронений могильника Шумилиха на р. Ангаре (28 погребений). Аналогичные захоронения (рис. 1) в настоящее время встречены на территории Приангарья, Приольхонья и Верхней Лены: Пономарево № 14, Ленковка № 3 (1960) падь Частая № 2, Усть-Белая № 2 (1957), № 1, 2 (1986), Усть-Ида № 19 и Городище II, Ода, Шидэ I, Улярба II № 20, 30, 3 (33), 4 (40), Улан-Хада IV № 5а, 3а, Обхой № 13, Макрушино [11, 14, 15, 16, 17, 18].

В Приангарье почти все погребения шумилихинской группы без надмогильных сооружений (исключение — Городище II и Усть-Ида № 19), в Приольхонье — преобладают под овальными выкладками, состоящими из плит породы. Могильные ямы в виде вертикального колодца. Трупомещение единообразное — в скорченной позе, сидя (рис. 3-1). Как правило, погребенные ориентированы лицом вниз по течению реки. Захоронения индивидуальные; выделяются 3 двойных погребения: Шумилиха № 32 (детское), № 37 (взрослый и ребенок) и Улан-Хада IV № 3а (однополые подростки). Обряд погребения детей — аналогичен взрослым, что говорит о едином, устойчивом ритуале. Различия состоят в количестве и наборе инвентаря, что объясняется половозрастным неравенством. В захоронениях встречаются отдельные пятна охры (на инвентаре, на скелетах).

Характерной особенностью является сохранение для каменных и костяных орудий глазковского облика. В погребениях найдены: топоры и тесла из нефрита (рис. 3-5), листовидные ножи-бифасы (рис. 3-6), накопечники коний и стрел лавролистной формы (рис. 3-2-4), скребки сверла, выпрямители древков стрел с желобком в центре из песчаника (рис. 3-12), абразивы из мелкозернистого сланца, стерженек составного рыболовного крючка с отверстием для крепления острия в расширенном основании (рис. 3-8),

пластинчатые ножи из нефрита (рис. 3-7), кольца и диски из нефрита и мрамора (рис. 3-24, 25, 29-30), проколки [7, с. 18-21]. Многочисленны изделия из кости: одно- и двусторонние гарпуны с выступами-шипами для крепления линия или с ромбовидной системой крепления (рис. 3-18-20), остроги (рис. 3-16), цельнорезный крючок (рис. 3-15), острия (рис. 3-23), наконечники стрел, ложила, скребки из лопаток животных, игольники, иглы (рис. 3-17), отжимники и ложки (рис. 3-27), украшения из клыков марала (рис. 3-28) и расщепленных клыков кабана (рис. 3-31). Большую группу составляет скульптура малых форм. Преобладает образ человека (рис. 3-21, 26) — Шумилиха, № 24, 38; встречается лось (рис. 3-32) — Шумилиха № 38, змея (там же), рыбки-приманки сигообразных и налимообразных форм (рис. 3-13, 14) — Шумилиха № 14, 29, 45. В отличие от глазковских антропоморфных скульптур — шумилихинская группа объемная, обработка двусторонняя, отмечается детализация образа — передача признаков пола [7, с. 24-25; 18, 19, 20].

Изделия из металла немногочисленны (9 предметов); они представлены: 3 грубочками, возможно, игольниками (рис. 3-9) — Шумилиха № 32, 36; Улярба II № 4 (40); 2 незамкнутыми кольцами-браслетами (рис. 3-11) — Шумилиха № 25, 32; 2 обломками изделий, вероятно, ножей (рис. 3-10) — Шумилиха № 31, 33; двухушковым кельтом (рис. 3-22) — Шумилиха № 37 и прямоугольной, литой в двусторонней форме бляшкой — Городище II. Кельт по форме корпуса, сечению, наличию ушек, упрощенному геометрическому орнаменту и валику вокруг втулки отнесен нами к «поясковым» карасукского типа и датированы IX—VIII вв. до н.э. [5; с. 26].

В погребениях шумилихинской группы впервые для комплексов бронзового века Приангарья найдены кости домашних животных: изделия из лопаток быка — № 29, 22; зуб лошади — № 14, подвески из челюстей козы или барана — № 22 [21, с. 30, 32], что свидетельствует о знакомстве со скотоводством.

Необычно помещение погребенного в могильной яме — сидя, в скорченной позе, известно в широком культурном и территориально-хронологическом диапазоне Северной Евразии [22]. Единичные захоронения встречены в памятниках верхнего палеолита, энеолита и раннего бронзового века (в комплексах древнейшей и катакомбной культурных общностей). Часто подобное трупопомещение фиксируется в позднеандроновских комплексах Центрального Казахстана (конец II тыс. до н.э.) — в бегазы-дандыбаевской культуре [22].

Аналогии погребальному обряду находим и в памятниках Восточной Монголии, где захоронения сидя, в скорченной позе датируются в пределах от позднего неолита до эпохи плиточных могил, преобладая в бронзовом веке [23, 24].

Отнесение погребений шумилихинской группы к позднему бронзовому веку подтверждается стратиграфическими наблюдениями на могильнике Улан-Хада IV. Для установления относительной хронологии интерес представляет погребение № 5, содержащее 3 одновременных впускных захоронений разных периодов бронзового века [25]. Самое верхнее (5а) — с трупом помещением сидя, в скорченной позе, было совершено после того, как труп нижележащего погребения (5б) разложился и кости согнутых в коленях ног упали направо. Могильная яма нижнего-двойного захоронения (5в) находилась в стороне от вышележащих погребений (сочетает трупом помещением на спине: вытянутое и с согнутыми ногами).

В целом, способ помещения покойных в могильную яму, характерный для ряда культур, преимущественно бронзового века сопредельных территорий, химический состав металла, появление втульчатых орудий, изготовление металлических изделий способом литья в закрытой форме, наличие орудий карасукского облика, знакомство со скотоводством и некоторые стратиграфические наблюдения — позволили датировать шумилихинскую группу поздним бронзовым веком (IX—VIII вв. до н.э.) несмотря на полученные даты C_{14} , которые определяют ее возраст неолитическим временем: 4040 ± 40 л.н. — 4850 ± 70 л.н. [26]. Считаю даты по шумилихинской группе погребений позднего бронзового века сильно удревленными.

Мухорская группа позднего бронзового века Прибайкалья (названа по заливу оз. Байкал, где расположен основной памятник) представлена стратифицированным комплексом 1 верхнего слоя поселения Улан-Хада (рис. 1). Комплекс выделен в 1974 г. Н.А. Савельевым и О.И. Горюновой [6, с. 58–59; 8, с. 50–51]. Аналогичная керамика известна с местонахождений западного и юго-восточного побережья Байкала: Посольская стоянка (раскопки Е.А. Хамзиной, 1959 г.), Улярба 1 (сборы Л.П. Зяблина, 1959 г.), Малая Сенная и Обухейха (раскопки К.Х. Купнаревой и И.Н. Жлопина, 1959 г.); с побережья р. Ангары: Усть-Белая и Шумилиха, погребение № 1 могильника Шумилиха [27, с. 7; 7, с. 27].

Для керамики мухорского типа характерны круглодонные сосуды простой и сложной закрытой формы. Поверхность посуды гладкостенная. Встречаются сосуды с «воротничками» (рис. 4–2,3). Орнамент более упрощен по сравнению с развитым бронзовым веком.

Исчезают старые мотивы узора. Появляются новые элементы орнамента — ногтевые зацепы, которые становятся ведущим элементом узора (рис. 4-2, 5-7); широко распространена солярная символика, выполненная прочерченными линиями (рис. 4-4, 6). Основной мотив — в виде горизонтальных сплошных или разорванных солярной символикой линий. Ряды выполнялись зацепами или вдавлениями прямоугольного штампа.

Каменный инвентарь повторяет основные типологические формы комплексов развитого бронзового века [8].

Захоронение № 1 могильника Шумилиха — с трупом помещением вытянутом на спине (рис. 4-1); ориентация головой на север (вниз по течению реки). Погребенная обернута в бересту. Сопровождающий инвентарь представлен круглодонным сосудом, сложной закрытой формы. Поверхность — гладкостенная. Орнамент состоял из пояса ногтевых зацепов (рис. 4-7). Подобный погребальный обряд встречен в детском захоронении № 22 (1948 г.) Фофановского могильника, в инвентаре которого найдены: 2 топора из нефрита (рис. 4-10, 11), подвески из клыков марала и бронзовый кинжал карасукского облика [3, с. 89]. По определению А.П. Окладникова последний датируется XIII-XII вв. до н.э.). Керамика орнаментированная ногтевыми зацепами появляется в лесостепном Приобье, Барабе и Среднем Прииртышье в комплексах позднего бронзового века — X(IX)-VIII вв. до н.э. [28, с. 147, 150]. Учитывая вышеназванные аналогии, а также стратиграфическое расположение 1 верхнего слоя Улан-Хады считаем правомерным отнести комплекс к позднему бронзовому веку и датировать его X-VIII вв. до н.э. [6; 8; 29]. По погребению № 1 могильника Шумилиха получена дата по C_{14} — 3900 ± 40 (ГИН-4125) л.н. [29, с. 22]. Комплексы поселений развитого бронзового века, подстилающие слой позднего бронзового века, датируются методом C_{14} в пределах XVIII (XVI)-X вв. до н.э. [30]. Тем самым, дата по погребению № 1 могильника Шумилиха, выглядит удревленной.

Фофановская группа погребений (5 могил) позднего бронзового века Западного Забайкалья выделена в 1959 г. М.М. Герасимовым при раскопках одноименного могильника (III группа по М.М. Герасимову). Комплекс выделен из разновременных захоронений стратиграфически [4]. Было установлено, что захоронения III группы совершены после того, как почвенный слой глазковского времени был покрыт новым слоем лессовидного суглинка. Для захоронений характерно: отсутствие надмогильных сооружений, трупом помещенное — на спине, с согнутыми в коленях ногами (рис. 4-9), ориентация головой от северо-востока до юго-востока. Встречаются индивиду-

дуальные, двойные (№ 38) и коллективные (№ 41) погребения. В последнем случае — размещение костяков ярусное. Почти все захоронения грабленные. Вещей сохранилось малое количество: игольник из кости и фрагменты обоймы костяного вкладышевого орудия.

Рассмотренные захоронения относятся к позднему бронзовому веку по стратиграфическим наблюдениям и датируются X–VIII вв. до н.э.

Северобайкальская группа позднего бронзового века представлена комплексами поселений, распространенных на территории восточного и северного побережья оз. Байкал. Отдельные находки керамики северобайкальского типа обнаружены на о. Ольхон: Хатха и Шаманский мыс (Бурхан). В стратиграфических условиях комплексы выделены на поселениях: II слой Окуневой 4, III слой Окуневой 3, IV слой Катунь 1, Лысая Сопка, IV слой Байкальской 4, II слой Северобайкальска 1 и Богучанской 13 [9, с. 134–136; 32, с. 145; 33, 34].

Комплексы отнесены к позднему бронзовому веку во второй половине 80-х гг. О.И. Горюновой на основе их стратиграфического положения на многослойных стоянках Катунь 1 и Окуневая 4, где они залегают между слоями развитого бронзового века и переходного периода к железному веку.

Каменный инвентарь комплексов характеризовать сложно в связи с его малым количеством на стратифицированных памятниках. Изделия из металла на стоянках не обнаружены.

Для северобайкальской группы характерны круглодонные сосуды сложной (реже — простой), закрытой формы (рис. 4–13). Поверхность гладкостенная, встречается штриховая. Преобладают сосуды с высокими шейками, украшенные параллельными горизонтальными налепными валиками — «воротничками», оформленными скобчатыми насечками (рис. 4–12, 13). Тулово орнаментировано сложными построениями, сочетающими параллельные линии, выполненные отступающей лопаточкой, пояса ромбов, прямоугольников и треугольников (заштрихованы горизонтальными, падающими линиями или шахматной сеткой), штамповые отгибки розеток, крестообразных знаков (рис. 4–13–16, 19). Расположение орнамента — зональное. Рисунок покрывает верхнюю часть сосуда; дно не орнаментировано.

Керамика подобного типа зафиксирована в I слое поселения Горелый Лес на р. Белой — Верхнее Приангарье [35, с. 174], ниже которого расположен слой развитого бронзового века. Комплекс малочислен, представлен одним сосудом сложной, закрытой формы, с высокой шейкой и расширенным туловом (рис. 4–8). По-

верхность керамики — штриховая. Вдоль венчика и по шейке расположены ряды валиков — «воротничков», украшенные насечками зубчатого штампа. От последнего «воротничка» на тулово свисают наклонные парные линии, выполненные тем же штампом. Различия в приемах орнаментации сосуда с Горелого Леса и типично северобайкальской керамики, вероятно, носят локальный характер в рамках одного керамического пласта.

Впервые подобная керамика была выделена В.В. Свининым на Северном Байкале и датирована им поздним неолитом [32, с. 58]. Последующие исследователи поселения Лысая Сопка [33], базируясь на орнаментальных особенностях керамики, посчитали возможным отнести ее к раннему бронзовому веку, определив временем — середина II тыс. до н.э. Учитывая своеобразие керамики Т.А. Абдулов и Н.П. Пилипчук предложили выделить ее в особый северобайкальский тип [33, с. 64]. Опираясь на стратиграфическое положение комплексов с подобной керамикой на памятниках Окупева 4, слой II, а впоследствии Катунь 1, слой IV, О.И. Горюнова и Ю.П. Лыкин уточнили датировку вначале — 2 половиной II тыс. до н.э. [9, с. 139], затем — X–VIII вв. до н.э. Последнюю датировку поддерживает и Ю.С. Гришин, который сравнивает северобайкальскую керамику с орнаментами на кельтах красноярско-ангарских типов и на основе этого относит ее к позднему этапу карасукского времени [36].

Форма северобайкальской керамики (высокая, прямая шейка и довольно раздутое тулово), ряд элементов орнамента и их композиция — имеют существенное сходство с посудой карасукского времени Южной Сибири [37, табл. XIII, XVI], что подтверждает предложенную датировку (X–VIII вв. до н.э.). Территория распространения памятников северобайкальской группы охватывает восточное и северное побережье Байкала (до Приольхонья) и встречается в верхнем Приангарье. Некоторое сходство в оформлении сосуда (украшение высокой шейки налечными валиками — «воротничками», орнаментированными скобчатыми насечками) отмечается на керамике со стоянки Харга 1 (район Еравнинских озер Бурятии), датируемой Л.Г. Ивашиной ранним бронзовым веком — I тыс. до н.э. [37, с. 59–68, 122]. На наш взгляд возраст поселения Харга 1 автором раскопок несколько удривлен.

В настоящее время не совсем ясным остается вопрос культурно-хронологических взаимосвязей между выделенными на территории Прибайкалья комплексами разных групп, датируемых поздним бронзовым веком.

Примечания

1. Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. — 1938. — № 1(2). — С. 244–260.
2. Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях р. Селенги // КСИИМК. — 1950а. Вып. 35. — С. 85–90.
3. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.-Л.: Наука, 1950б. — Ч. 1–2: Ист.-археол. исслед. — 412 с. — (МИА. — № 18).
4. Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 году // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — С. 23–48.
5. Горюнова О.И. К вопросу о сидячих погребениях в Прибайкалье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 171–175.
6. Горюнова О.И. Периодизация неолита и палеометалла побережья оз. Байкал // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. — Якутск, 1982. — С. 57–59.
7. Горюнова О.И., Смотрова В.И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха: (Анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 17–28.
8. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов Евразийских степей в древности. — Барнаул, 1993. — С. 94–117.
9. Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники и-ова Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С. 130–147.
10. Горюнова О.И. Бронзовый век на территории Предбайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. — С.-Пб., 1992. — С. 50–53.
11. Горюнова О.И. Современное состояние вопроса о позднем бронзовом веке Прибайкалья // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. — Владивосток, 1993. — С. 81–85.
12. Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1975. — 319 с.
13. Рыгдылов Э.Р., Хороших П.П. Погребения в местности Идан: (Восточная Сибирь) // Советская археология. — 1958. — № 3. — С. 184–185.

14. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.-Л.: Наука, 1955. — Ч. 3: Глазковское время. — 347 с. — (МИА. — № 43).
15. Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974. — 319 с.
16. Грязнов М.П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 году. — Архив Ин-та археологии АН СССР; Р.-1, № 2023. — 242 с. — Л., 1960.
17. Панковская Г.И., Смотрова В.И. Древний могильник Улярба на Среднем Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 71–85.
18. Смотрова В.И. Исследования могильника Улярба // Археологические открытия 1983 года. — М., 1985. — С. 242–243.
19. Горюнова О.И. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 2. — С. 129–140.
20. Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре: (по материалам могильника Шумилиха) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 38–45.
21. Иваньев Л.Н. Фауна позвоночных животных из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 29–32.
22. Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. — 1991. — № 203: Исследования памятников неолита и бронзы. — С. 32–38.
23. Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в Монголии в 1967 году // Изв. СО АН СССР. — Новосибирск, 1968. № 11, вып. 3. — С. 104–115.
24. Волков В.В. Погребение в Норовлин Уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975. — С. 76–79.
25. Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. — Иркутск, 1992. — С. 32–41.
26. Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по C_{14} погребений Прибайкалья в эпоху голоцена // Советская археология. — 1989. — № 1. — С. 19–32.
27. Савельев Н.А., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л., Горюнова О.И., Петрова Н.А., Панковская Г.И. Могильник в местности Шумилиха: (описание исследованных погребений) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 7–17.

28. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1985. — 200 с.
29. Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала — Иркутск, 1992. — С. 41–56.
30. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 40–54.
31. Лыхин Ю.П. Работы в Чивыркуйском заливе // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1987. — С. 143–145.
32. Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье оз. Байкал в 1963–65 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–65 гг.: Материалы к докладам на научной сессии ИА АН СССР. — Иркутск, 1966. — С. 50–69.
33. Абдулов Т.А., Филиппчук Н.П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале (по материалам 1979 года) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 55–70.
34. Рыков Г.К. К вопросу о северобайкальской культуре // Первая Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл. — Владивосток, 1991. — С. 17–19.
35. Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес: (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 1. — С. 160–199.
36. Гришин Ю.С. О керамике стоянки Лысая Сопка на Байкале // КСИА, 1986. — Вып. 185. — С. 66–70.
37. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М.-Л.: Наука, 1949. — 364 с.
38. Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1979. — 157 с.

О.М. Рындина

Комплексная природа орнамента и методика ее исследования

Любое явление, связанное с жизнедеятельностью человеческого коллектива, неминуемо несет на себе отпечаток всего социального организма в целом, однако различные составные последнего имеют при этом далеко не равнозначную степень отражения. Комплексность столь притягательного для исторических дисциплин предмета исследования, как народный орнамент, обусловлена, во-первых, теснейшей его связью с мировоззренческими основами самих создателей узоров (семантический аспект исследований), во-вторых, выражением традиционных эстетических установок, сложившихся в определенной этнической среде (художественный аспект) и, в-третьих, обусловленностью технико-предметных характеристик орнамента общим состоянием бытовой сферы культуры (прикладной аспект). Для всестороннего раскрытия орнаментального феномена необходимо углубленное изучение различных сторон его проявления. Историографическая ситуация сложилась таким образом, что орнаментальное творчество народов Западной Сибири изучалось, исходя прежде всего из его изобразительных характеристик [1]. При этом оставались в тени сами анализируемые признаки, вернее они были сведены к минимуму. И если методы исследования семантического поля орнамента, предполагающие его экстраполяцию на мировоззренческую картину, мало предрасположены к формализации, то художественный (в том числе и изобразительный) и прикладной аспекты исследования — благоприятная почва для применения четко разработанного набора анализируемых признаков. Однако, здесь всецело господствует триада рассматриваемых черт: материал—техника—мотив, дополненная описанием круга орнаментированных предметов. А ведь для того, чтобы лучше понять целостность, пусть даже в определенных рамках, необходимо ее расчленить, проследить закономерности функционирова-

ния отдельных составных и установить характер и направление их взаимодействия.

В данной статье предлагается набор признаков и их возможных значений для описания орнамента с точки зрения прикладного и изобразительного начал последнего. Список этих признаков был составлен автором статьи совместно с Н.В. Лукиной для статистической обработки орнамента на ЭВМ, но в сокращенном варианте он может быть использован и для визуальной обработки материала, например, с помощью ручных перфокарт. Именно таким образом обрабатывался массив данных по обско-угорскому орнаменту, включая практически весь этнографически обозримый материал и приводимые здесь примеры являются результатами проведенного анализа, итоги которого к настоящему времени еще не опубликованы. При описании признаков в статье сохраняется сплошная нумерация.

1-4 признака содержат общие сведения об орнаментированном предмете:

1. Порядковый номер предмета.

На одном предмете возможно бытование нескольких узоров, например, на восточнохантыйской берестяной коробке их число достигает 10, а на южнохантыйской вышитой женской рубашке приближается к 20. Соответственно при статистической обработке на ЭВМ предмет должен описываться 10-20 строками в матрице данных. Благодаря порядковому номеру сохраняется целостность информации о нем, что создает равновозможные варианты для анализа данных как на уровне отдельных узоров, так и на уровне орнаментированных предметов. В случае ручной обработки данных этот признак не обязателен.

2. Этнос: ханты, манси, селькупы, венцы и т.д.

3. Этноподразделение: южные, северные, западные, восточные и т.д.

4. Время фиксации материала.

5-15 признаки характеризуют прикладную сторону орнамента, то есть его слитность с вещью, к которой он приложен.

5. Категория орнаментируемого предмета: одежда, украшение, утварь, орудия труда, средства передвижения и т.д.

У различных этносов и этнических групп существует определенная область предметов, в которой декоративные потенции народа достигают своего наивысшего расцвета. Для северных групп обских угров это — меховая одежда и утварь (женская сумочка для рукоделия), для восточных хантов — берестяная утварь, а для южных хантов и восточных манси — женская одежда из холста.

6. Орнаментированный предмет: сак, шуба, рукавица, нагрудное украшение, весло, кряк для колыбели, кройльная доска и т.д.

Поскольку конкретные орнаментированные предметы даже в рамках одной этнической культуры отличаются большим разнообразием, а количество градаций у признаков при машинной обработке ограничено, то 5–6 признаки могут взаимоперекрещиваться следующим образом: 5 — одежда и украшения: сак, шуба, рукавица, нагрудное украшение, пояс и т.п.; 6 — утварь: студа, табакерка, коробка, кузов и т.п.; 7 — орудия труда и средства передвижения: весло, выбивалка для снега, пряслице, наконечник стрелы и т.п.; 8 — сакральные предметы: головной убор шамана, «медвежьи» рукавицы, шаманский коврик, «богатырский шлем» и т.п.

7. Орнаментируемая часть предмета: стенка, дно, крышка, одна пола, две полы, рукав, воротник, ручка, лопасть, почти весь предмет и т.д.

8. Характер расположения орнамента на украшаемой части предмета: кайма по краям, полоса по низу, полоса по верху, полоса вдоль середины, локализация в центре, сплошное заполнение и т.д.

7–8 признаки отражают композиционное решение декорируемой поверхности. Особенности этого решения позволяют выявить общие закономерности в развитии целого ряда орнаментированных предметов, что имеет историческую и этническую окраску. Так, орнаментальная топография хантыйской женской одежды проводит четкую грань между северной и южной группами этноса с одной стороны, и восточной, с другой. У первых расположение узоров на поверхности изделия согласовано с традицией ношения распашной одежды встык, а у последних декоративное убранство подчинено специфике запахивающейся одежды. Кроме того, на основе композиционного своеобразия можно вести речь о двух линиях в развитии одежды у северных и южных хантов. Одна проходит через суконные сахи, украшенные металлическими отливками, кафтаны с бисерным убранством, холщевые вышитые сахи и обусловлена особенностями распашной одежды. Вторая ставит в единый ряд вышитые рубахи и сахи, хлопчатобумажные сахи с аппликативными орнаментами и шубы, а ее специфика становится понятной при обращении к покрою глухой одежды. Важность такого орнаментального показателя, как композиция на предмете, заключается еще и в его семантической окраске, ведь располагая орнамент по строго установленным традиционным канонам, мастерица тем самым отражает и пространственные ориентации, выработанные в данной этнической среде.

9. Соотношение внешней и внутренней сторон орнаментируемого предмета: узор на внешней стороне, узор на внутренней стороне, одинаковые узоры на внешней и внутренней сторонах и т.д.

Данный признак также уточняет детали орнаментальной композиции, которые могут иметь серьезный смысловой подтекст. Так, обско-угорская береста имеет наружный декор, кроме низких сосудов подпрямоугольной формы, служащих черпаками и чашками. У последних узоры покрывают внутреннюю поверхность, подчиняются определенным изобразительным правилам, а попытки объяснения композиционного и узорного своеобразия ведут к обско-угорской церемонии медвежьего праздника.

10. Соотношение вещи и орнамента: единое целое, орнамент как составная конструктивная часть, как наложение и т.п.

Акцентирование исследовательского внимания на этом признаке позволяет проследить преломление на конкретном материале весьма распространенной декоративной тенденции. Нерасчлененность предмета и исполненного на нем орнамента на начальном этапе декоративной эволюции, последующее расширение художественных прав орнамента, что ведет в конечном итоге к доминированию его над вещью. Так, воротники к женским восточноантыйским шубам изготавливались из кусочков сборного меха, расположенных с учетом цвета в шахматном порядке. Исполнение орнамента в данном случае означало одновременно и изготовление самой вещи. На суконных воротниках к сакам, которые служили чехлом для шуб и в виде самостоятельной одежды нашивались литые узорные пластиночки из олова, повторяя в основных чертах меховую композицию. Позднее пластиночки заменило нашивание бисера, а затем воротник трансформировался в нагрудное украшение, состоящее из бисерных лент.

11. Материал предмета: дерево, береста, кора, ровдуга, мсх, металл, кость, ткань и т.д.

12. Материал орнамента: дерево, береста, краски, нитки, бисер, оленин волос и т.п.

13. Техника: штамп, аппликация, раскраска, выскабливание, мозаика, трехгранно-выемчатая резьба и т.п.

14. Принцип цветового решения орнамента: цвет предмета не меняется, выявляется скрытый природный цвет материала, искусственно меняется цвет предмета, сочетаются цвета, не меняемые в процессе орнаментации и т.п.

Такие признаки, как орнаментальный материал и техника традиционно присутствуют в исследованиях орнамента и нет необходимости обосновывать их важность. Выделение предметной основы

и собственно орнаментального материала и рассмотрение их с учетом техники, подводит к принципу цветового решения и дает основание вести речь о различной стадиальности в подходах к орнаментации определенного материала. На более ранней стадии, как правило, наблюдалось совпадение двух материальных компонентов: исполнитель создавал орнамент, наблюдая за природными свойствами материала и искусно используя их: в выскабливании на бересте применялся различный цвет ее закопченной поверхности в той части, с которой снята верхняя пленка, в мозаике — различная форма и окраска сборных кусочков меха и т.п. На более поздней стадии развития природные возможности орнаментируемого материала дополняются искусственно созданными, что дистанционирует материал вещи от материала орнамента: фигурный кант и бисер в меховой мозаике, аппликация с подкладным фоном из ткани на бересте, нашивание бисера на ткань и т.п.

15. Особенности исполнения мотива: окаймление по линии узора тканью, окаймление по линии узора оленьим волосом, фигурный кант по краям и т.п.

Технические особенности исполнения орнамента, отраженные в данном признаке, оказываются порой более информативными с точки зрения этнической специфики, чем собственно орнаментальная техника. У северных и восточных хантов существовали узоры, нанесенные на ровдугу краской, но лишь у последних бытовало их оконтуривание оленьим волосом, в результате чего орнаментальная линия приобретала криволинейность и шипообразные окончания. Очевидно, здесь следует искать разгадку в специфичности криволинейных узоров на бересте у восточных хантов — шипообразные окончания.

Последующая часть признаков характеризует изобразительную сторону орнамента.

16. Цветовой спектр узора: монохромный, диахромный, полихромный.

Совершенно очевидна связь данного параметра с № 14. Вместе с тем, он имеет и относительную самостоятельность, обусловленную сдерживающим фактором традиции. Так, широкое использование для орнаментации покупных материалов создает благоприятные возможности для перехода от природной моно- и диахромности к полифонии цвета. Вместе с тем, на первых порах этого не наблюдается: двухцветные узоры, сплетенные из бисера, аппликативные полосы на сажах выполняются из одного и того же материала, что также предполагает двойной цветовой набор с учетом материала предмета.

17. Название узора: зооморфное, растительное, бытовое, астральное и т.п.

Наряду с выходом в семантику, орнаментальное название содержит в себе сведения, позволяющие проследить историю развития конкретного мотива. Однако, при этом следует помнить и о значительной доле субъективизма, кроющегося в поминативной информации.

18. Характер орнаментальной линии: контурная, ширококонтурная, двойной контур, точечная и т.п.

Данный показатель способен расчленивать кажущееся орнаментальное единство и соединить разрозненные состояния. Среди обско-угорских узоров, выскобленных на бересте, выделяются изображения на чашках и черпаках, которые обладают двойным контуром с одной стороны, и преобладающая масса ширококонтурных орнаментов самой различной конфигурации на коробках и сосудах. Первая манера исполнения узоров связана с наиболее древним способом обско-угорской вышивки — «продернутая вышивка», — также предполагавшем двойной контур, а ширококонтурность орнамента помимо бересты хорошо представлена в «хантыйской» и «мансийской» вышивке (единый способ), в раскраске на ровдужной обуви и рукавицах, в меховой мозаике на одежде и утвари. Однако, этот орнаментальный показатель вырабатывается параллельно на различных материалах и предметах, в различных техниках и является сквозной орнаментальной характеристикой на определенном срезе развития декоративного творчества.

19. Соотношение фона и узора: преобладание узора, преобладание фона, равенство фона и узора, зеркальное равенство фона и узора.

Будучи связанным с техникой, материалом и характером орнаментальной линии, этот показатель способен высветить проблемы, касающиеся закономерностей развития орнамента. Так, равенство фона и узора, прежде всего зеркальное, вполне объяснимо применительно к меховой мозаике, но оно возобладало в творчестве обских угров почти на всех материалах и при всех технологиях, очевидно по причине сильных декоративных импульсов, исходивших от меховой мозаики.

20. Заполненность фона и узора: узор заполнен мелкими включениями, фон заполнен мелкими включениями.

Применительно к хантыйской бересте данная черта играет роль этногруппового маркера: лишь у северной группы присутствуют изобразительные включения в фоновой части, а в восточной группе разнообразием и конфигурацией своих дополнительных элементов выделяются александровские ханты.

21. Геометрические особенности мотивов: прямолинейные, криволинейные, смешанные.

За указанными геометрическими особенностями у обских угров кроются и межгрупповые различия: развитие криволинейных форм выделяет декоративное искусство северных манси и хантов (р. Кызым) и восточных хантов. Более того, различный характер криволинейности, очевидно, свидетельствует о различных путях ее формирования на бересте у северных групп и восточных хантов.

22. Характер связи мотивов и узора: лепточный, из отдельных фигур, смешанный (например сложнооформленный зигзаг с набором элементов в его изгибах).

На различных материалах обские угры выработали разнообразные приемы соединения мотивов, но при этом наблюдается склонность к слитному узорному полку, заданному зигзагом.

23. Роль мотива и узора: основной (наиболее существенный), окаймляющий сверху, окаймляющий снизу, образующий ярусы, образующий зоны-секции, вспомогательные элементы и т.п.

Подобная традиция необходима в силу наличия внутренней специфики в развитии основных и окаймляющих узоров. Основные мотивы более выразительны, разнообразны и информативнее: их основные и переходные формы подробнейшим образом отражают сложный путь, пройденный орнаментальным искусством. Окаймляющие прежде всего интересны тем, что представляют собой наиболее реликтовые орнаментальные формы. К тому же степень развитости тех и других может существенно различаться по этническим подразделениям и свидетельствовать об особенностях исторического пути самих создателей узоров. Так, орнаментальное творчество северных манси выглядит более консервативным, поскольку в нем не только представлены все основные формы окаймляющих узоров, известных другим группам обских угров, но и имели место различные варианты этих форм, в то время как для основных узоров отмечается стагнация. У остальных групп обских угров ситуация противоположная: все внимание при исполнении уделено ведущим мотивам сложнейшей конфигурации, а окаймляющие предельно просты.

Три последних признака отражают композицию в самом орнаменте, вернее один из ее показателей — симметрию.

24. Категории симметрии узора: бордюр, розетка, сатка.

25. Вид симметрии узора: $a:m$, $a \cdot m$, $a:2$; $4 \cdot m$, $2 \cdot n$; $(a:a)$; $4 \cdot m$, $(a/a):2 \cdot m$ и т.д. [2].

26. Сравнительный ритм: горизонтальный, вертикальный, диагональный и т.д.

Первые две характеристики взаимосвязаны: вторая детализирует первую и обе вполне приемлемы для этнографического исследования орнамента. Именно предпочтение, отдаваемое сетчатой структуре орнамента, выделяет творчество восточных манси, поскольку в обско-угорском искусстве господствуют бордюры. Но у различных этнических групп наблюдается определенная специфичность в отношении приоритетности того или иного вида бордюрной симметрии: южных хантов отличала склонность к виду $a:m$, северных — $a \cdot m$, северных манси — a , и это при том, что для всех были типичны виды $a:m \cdot m$ и $a:m \cdot \bar{a}$.

Все перечисленные признаки определяют единый и цельный предмет-орнамент и в силу этого взаимозависимы. Определить количественную меру этой зависимости между различными характеристиками можно лишь с использованием методов статистической обработки, например, факторного анализа [3]. Но уже в обосновании признаков, приведенном в данной статье, связь эта прослеживается с достаточной очевидностью. Чтобы нагляднее продемонстрировать комплексность действия этих признаков, приведу результаты исследования орнаментального генезиса на примере одного лишь предмета — рукавиц.

Наиболее ранним этапом здесь следует признать декор на ровдужной поверхности изделия, выполненный в технике раскраски и мозаики. Описанными способами наносилось стилизованное изображение, скорее всего медведя, так как только этот стилизованный рисунок прослеживается у всех групп обских угров. Кроме того, изображение медведя фиксировалось в конце XIX века на северомансийских рукавицах. Восточнохантыйская розетка была построена на основе S-образной фигуры, но имела черты весьма заметного сходства со стилизованными формами медведя. Именно у этих двух групп отмечены следы исходного декора рукавиц. Замена ровдуги на ткань, добавление к мозаике аппликации при сохранении стилизованных изображений знаменовала собой следующий этап, отраженный в материалах по северным группам хантов и манси.

В дальнейшем новации коснулись не материала и техники, а самого орнаментального сюжета: стилизованные изображения сменились бордюрами, непрерывными горизонтальными у северных манси, северных и южных хантов и составленными из треугольников, вертикальными у восточных хантов. Связанные на спицах шерстяные изделия восприняли композиционные и конфигурационные особенности своих матерчатых предшественников. Это произошло в рамках орнаментальной культуры восточных манси и северных хан-

тов. Параллельно с рукавицами на этом этапе развивался декор вязаных шерстяных чулок, а позднее — гольфов. С учетом последних к цепочке орнаментального генезиса присоединились и южные ханты. Именно на вязаных изделиях отчетливо проявились композиционные особенности мансийских узоров — предпочтение сетчатой структуре.

Примечания

1. См. Прокофьева Е.Д. Орнамент селькупов // КСИЭ. — М.-Л., 1950; Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. — М.-Л., 1953, Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // ТИЭ. — М.-Л., 1963; Хомич Л.В. Ненцы. — Л., 1966; Богомолов В.Б. Орнамент томских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978 и др.
2. Характеристика видов орнаментальной симметрии содержится в книге Шубникова А.В., Кошкина В.А. Симметрия в науке и искусстве. — М., 1972.
3. См.: Енюков И.С. Методы, алгоритмы, программы многомерного статистического анализа: пакет ППСА. — М., 1986.

П.И. Шульга

Поселение Чепош-2 на средней Катунь

В ходе проводимых автором работ по выявлению и изучению древних поселений III тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на территории Республики Алтай и Алтайского края (Чарышский, Солонешенский и Алтайский районы) обнаружено более 100 поселений афанасьевской культуры, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [26, 27, 28; 5, с. 205; 29, 30, 31, 32, 33]. Раскопки проводились преимущественно на памятниках I тыс. до н.э. Анализ полученных материалов позволил предварительно вычлениить две группы поселений, условно названных «скотоводческими» и «земледельческими» [29, с. 85; 30, с. 10]. В рамках 1 группы выделялись памятники с пазырыкской керамикой (поселение Куротинский Лог-1 у с. Туэкта и др.) и керамикой смешанного типа (Элекмонар-4, Узнезя-1 и др. на Средней Катунь [33, с. 65]. «Земледельческие» поселения подразделены на памятники с керамикой чепошского и кастахтинского типов.

Ниже публикуются материалы поселения Чепош-2, расположенного в 2 км к юго-востоку от кладбища с. Чепош Шебалинского района Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, на южном склоне (5–13°), уплощенной террасовидной возвышенности, ограничивающей долину с северо-востока. Река Катунь протекает на расстоянии более 1 км к юго-западу. Водных источников поблизости нет (рис. 1). Южная часть поселения уничтожена карьером. Сохранившаяся северная к началу работ имела площадь около 6 тыс. м². По сообщениям местных жителей при разработке карьера находили кости, глиняные горшки и бронзовые предметы. Вещи утрачены. Разведки 1985–1987 гг. выявили у с. Чепош комплекс разновременных археологических памятников (рис. 1). В 150 м к ЮЗ от поселения Чепош-2, рядом с Чемальским трактом находится афанасьевское поселение и могильник Чепош-3, где в 1987 г. нами был вскрыт один курган с захоронениями афанасьевской культуры [34].

В 2,3 км к юго-востоку от кладбища с. Чепош, у подножья горного склона находится поселение Чепош-1. Через 300 м к юго-востоку, также между Чемальским трактом и горным склоном, у опор ЛЭП, найдено поселение Чепош-4, с керамикой афанасьевского облика [25]. В 800 м к северу от кладбища с. Чепош у края высокой левобережной террасы р. Нижний Чепош, выявлено крупнейшее в Горном Алтае средневековое городище диаметром 170 м, с тройной линией защитных сооружений, шириной до 18 м. В целях датирования автором закладывались шурфы (Шульга, отчет за 1987 г.). На противоположном, правом берегу р. Н. Чепош, найден развал сосуда эпохи бронзы, обломки литейных форм. Неподалеку, на ручье Чичка — поселение с афанасьевской керамикой. Выше по реке Н. Чепош, на впадающей в нее р. Каралька, обнаружены размываемые стоянки каменного века [27]. Поселение Чепош-2 открыто автором в 1985 г. [27]. Его раскопки проводились в 1986 и 1987 гг. Вскрыта площадь 700 кв. м.

Памятник однослойный. Культурный слой мощностью 20–25 см отличался от выше- и нижележащего гумуса большим количеством мелких камней, сланцевых плиток, галек, отчего выглядел более светлым и неоднородным. Мощность гумуса — 50–85 см. Особенно хорошо культурный слой прослеживался в юго-западной части поселения, где находились остатки древней мусорной свалки, разрушенной карьером (рис. 16) — на один м² здесь приходилось до 80–120 фрагментов керамики. Количество находок постепенно уменьшалось по направлению к северу и в стороны от краев карьера. Раскопки показали, что основная часть поселения с жилищами и очагами уже уничтожена карьером. На исследованной территории найдено 30 хозяйственных ям, из них ямы №№ 3, 11, 12 являлись остатками временных летних сооружений без очагов, где производились определенные хозяйственные работы, в частности, помол зерна, на что указывают зернотерки. Здесь же встречаются обломки глиняных пряслиц, галечки со следами сработанности и слабообожженные чаши (рис. 2), в которых хранение и приготовление жидких продуктов было, по-видимому, невозможно. Несмотря на частое присутствие мелких угольков, найдено лишь одно небольшое кострище. Почти нет закопченной керамики, со следами нагара. Все это говорит о том, что на вскрытой окраине поселения приготовлением пищи не занимались.

Хозяйственная яма № 3. Размеры ямы 280×140 см. При выборке ямы обнаружено около 70 фрагментов керамики и небольшое количество мелких обломков костей животных. Яма заглублена в материк на 41–64 см. На дне ее находились рваные камни и пли-

ты. Как почти все из рассматриваемых ниже ям, фиксировалась на 15–20 см выше материка. Заполнение состояло из гумусированной земли с вкраплениями углей. В своей юго-восточной части нижней части яма имеет ответвление (выход?), возле которого лежала плитка-терочник. Дно ямы № 3, как и других больших, выравнивалось по горизонтали.

Хозяйственная яма № 11. Размеры ямы 400×180 см. В центральной части находились рваные камни, 37 фрагментов керамики и продолговатые гальки. Глубина ямы от уровня материка выше по склону — 42 и ниже — 20 см, т.е. яма также врезалась в материк и выравнивалась. Вход обращен вниз по склону на юго-восток.

Хозяйственная яма № 12. Размеры — 310×295 см. Заполнение состояло из гумусированной земли с большим количеством материкового песка и щебня, что могло быть следствием намеренного ее заравнивания в древности. При выборке заполнения обнаружено 40 фрагментов керамики (рис. 3, 9, 10), костяной наконечник стрелы (рис. 5, 2) и продолговатые гальки. Глубина ямы в западной части — 70 см; с северо-востока, где расположен вход, она выводилась на уровень материка.

Отдельное сооружение, очевидно, представляло собой скопление ям №№ 16, 17, 18, 19, 21. Их контуры проявились на уровне материка, так как они заглублялись на 2–10 см с уровня пола жилища.

Яма № 16 имела размеры 160×120 см, глубину до 30 см. В центре — скопление рваных камней, среди которых половина — зернотерки. В заполнении обнаружено несколько фрагментов керамики, два из них являются обломками горшка из ямы № 21 (рис. 3, 5). Части этого горшка распределялись в заполнении ямы № 21 от поверхности до 80 см. Несколько фрагментов его было найдено в ямах №№ 1, 15, 16, 17 в квадратах 3/2 и Б/3. В надматериковом заполнении над описываемыми ямами находок нет. Столбовые ямы не выявлены. Очевидно, временное сооружение над ямами №№ 16, 17, 18, 19, 21 занимало около 50 м². Постройка функционировала на последнем этапе существования поселения, так как в западине культурный слой уже не образовался. Вероятно, какое-то сооружение располагалось в северной части поселения над ямами №№ 26–30, где найдено значительное количество керамики, а в ямах №№ 26, 28 — обломки зернотерок. Можно предположить, что прямоугольная яма № 25 также является остатком жилища, заглубленного в материк на 53 см. В заполнении — рваные камни и более десятка фрагментов керамики (рис. 4, 4, 9, 10).

Остальные ямы сильно различаются по размерам. №№ 13 и 30 с отвесными стенами, диаметром 30–40 см., глубиной 60 и 47 см. Ямы №№ 4, 8, 9, 10, 21, 26, 27, 28 диаметром от 60 до 100 см заглаблились в материк от 50–70 см до 123 см (яма № 21). Все они имели в профиле бочонковидную форму, поэтому диаметр верхних краев ям всегда на 15–25 см меньше, чем в средней части. В заполнении всех ям встречены фрагменты или развалы сосудов, кости животных.

Единственный очаг в соседстве с двумя хозяйственными ямами найден в квадрате С/9. Очаг представляет собой пятно золы диаметром 60 см, мощностью до 10 см, расположен на 5 см выше материка. Супесь под очагом слабо прокалена. Каких-либо сооружений у очага не отмечается. Из этого можно сделать вывод, что очаг функционировал непродолжительное время.

Яма № 5 диаметром 220 см. Стенки ее от уровня материка были обмазаны глиной и прокалены. Вероятно, данная яма представляла собой печь для обжига керамики.

Жертвенник. Находился в квадрате Х/2. Выложен в виде круга диаметром около 1 м из сланцевых плиток размерами до 30×10×7 см. Пространство между плитками заполнено гумусом, насыщенным мелкими обломками кальцинированных косточек. Мощность заполнения — 15–18 см. В северо-восточной части жертвенника, в слое кальцинированных косточек (часть из них принадлежит мелкому рогатому скоту) находился бронзовый кинжал с обломанным в древности острием. Верх рукояти несколько расплюсчен ударами по направлению к перекрестью. Длина рукояти до перекрестья 7 см.

Клинок имеет ребро жесткости. Его ширина у основания 2,6 см, на месте слома — 1,4 см. Общая длина кинжала 14,5 см, первоначальная — около 17 см. Несмотря на уменьшенные формы, кинжал мог применяться по назначению в ритуальных действиях; его рукоять без навершия удобно захватывается рукой, клинок, по видимому, неоднократно проковывался (отбивался) и затачивался.

Всего в культурном слое и хозяйственных ямах поселения найдено 45 неполных развалов сосудов и 4476 фрагментов керамики, из них 417 венчиков, 140 фрагментов днищ. Почти все сосуды орнаментировались. Орнамент, как правило, наносился под венчиком. Поясок из округлых ямок встречен на 49 фрагментах, где ямочки всегда располагаются в один ряд, а в сочетаниях — на 70%. Орнаментированная зона сосуда расширяется книзу, когда к пояску из ямок добавлялись, образуя елочку, пояски из наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа (22%), иногда — из проречен-

ных косых линий (рис. 2,3). В некоторых случаях так украшалась значительная часть поверхности сосуда (рис. 3,5,6). Гребенчатый орнамент встречен на 6% фрагментов (рис. 3,19,20,22,23), в чистом виде — на 2%. По срезу венчики орнаментировались гладким, иногда гребенчатым штампом или косыми насечками (8%). Орнаментация венчика сочетается со всеми основными видами орнамента и встречается на всех типах сосудов. «Жемчужник», формованные или налепные валики на поселении отсутствуют.

Керамика подразделяется на четыре группы. Первая, самая многочисленная — баночные сосуды, почти все закрытого типа (рис. 2,1-10). Частично реконструируются 20 сосудов. Вторая группа представлена чашами (рис. 2, 11, 12, 16-19). Почти все они орнаментированы только пояском из ямок. Сосуды слабого обжига, в культурном слое расслаиваются от влаги. В хозяйственных ямах их сохранность удовлетворительная. Реконструируется 15 чаш. Подобные чаши, также слабообожженные, в большом количестве встречены при раскопках почти всех поселений Средней Катуни (Элекмонар-4, Партизанская Катушка, Аскат-2, Куротинский Лог-1 и др. [33, рис. 1,5-7]. Таким образом, на поселенческом материале выявляется группа керамики, ранее в Горном Алтае по погребальным комплексам почти неизвестная. Большое количество чаш обнаружено автором и на типично пазырыкских поселениях в окрестностях Больших Башадарских и Туэктинских курганов (Куротинский Лог-1 и др.).

Третья группа представлена горшками. Частично реконструируются четыре сосуда; однако, судя по числу венчиков, их доля на поселении значительнее (рис. 3,5,6).

Четвертую группу составляют кринкообразные сосуды (рис. 3,1-4). Частично реконструируются пять сосудов. Характеризуются раздутым туловом и короткой шейкой. Сосуды всех групп плоскостонны.

Как уже отмечалось, на поселении обнаружено 16 обломков зернотерок и курантов. Куранты типично ладьевидные, сильно сработанные (рис. 5,9,10). Большинство фрагментов и все половины зернотерок (рис. 5,8) найдены в хозяйственных ямах, где их, очевидно, использовали. Найдены обломки от десяти пряслиц и одно целое. Поверхность их не орнаментирована, все однотипны (рис. 5,4-6).

Широко представлены каменные орудия [16]. Определены 3 песта для растирания твердой породы (рис. 5,14,15), грузило-утяжелитель, 2 галечки с заполированной поверхностью для растирания металлической фольги. Несколько галечек, возможно, использова-

пось при выделке шкурок. Для 43 округлых и плоских галечек одинаковых пропорций, толщиной 0,5–1,5 см, диаметром 4–8 см, характерны поперечные, реже — продольные следы затертости (рис. 5, 12, 13). Вероятнее всего ими растирали грубодисперсное вещество не растительного происхождения (шамот, дресва). На некоторых галечках видна забитость. В месте древней свалки найдена плоская овальная галечка со сверленной лункой в центре. Лунка заполнена красной охрой (рис. 5, 7).

Изделия из кости, другой остеологический материал были только в хозяйственных ямах, так как в культурном слое поселения кость не сохраняется. В ямах №№ 12, 21 обнаружены костяной черешковый трехгранный наконечник стрелы (рис. 5, 2) и проколка, изготовленная из кости козули, путем незначительной подработки (рис. 5, 1). Из 73 определимых костей лошади принадлежало 19 фрагментов, крупнорогатому скоту — 19, овце (козе) — 26, собаке — 3, козуле — 4, лисе обыкновенной — 1, дикому кабану — 1 фрагмент. Кроме того 77 мелких неопределимых костей отнесены условно мелким рогатым животным — домашним и диким; 13 фрагментов принадлежали крупным рогатым животным [8].

Жители поселения Чепощ-2 вели комплексное хозяйство. В отличие от полукочевых соседей, значительную роль в их хозяйстве играло земледелие, не меньшее место занимало скотоводство. Судя по полученным поселенческим материалам раннего железного века [7, 35], с учетом природно-климатических условий и этнографических параллелей, можно говорить, что первое место в стаде занимала лошадь, затем — крупнорогатый скот и, сравнительно немного, содержалось мелкорогатого скота, так как на покрытых лесом склонах на этом увлажненном участке реки Катунь, при высоком снежном покрове, добывать корм было затруднительно. Население охотилось ради мяса, шкур, пушнины, для чего, конечно, использовались собаки. находка грузила указывает на занятие рыбной ловлей.

Датировка поселения. Костяной двухшипный трехгранный наконечник стрелы из ямы № 12 не дает узкой даты. Такие наконечники известны на Алтае с эпохи бронзы. Двух- и однотипные костяные наконечники стрел найдены в курганах Кер-Кечу V–IV вв. до н.э. [18, с. 73, рис. 11, 1] и в Ближних Елбанах на памятниках большеберченского этапа [9, табл. XV, 35]. Подобные трехгранные трехшипные бытуют в Горном Алтае по меньшей мере с VI в. до н.э. [25, с. 59; 6, с. 58; 13, с. 35–36] и выходят из употребления в III–II вв. до н.э. [25, с. 59; 11, с. 57; 12, с. 74–77] еще до окончательного угасания пазырыкской культуры. В более

позднее время известны двухшипные, но гораздо более крупные наконечники в лесостепном Алтае, на Ближних Елбанах, в погребениях фоминского этапа [9, табл. 51, 7–11]. Уточнить время существования поселения позволяют два, найденные в развалах, сосуда (рис. 2,9; 4,1). Сосуд с двумя рядами жемчужника, чередующегося с подтреугольными вдавлениями уголка лопатки, и расположенными по венчику пояском из косых оттисков гребенчатого штампа, аналогичен керамике большепереченской культуры VII–VI вв. до н.э. [9, табл. X,9, XIII,3 и др.]. Та же орнаментация, но с заменой гребенчатого штампа гладким на сосуде из землянки № 5 [9, табл. XIV, 12]. Два пояска жемчужин, чередующихся с подтреугольными вдавлениями, имеют сосуды бийского этапа большепереченской культуры VI–V вв. до н.э. [9, табл. XXII, 5; 1]. Обломки рассматриваемого сосуда лежали на одном уровне на площади около 1,5–2 м² и перекрывали яму № 24, откуда происходят фрагменты керамики, украшенные пояском из наколов в чистом виде и в сочетании с гладким штампом, два фрагмента орнаментированы елочкой (рис. 4,5–8). Орнаментация и формы сосудов из ямы № 24 типичны для всего керамического комплекса поселения Чепеш-2. В пользу ранней датировки говорит находка в квадрате Ж/4 на древней свалке мусора в слое с типичной для поселения керамикой развала баночного сосуда, украшенного двумя рядами подтреугольных вдавлений и находящимся между ними пояском округлых вдавлений (рис. 2,9). Ближайшие, надежно датированные фрагменты баночного сосуда с подобной орнаментацией, происходят из остатков тризны под каменной насыпью Второго Башадарского кургана [21, рис. 42,6], датированного серединой VI в. до н.э. [21, с. 336; 17, с. 14].

Кинжал из квадрата X/2, на наш взгляд, определяет более поздний этап существования поселения. Необходимо подчеркнуть, что жертвенник находился в культурном слое и часть его заполнения в виде кальцинированных косточек выходит за пределы выкладки на 10–20 см, соседствуя с обычной для поселения керамикой. Навершие кинжала не сохранилось или его не было вовсе. Перекрестие представляет собой промежуточный вариант между «дуговидными» и «сломанными под углом». Оно наиболее близко декорированным головами кабанов [18, рис. 6,7; 25, рис. 16,1] или баранов [19, с. 193]. Кинжалы и мечи с такими перекрестиями относятся к IV в. до н.э. Таким образом, имеющиеся материалы позволяют нам датировать поселение в пределах VII–IX вв. до н.э.

Рис.1а. Схема расположения поселений, выявленных в 1984-1987 годах между сёлами Чепощ и Элекмонар.

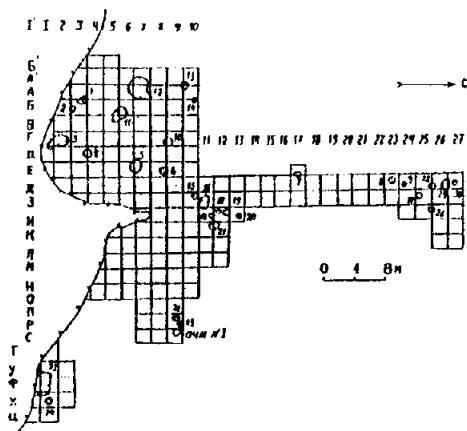

рис.1б. Поселение Чепощ-2. План раскопа.

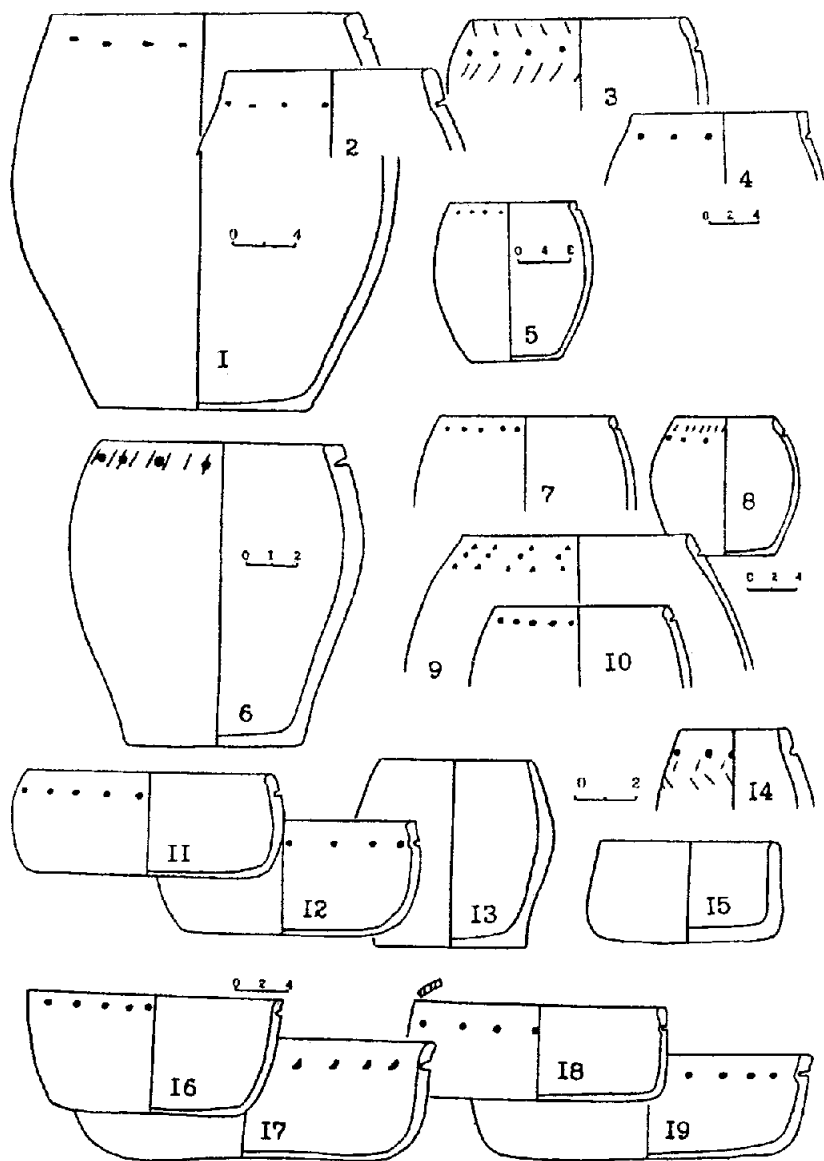
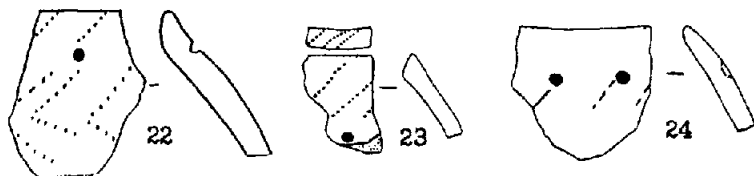
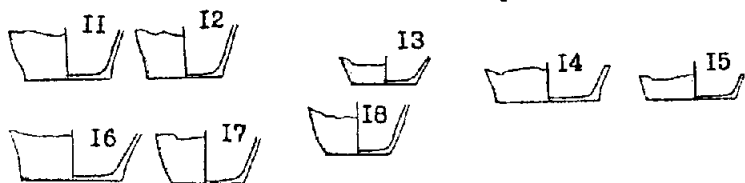
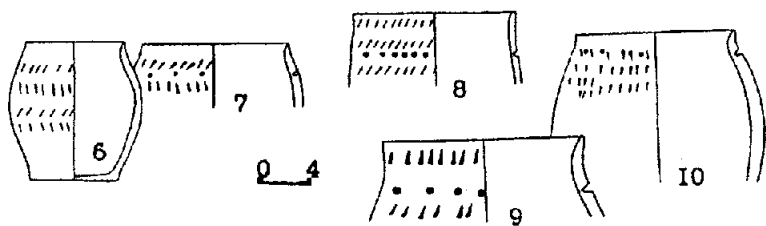
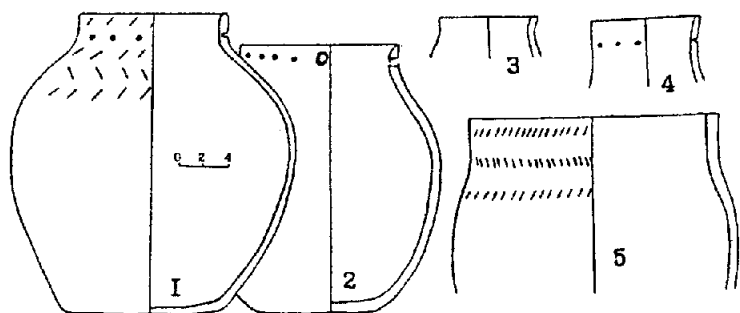

Рис.2. Поселение Чеш-2. Керамика.

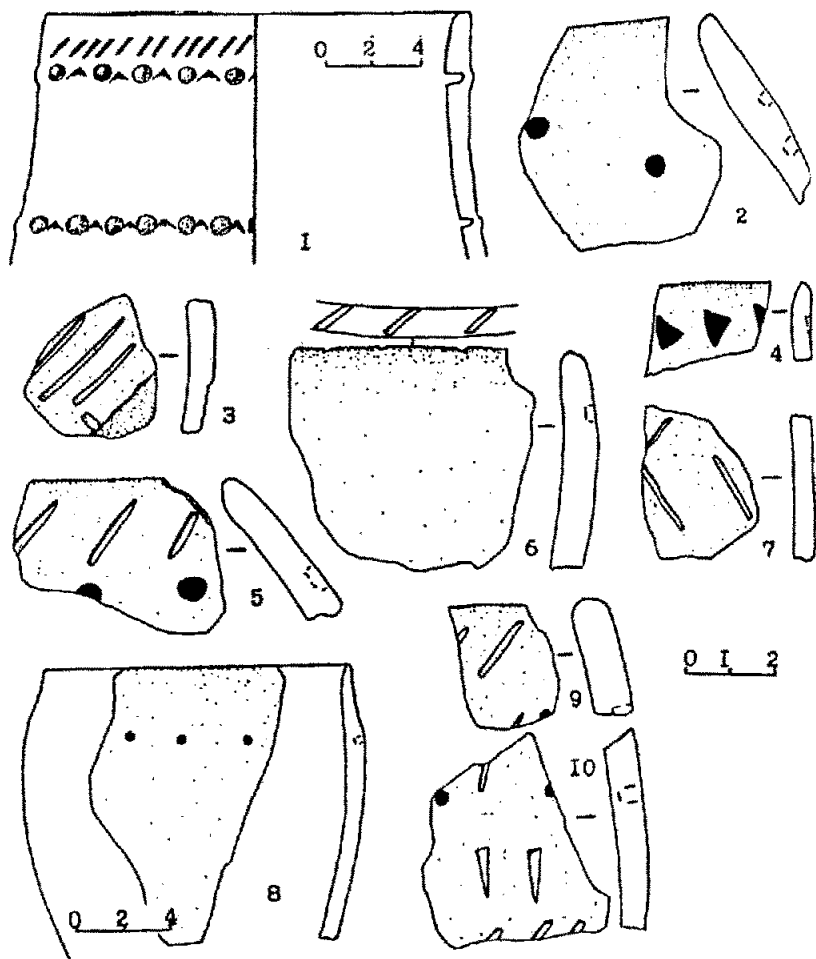

Рис.4. Поселение Чеш-2. Керамика из ям № 24,25 и перекрывающего их слоя /1-3/: яма №25 - 4,9,10; яма №24 - 5-8.

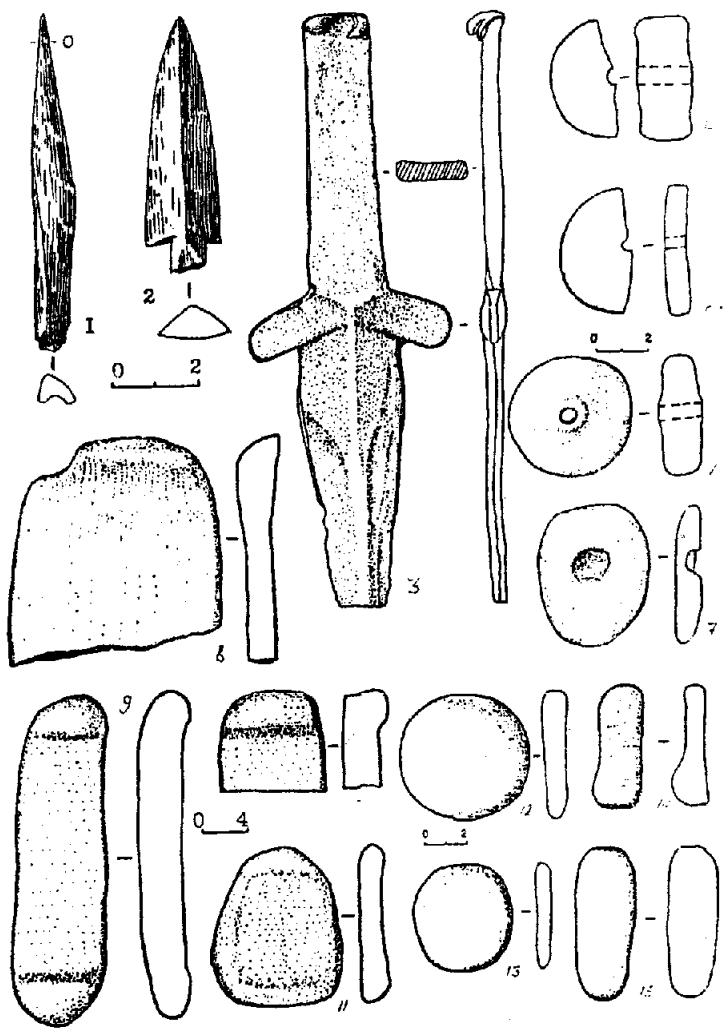

Рис. 5 Поселение Чепоч-2. Инвентарь.
 1-2 — кость; 3 — бронза; 4-6 — керамика; 7-13 — камень.

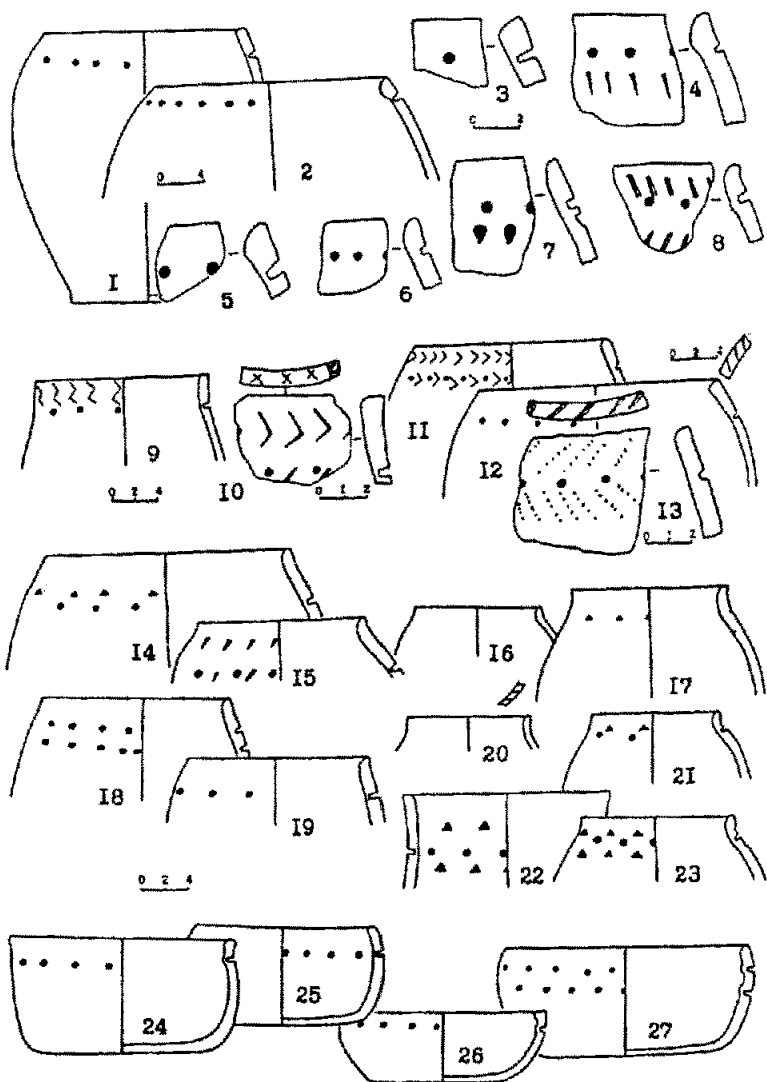

Рис. 6. Поселение Узнезя-4 /1-8/; поселения Кастахта-3 /9-27/.

Предложение отнести Чепош-2 к майминской культуре I половины I тыс. н.э. [3, с. 62] неправомерно. Керамика относимых к майминской культуре городищ Сайлапского и Курлапского [22], поселения Ушлеп-5 [15], а также соответствующего слоя поселения Майма-1 (с керамикой которого нам удалось ознакомиться с любезного разрешения М.Т. Абдулганеева) совершенно иная — «средневекового» облика по обжигу, профилировке, орнаментации и известна нам по поселенческим материалам Горного Алтая, где она хорошо вычленяется стратиграфически. Некоторые элементы орнаментации керамики Сайлапского и Курлапского городищ и слоя I тыс. н.э. на поселении Майма-1 (сочетание наколов с елочкой, напесенной гладким или гребенчатым штампом и вертикальных вдавлений стеблем травы), наблюдаемые и в чепошской керамике, могут быть объяснены как стадийными изменениями, приведшими к исчезновению «жемчужника» и налепных валиков в нач. I тыс. н.э. в северных предгорьях Алтая, так и возможной культурной преемственностью более поздних «майминских» поселений.

Наиболее сложным является вопрос этнокультурной принадлежности поселения Чепош-2 [4]. Поселение Чепош-2 и, возможно, еще слабоизученные Узнезя-4 (рис. 6, 1-8), Куюм (рис. 1) на фоне поселений раннего железного века Средней Катуни и северного Алтая, пока стоят особняком. Одиночные фрагменты, близкие керамике чепошского типа, найдены на поселении Узнезя-1 [23, рис. 3, 2, 8], Дуган (правый берег р. Куюм, неподалеку от поселения Куюм [24], Тыткескен-3 [14, рис. 7, 5], в сборах на многослойном поселении Майма-1 [10, рис. 6; 7, 1-4]. Однако, за исключением двух сосудов с большепереченской и кастахтинской (бападарской) орнаментацией (рис. 4, 1; 2, 9), влияние соседних культурных групп почти не отразилось на керамическом комплексе поселения Чепош-2. Здесь полностью отсутствует обычная для других поселений керамика эпохи энеолита, бронзы, скотоводческих поселений раннего железного века, средневековья, что объясняется, очевидно, его расположением в неудобном для скотоводов Горного Алтая месте.

Наиболее близкой чепошской нам представляется кастахтинская керамика на поселениях Кастахта-3 (в 10 км к СВ от с. Усть-Кокса), Текпенек-Боочи-2 и 3 (в 400-600 м к З и СЗ от Второго Башадарского кургана), получивших условное название «земледельческие».

Для памятников этой группы характерны следующие признаки:

1. Поселения на Средней Катуни расположены на пологих склонах южной экспозиции, а не в логах или у подножия скло-

нов — обычного месторасположения поселений скотоводов Горного Алтая с эпохи энеолита до современности [32].

2. На поселениях Чепош-2 и Кастахта-3 (вскрыто 300 м²) встречено значительное количество орудий земледельцев — соответственно 21 и 14 обломков зернотерок и курантов, тогда как на «скотоводческих» поселениях Аскат-2, Партизанская Катущка (слой раннего железа) найдено лишь по одному обломку сработанных камней, которые можно определить как курапты. На Элекмонаре-4 зернотерок пока не найдено (вскрыто 52 м²). Крайне редки они на десятках распаханых поселений. Однако, до получения более представительных материалов, этим наблюдениям нельзя придавать слишком большого значения, так как на типично пазырыкском поселении Куротинский Лог-1 близ Больших Туэктинских курганов на вскрытой площади 132 м² найдены: обломок нижнего камня зернотерки, две заготовки курантов и четыре целых или обломанных куранта.

3. Важнейшее отличие «земледельцев» от скотоводов проявляется в орнаментации керамики. На сосудах из поселений Чепош-2, Узнезя-4 (рис. 6,1-8) и Кастахта-3 (рис. 6,9-27) нет налепных валиков и «жемчужника», характерных для всех скотоводческих поселений Горного Алтая [31, 33] и северных предгорий [9].

Несмотря на определенное сходство с чепошской, кастахтинская керамика наиболее близка башадарской (насыпь Второго Башадарского кургана, расположенные в 300–400 м от него поселения Текпенек-Боочи-2 и 3) [21, рис. 40–44], датируемой VI в. до н.э. Интересно, что фрагмент днища, украшенного вдавлениями в виде концентрических окружностей с поселения Текпенек-Боочи-2, имеет единственную в Горном Алтае аналогию с насыпи Второго Башадарского кургана [21, рис. 44]. Горшки из жилища на поселении Текпенек-Боочи-3 по профилировке, отсутствию на многих из них орнаментации, соответствуют сосудам, разбитым во время тризны на Втором Башадарском кургане. С этого же поселения (проводилась только шурфовка) происходит и орнаментированный елочкой фрагмент, близкий черепкам от сосуда, найденного на месте тризны в насыпи Второго Туэктинского кургана [21, рис. 93], также относимого к середине второй половины VI в. до н.э. [21, с. 336; 17, с. 14]. Представляется наиболее верным, что поселения с керамикой этих типов оставлены населением, проживавшим в Горном Алтае еще до прихода пазырыкских племен. Автохтонное население, ведущее комплексное хозяйство, продолжало сосуществовать с пазырыкцами и даже принимало участие в похоронах пазырыкских вождей в VI в. до н.э.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 51–56.
2. Абдулганеев М.Т. Валиковская керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул, 1994. — С. 106–109.
3. Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. до н.э. — сер. I тыс. н.э. / по материалам поселений // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 59–63.
4. Абдулганеев М.Т. ошибается, приписывая автору идентификацию «земледельческих» поселений с каракобинскими могильниками. См.: Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации... 1994. — С. 62 и Шульга П.И. Исследование поселений... 1990. — С. 85.
5. Абдулганеев М.Т., Алексин Ю.П. и др. Работы Алтайского университета // АО, 1986. — М., 1988. — С. 202–206.
6. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-1 и Кырлык-2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 51–88.
7. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 94–106.
8. Все определения костей животных сделаны А.В. Гальченко.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, 1956. — № 48. — 256 с.
10. Киреев С.М. Поселение Майма-1 в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 165–191.
11. Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1987. — С. 55–60.
12. Кубарев В.Д. Курганы Сайлогема. — Новосибирск, 1992. — 219 с.
13. Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. — Кемерово, 1976. — Вып. 7. — С. 3–41.
14. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. — Барнаул, 1994. — С. 43–58.

15. Кунгуров А.Л. Средневековое поселение Ушлеп-5 // Курганы древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 99–107.
16. Все определения сделаны Н.Ю. Кунгуровой.
17. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–V вв. до н.э.). — Автореф. канд. дис. — Л., 1985. — 16 с.
18. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар 1, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 3–39.
19. Могильников В.А. Меч с зооморфными изображениями из Верхнего Приобья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 191–195.
20. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры и населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 60–107.
21. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая. — М.-Л., 1960. — 489 с.
22. Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая /по материалам Сайлацского и Курлацского городищ // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 62–71.
23. Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 19–26.
24. Устное сообщение Н.Ф. Степановой.
25. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. — Горно-Алтайск, 1989. — 215 с.
26. Шульга П.И. Работы по рекам Катунь и Урсул // АО — 1984. — М., 1986. — С. 207.
27. Шульга П.И. Работы в Шебалинском и Онгудайском районах Алтая // АО. — 1985. — М., 1987. — С. 295.
28. Шульга П.И. Значение экологического фактора в жизни населения Горного Алтая в I тыс. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. — Кемерово, 1987. — С. 55–57.
29. Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 83–87.
30. Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае. — Автореф. канд. дис. — Кемерово, 1990. — 16 с.
31. Шульга П.И. К вопросу о взаимодействии населения Горного Алтая и предгорий // Проблемы хронологии и периодизации

- археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 131–132.
32. Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1991. — С. 155–159.
33. Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат-2 на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 64–65.
34. Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1993. — С. 86–89.
35. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 48–60.

А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин

**Результаты исследования
памятника эпохи раннего железа
Усть-Иштовка 1 на Алтае**

В ходе разработки глиняного карьера для кирпичного завода у с. Вяткино Усть-Пристанского района Алтайского края был обнаружен в 1986 г. древний могильник, расположенный на мысу, близ устья р. Иштовка (рис. 1-1). Несколько погребений разрушено во время проведения работ в карьере.

Первоначально необходимые охранные работы по поручению Алтайского краевого совета ВООПиК проводил В.Б. Бородаев, который обследовал на площади, подготовленной под карьер 3 погребения. Что касается такой информации в последней публикации Ю.П. Алехина, то она ошибочна [3, с. 68]. Затем археологические исследования были продолжены осенью 1986 г. одним из авторов статьи. В результате раскопок 12 могил получено значительное количество фактического и информационного материала о погребальном обряде населения, проживавшего на левом берегу р. Обь в эпоху раннего железа [1, с. 203-204]. Найденные вещи ныне хранятся в Алтайском краевом краеведческом музее г. Барнаула (инв. № 14773/1-7) и в музее археологии Алтая при Алтайском государственном университете.

В 1987 г. охранные работы на уже известном могильнике у с. Вяткино проводил Ю.П. Алехин, который обнаружил и исследовал 5 погребений, материалы которых опубликованы [3, с. 68-69, рисунок]. К тому времени основная часть памятника была уже уничтожена карьерами, постройками и в ходе естественного разрушения береговой линии мыса.

Могильник Усть-Иштовка 1, получивший название по своему месту расположения, дал богатый и разнообразный вещевой комплекс, в котором нашли свое отражение результаты взаимодействия нескольких культур населения, проживающего в тот период времени вблизи предгорий Алтая. Материалы погребений таковы:

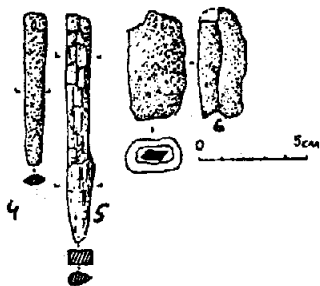
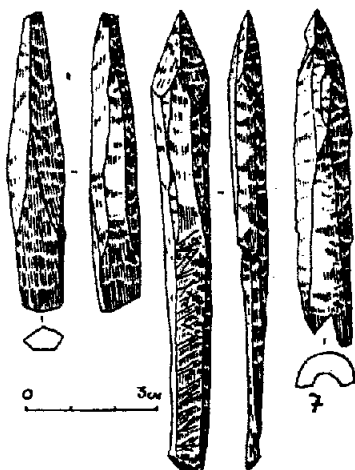
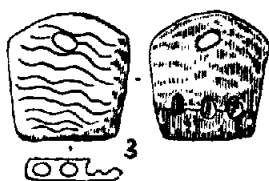
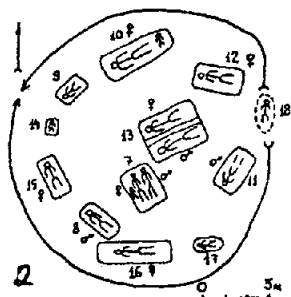
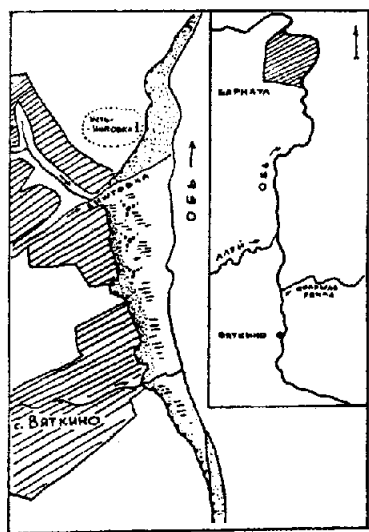

Рис. 1. 1 — расположение могильника Усть-Иштовка I; 2 — соотношение могил 7-18 на месте разрушенного кургана; 3 — костяная пряжка из могилы 4; 4 — нож из могилы 9; 5 — нож из могилы 8; 6 — железный предмет из могилы 4.

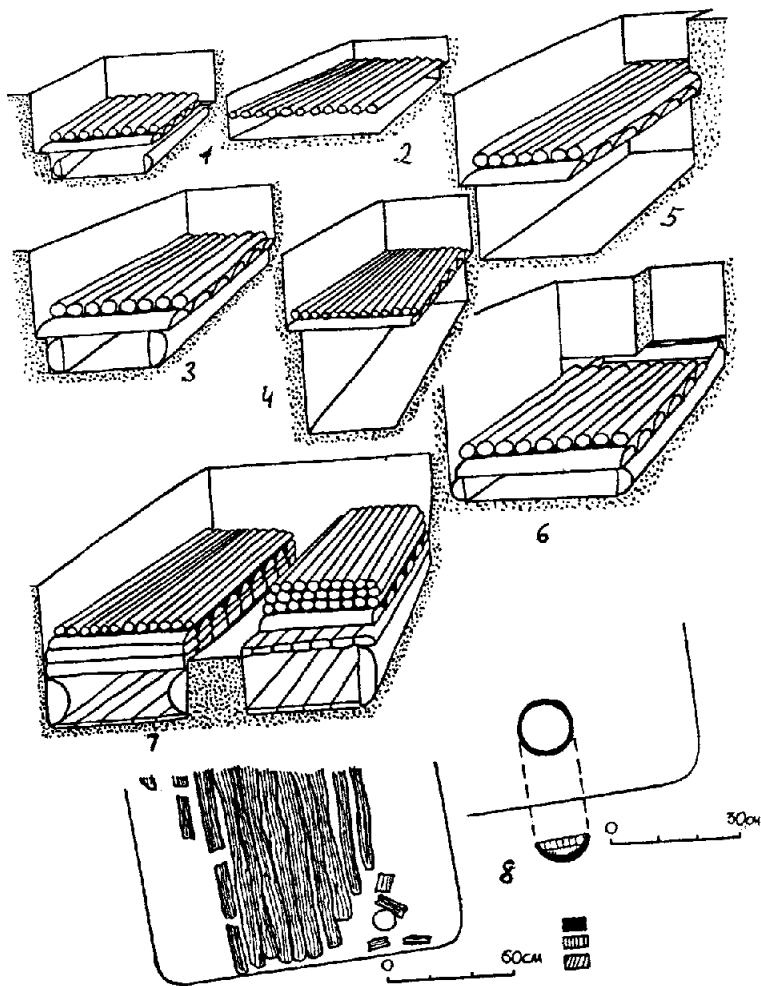

Рис. 2. Реконструкция погребальных сооружений
 могильника Усть-Иштовка I
 (1 — мог. 4, 2 — мог. 7, 3 — мог. 11, 4 — мог. 10,
 5 — мог. 8, 6 — мог. 15, 7 — мог. 13); 8 — деталь могилы 7.

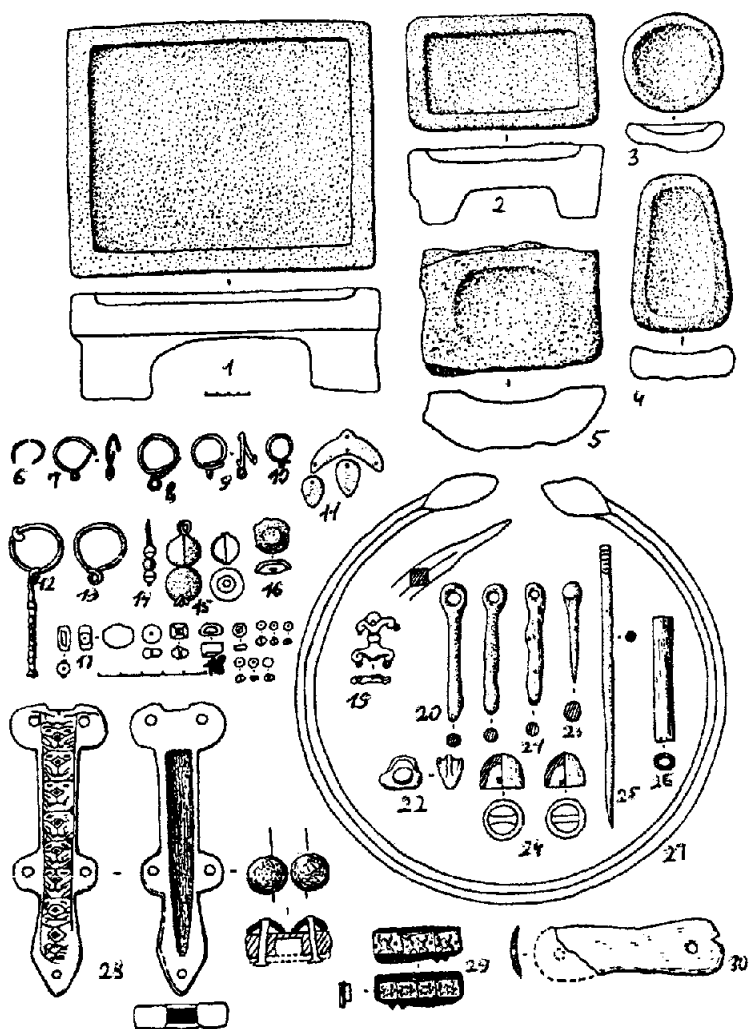

Рис. 3. Инвентарь могильника Усть-Иштовка I.

Мог. 2 (4), мог. 7 (2, 7, 6, 18, 26), мог. 8 (22), мог. 9 (20),
 мог. 10 (5, 10, 14, 15, 28, 29), мог. 11 (24), мог. 12 (1, 9, 16, 17, 19),
 мог. 13 (3, 12, 18, 21, 23, 27), мог. 15 (8, 11, 30), мог. 16 (25).

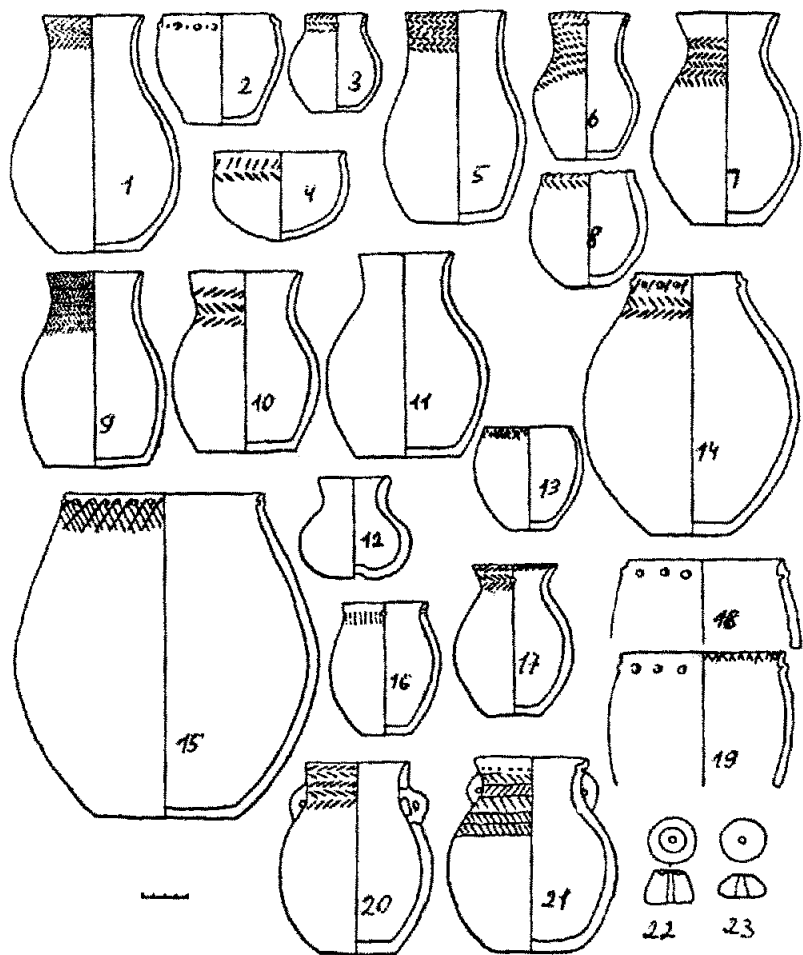

Рис. 4. Керамика могильника Усть-Иштовка I.
 Мог. 1 (1), мог. 2 (4, 14, 23), мог. 4 (2), мог. 7 (3, 8),
 мог. 8 (5), мог. 9 (6), мог. 10 (7), мог. 11 (16, 17),
 мог. 12 (21), мог. 13 (15, 22), мог. 15 (12, 20), мог. 16 (11, 13).
 Сборы из разрушенных погребений — 10, 18, 19.

Могила 1 наполовину разрушена карьером. Размеры сохранившейся части 1,1×0,75, глубина 0,55 м. На дне лежали таз, нижние конечности и локтевая кость правой руки мужчины (все половозрастные определения по костям людей сделаны А.Р. Кимом), который был уложен вытянуто на спине, головой на север. Между стенкой и голенью правой ноги лежал кувшин с трехрядным елочным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом (рис. 4-1). На высоте 0,2-0,25 м от дна, на стенках могильной ямы, фиксировался тлен от деревянного перекрытия.

Могила 2. Размеры сохранившейся части 1,6×1,3 м, глубина 1,3 м. На дне ямы находились таз и нижние конечности женщины, которая, судя по сохранившимся костям, лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Сохранилось деревянное перекрытие, располагавшееся на продольных заплечиках могильной ямы на высоте 0,2 м от дна. Перекрытие представляло собой раму из поставленных на ребро брусьев, сверху которых находились доски, держащие накат из 2-3 рядов бревен, часть из которых березовые. В одном углу сохранившейся части погребальной камеры стоял горшок (рис. 4-14), а в другом — курильница (рис. 3-4), здесь же найдены пряслице, фрагмент керамики и еще один сосуд (рис. 4-4,23).

Могилы 3, 5, 6 полностью разрушены карьером. Из могилы 5 происходят обломки сосуда (рис. 4-19).

Могила 4 имела следующие размеры: 2,55×1,25 м, глубину от поверхности карьера 0,8 м. По периметру ямы был оставлен материковый уступ шириной 0,1-0,2 м, высотой от дна — 0,28 м. Погребение разграблено. Судя по всему, умерший человек был уложен вытянуто на спине, головой на СЗЗ. На материковые уступы было положено деревянное перекрытие, а на дне находилась рама из приставленных друг к другу колотых сосновых бревен (рис. 2-1). В заполнении могильной ямы найдены угли, обломки железного предмета (обойма?), втулка, костяная пряжка (рис. 1-3,6) и обломки сосуда, украшенного ближе к венчику рядом жемчужника, разделенного ямками (рис. 4-2).

Могила 7. Располагалась почти на поверхности карьера, частично разрушена. Яма имела размеры: 2,25×1,45 м, глубиной 0,2 м. Сохранилось деревянное перекрытие (рис. 2-2). В юго-восточном углу обнаружены остатки круглодонной чашки, диаметр которой 0,12 м, высота 0,05 м, сделанной из дерева. Сверху в чашке зафиксирован слой золы, а ниже древесный уголь, который, видимо, некоторое время тлел после сооружения перекрытия. На дне могилы были погребены вытянуто на спине, головами на ССЗ, мужчина, женщина

и младенец. Умерший мужчина в возрасте 25–30 лет. Ноги разрушены бульдозером. У головы умершего найдена задняя нога барана в сочленении с частью таза и железный нож (рис. 1–4). У левого локтя, в небольшом подбойчике в материковой стенке могилы, стоял каменный алтари́к с бортиком на четырех ножках (рис. 3–2). В ногах найдена трубочка из птичьей кости с обрезанными эпифизами и обломки небольшого сосуда.

Возраст погребенной женщины — 25–30 лет, череп завален вправо и вниз (лицом к младенцу), справа от него лежала кость ноги барана в сочленении с астрагалом и фалангами, у правого колена находился небольшой сосудик со срезанным бульдозером венчиком (рис. 4–8). У головы погребенной найдены: две бронзовые проволочные серьги (рис. 3–6,7), 6 пастовых и 2 бронзовые бусины (рис. 3–18).

Возраст младенца — до одного года. Лицо было повернуто к локтю скелета женщины. Справа от головы стоял кувшинчик с елочным орнаментом и двумя отверстиями для подвешивания (рис. 4–3).

Могилы 8. Яма размерами 2×1 м. На глубине 0,7 м обозначился материковый уступ шириной до 0,1 м у юго-восточной стенки, на противоположной же стенке зафиксирован подбой шириной около 0,1 м. На уступе и в подбое находилось деревянное перекрытие (рис. 2–5), которое образовывало потолок погребальной камеры высотой 0,8 м от дна. Общая глубина могилы — 1,15 м. Между поперечными и продольными горбылями обнаружен слой травы, предохраняющий попадание земли внутрь камеры. На дне ямы был погребен умерший мужчина 45 лет вытянуто на спине головой на СЗ. Дно и скелет человека засыпаны золой. Слева от черепа найдены кости ноги и таза барана, а также железный нож (рис. 1–5). У левой голени, на боку, поверх слоя золы, лежал кувшин с елочным орнаментом (рис. 4–5), а у правой — костяное кольцо (рис. 3–22). В заполнении могильной ямы встречен древесный уголь.

Могилы 9. Яма размерами 1,4×0,8 м, глубиной 0,9 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На глубине 0,7 м прослежен тлен от перекрытия. На дне могилы лежал скелет ребенка 7–8 лет, который был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Справа от черепа находился кувшинчик с отверстиями для подвешивания, украшенный 9 рядами косо поставленных оттисков гребенчатого штампа (рис. 4–6). У кисти левой руки найдена бронзовая подвеска (рис. 3–20), подобная же подвеска оказалась у правого колена (рис. 3–20). Кости скелета лежали на слое золы. В заполнении ямы встречались крупные куски древесного угля и куски спекшейся глины.

Могила 10. Яма длиной 3 м, шириной в северо-восточном конце 1,1 м, в юго-западном — 0,9 м, глубиной 0,9 м. Материковые уступы шириной 0,1–0,15 м обозначились на глубине 0,3 м. На них лежали остатки перекрытия, представляющего собой настил из сосновых горбылей, перекрытый в один ряд бревнами и жердями. Высота погребальной камеры 0,5–0,6 м. На дне вытянуто на спине лежал скелет женщины 20–25 лет черепом на ЮЮЗ. У правого колена на боку лежал раздавленный кувшин (рис. 4–7), а у левого бедра, ближе к колену — пустой футляр из рога лося для небольшого кинжала-стилета. На срединных лопастях футляра имелись следы железных заклепок диаметром 2,5 см полусферической формы. К ним припаяны шпеньки, притягивающие к футляру с задней стороны, видимо, какое-то органическое (кожаное?) покрытие. На лицевой стороне ножен имеется орнамент в виде вертикального ряда сильно стилизованных морд кошачьего хищника (рис. 3–28). Футляр лежал орнаментированной стороной вниз, возможно, он отвалился от крепления, находившегося на бедре умершей. Под черепом оказалась россыпь из 105 пастовых бисерин зеленоватого, голубого, желтого и белого цвета, а также золотая серьга (рис. 3–10) и две подвески. Одна такая вещь сделана из бронзовой проволоки сечением 1,5–2 мм с закрученными концами, между которыми находилась крупная темно-синяя пастовая бусина и подвеска из серебряной фольги, полностью окислившейся (рис. 3–15); вторая представляла собой бронзовый стержень из двух скрученных проволочек с распущенными концами, между которыми закреплены (снизу-вверх) две золотые полусферы, образующие разомкнутый шарик, затем круглая черная пастовая бусина и еще две аналогичные полусферы; оставшийся стержень туго обернут золотой проволокой, сечением около 0,5 мм (рис. 3–14). С правой стороны черепа расчищены 7 штампованных нашивок бляшек из серебряной фольги, закрепленных на ткани, образующей «кулек». На одной стороне нашито 3 бляшки, на другой — 4. Ткань, по-видимому, составляла основу головного убора, к которому крепились нашивки, подвески и бисер. Скелет частично перекрыт плотным слоем золы. В ногах у умершей, перпендикулярно ей, головой на ЮВ лежал скелет младенца. Справа от его черепа найден срединный обломок куранта с углублением, использованный, похоже, вместо алтарика (рис. 3–5).

Могила 11. Яма размерами 2,5×1,1 м, глубиной 0,65 м. Ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Могила имеет сложную конструкцию. На два крупных продольных горбыля, поставленных вровень с узкими материковыми уступами высотой от дна ямы 0,3 м, уло-